Заур Зугумов

БРОДЯГА

Не верь,
не бойся,
не проси

ВОСКРЕШЕНИЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Третья книга Заура Зугумова, пережившего все ужасы тюрем и зон, продолжает захватывающее повествование о трагической судьбе человека, прошедшего все круги ада на земле. После многих лет, проведенных в неволе, приговоренный к смерти государством и тяжелейшей болезнью, он находит в себе силы не сломаться, разорвать опутавшую его паутину ложных обвинений, предательства и провокаций, восстановить попранную справедливость и встретить настоящую любовь, сотворившую чудо.

Все, что автор описывает, он испытал на себе, видел собственными глазами, пропустил через собственное сердце.

- Заур Зугумов
  - Часть I
    -
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
    - Глава 26

- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33

○ Часть II

-
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29

○ Часть III

-
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4

- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27

○ Часть IV

-
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19

- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22

- Авторская справка
- Воровской словарь
- Краткий словарь жаргонных слов и выражений, смысл которых неясен из контекста
- Фото с вкладки

Заур Зугумов
Бродяга: Воскрешение

Часть I
Тюрьмы и пересылки

Для того чтобы действительно оказаться на свободе, бродяге-рецидивисту отнюдь не достаточно по совести отсидеть положенный срок от звонка до звонка. Он всегда должен помнить: охота на него продолжается, и это — борьба без правил, во всяком случае правоохранительные органы крайне редко утруждают ими себя. Новый арест по ложному обвинению, ЛТП, психушка — вот лишь самый неполный перечень из их богатого, нажитого десятилетиями арсенала.

Что может спасти каторжанина? Верные друзья, воровская солидарность, горький гулаговский опыт и в немалой степени деньги…

Именно это последнее обстоятельство подвигло меня и всю нашу братву к совершению «экспроприации» — действию, знакомому всем нам по учебникам русской истории.

Ставка была высока не только из-за степени риска, но и потому, что в работе приходилось участвовать не просто преступникам, а людям идейным, честным во всех отношениях, то есть бродягам. Все это мы знали с самого начала и готовились к операции очень тщательно.

Место встречи с «покупателем» выбрали неслучайно. Это был Паттакесар — прибрежный участок суши вдоль небольшого отрезка берега Амударьи к западу от Термеза. Он был почти голым, не считая редких колючих кустарников, росших то там, то здесь, да нескольких карликовых деревьев, которые, казалось, были кем-то зарыты в грунт по самые ветви.

Но главным ориентиром, как для тех, кто пытался совершить здесь сделку, так и для тех, кто хотел ей помешать, являлся дуб-топляк в три обхвата, очень давно принесенный сюда бурным течением реки.

Угольно-черная тьма безлунной ночи укрыла все вокруг, погасив блеск реки. Почти зарывшись в песок, сжимая обеими руками холодную рукоять парабеллума, который был нацелен на одного из двоих «продавцов», я лежал на промерзшей земле в каком-то кустарнике. Еще раньше я наскоро соорудил здесь что-то вроде наблюдательного пункта, собрав на берегу принесенные ветром колючки, связал их вместе и зарыл в песок.

Не шевелясь и почти не дыша, я не сводил глаз с двух солдат, которые тихо перешептывались почти в метре от меня, нервно поглядывая в разные стороны и крепко прижимая стволы своих

автоматов к груди, явно ожидая кого-то еще. Оказывается, промелькнуло у меня в голове, время тянется мучительно медленно не только для меня.

Стояла почти мертвая тишина, прерываемая разве что криком речной чайки, но чайки в этих краях зимой так не кричат — это Юань имитировал их крик, цинкуя нам о том, что пока все тихо, курьер еще не прибыл.

С противоположного, афганского берега Амударьи кто-то время от времени запускал осветительные ракеты. Иногда оттуда доносились редкие трассирующие автоматные очереди, напоминавшие о том, что смерть в этих краях — постоянный спутник. Когда редкие отблески озаряли на какое-то мгновение небольшой отрезок суши, я до боли в глазах пытался разглядеть лица этих «юнцов-торпед», по-другому их невозможно было назвать.

Мне вспомнился один солдат, азербайджанец, который несколько суток просидел вместе со мной в КПЗ бакинского горотдела, когда еще только-только начиналась моя мучительная эпопея, закончившаяся камерой смертников.

Он служил в Афганистане, а посадили его за то, что он убил молотком двоих соседей по дому. В заключение он попал впервые, поэтому я и старался ненавязчиво подсказывать ему, а заодно и слушал рассказы об армейской жизни этого вояки.

Вот какой эпизод врезался мне в память. Лежа в засаде и наблюдая в оптический прицел за душманами, бойцы, оказывается, отстреливали не всех подряд, а только тех, у кого на шее висели мешочки с опием.

— А зачем нам были нужны другие? — цинично рассуждал вояка. — Мы берегли патроны.

После боя, или как там у них называлась подобная операция, они собирали с трупов «трофеи», а затем этот «терьяк» продавали. Через границу его беспрепятственно перевозил кто-либо из сослуживцев, когда по служебным делам на несколько дней откомандировывался в Термез, ну а на нашей стороне клиентов всегда хватало. Таких командированных здесь ждали с нетерпением. Ну что ж, у солдат было с кого брать пример…

Фархад тоже затарился напротив меня, но с таким расчетом, чтобы солдаты находились как бы посередине образовавшегося полукруга под нашим постоянным наблюдением.

Рядом с ним не было даже маленькой веточки; он зарылся в песок как пустынный варан, но видел все. Изобретательности и хитрости жителям Востока не занимать, а Фархад был истинным уроженцем этих мест. Старики здесь любят повторять: «Иногда осторожность лучше, чем храбрость». И они, безусловно, правы.

Время продолжало тянуться мучительно медленно, но вдруг троекратный крик чайки разорвал нависшую над берегом реки гнетущую тишину. Это Юань давал нам знать о том, что курьер уже прибыл. Затем, примерно через минуту, с того места, откуда донесся цинк, я увидел несколько маленьких фонарных вспышек.

У несведущего человека могло сложиться впечатление, будто все, кто участвовал в этой операции и с той и с другой стороны, «шпилят на одну руку». Такую последовательность и слаженность не всегда можно встретить даже у людей, давно работающих вместе.

После маячка фонариком один из солдат принялся быстро и умело разводить небольшой костер, а второй, подойдя к берегу, несколько раз короткими трелями просвистел соловьем.

«Более оригинального цинка они, конечно же, придумать не могли!» — подумал я. Заливаться российским соловьем в среднеазиатской ночи? Конспираторы…

Вскоре после очередной трели откуда-то из темноты к солдатам подобрался офицер с «дипломатом» в руке. Мгновенно юркнув за дуб-топляк и спрятавшись от посторонних взглядов, он поднял на уровень глаз бинокль ночного видения, висевший у него на груди, и медленно, со знанием дела стал осматривать местность.

Через минуту-другую, убедившись, что для опасений нет причин, он вынул из кармана фонарик с синим стеклом и маякнул им несколько раз в сторону прибывшего курьера.

«Вот тот, кого они ждали», — тут же промелькнуло у меня в голове. Еще плотнее вжавшись в холодный песок, я стал прислушиваться. Теперь должна была начаться главная фаза задуманной нами операции, и здесь всем нам предстояло быть во всеоружии.

Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как появился офицер, а «ночного эскорта» все еще не было видно.

Думаю, что сейчас настало время пояснить некоторые детали нашей операции более подробно. Юань еще задолго до осуществления задуманного плана приготовил раствор, секрет которого случайно обнаружил много лет тому назад. Ничтожно малая часть этого препарата, попадая в организм человека, полностью парализовывала его на некоторое время и лишала сознания. Но затем, через пять-шесть часов, человек приходил в себя, и никакого вреда эта процедура ему не приносила.

Ко всему прочему Юань был еще и прекрасным стрелком, но не из стрелкового оружия, хотя и им он владел неплохо. Из маленькой, размером в 15–20 сантиметров и очень тонкой трубки, заряженной иглой, похожей на сапожную, он мог прибить

муху к стене с расстояния десяти метров.

Так вот, в нашей операции ему, с его незаменимым талантом, отводилась, можно сказать, самая ответственная роль — поразить этими иглами сразу двоих охранников курьера, причем выстрелы нужно произвести почти одновременно.

Курьер не успел даже щекотнуться по мелочам, когда увидел, как его охранники, словно по команде, стали валиться наземь, а к его виску уже был приставлен револьвер. Дальше — дело техники. Меньше минуты потребовалось Мурту для того, чтобы объяснить этому наркодельцу, что нужно делать и как вести себя, чтобы не заработать пулю в затылок, и уже в следующую минуту, после маячка фонариком, охраняемый с двух сторон моими подельниками, показался курьер.

Находясь многие годы либо в полутьме общих камер, либо в полном мраке карцеров, мои глаза приобрели особую способность различать предметы ночью, подобно глазам гиены или волка.

«Продавцы» тем временем заметно оживились. Офицер выполз из-под топляка, что-то сказал солдатам, стряхнул с себя прилипший песок и подошел к уже разгоревшемуся костру, наверное для того, чтобы его лучше было видно издали. По всей видимости, они с курьером знали друг друга в лицо, и это еще раз подтверждало правильность выбранной нами тактики.

Солдаты, как при смене караула, встали по обеим сторонам от своего командира и замерли в ожидании. Со стороны картина выглядела впечатляюще, все происходило как на параде, не хватало только полкового знамени, но его им заменял черный «дипломат», набитый наркотиками.

Как только курьер, которого по бокам опекали Мурт с Юанем, подошел и поздоровался с офицером за руку, мы с Фархадом мгновенно выскочили из своих укрытий и подбежали к обезумевшим от страха и неожиданности солдатам.

Фархад на какие-то доли секунды опередил меня, и этого мгновения было достаточно для того, чтобы сработала профессиональная выучка военного. Резко повернув голову в сторону Фархада, офицер выхватил пистолет из кобуры, но даже не успел его вскинуть и прицелиться, как сильный и резкий удар рукояткой пистолета моего кореша проломил ему череп. Он рухнул на песок как подкошенный. Та же участь постигла и курьера. Только теперь уже постарался Мурт.

Солдаты замерли на месте. Они стояли оторопевшие, подняв руки вверх под прицелом моего револьвера, и молча ожидали своей участи. Нужно было видеть лица служивых в тот миг, но наибольшее впечатление на меня произвела их одежда. На обоих были надеты короткие лагерные телогрейки и шапки-ушанки.

Я постарался успокоить их, разъяснив, что им ничто не угрожает и они могут не волноваться на этот счет. Главное, чтобы они вели себя тихо и не трепыхались, но говорить об этом было излишне, они и так здорово перепугались.

Даже я, ничего и никогда не имевший общего с армией, понял, что эти пацаны только что призвались в нашу самую красную и самую что ни на есть замечательную армию. Было только непонятно, зачем этот ублюдок офицер потащил с собой юнцов на такую опасную операцию?

Затем Юань со знанием дела наскоро связал их по рукам и ногам и посадил на сухой топляк, а мы тем временем подкинули хворосту в костер, чтобы они не замерзли, пока не выберутся из пут. Участь двух ничтожеств, лежавших на земле, нас не интересовала. Боеприпасы военных мы выбросили в воду, оставив рядом с ними лишь их оружие. Еще минута нам потребовалась на то, чтобы замести все следы нашего пребывания здесь, и уже в следующее мгновение мы исчезли в ночи, так же как и появились — молча и незаметно.

Глава 1

Когда я увидел, что после приказа «На выход!» надзиратель стоит в проеме двери и не закрывает ее за собой, как обычно, ожидая меня в коридоре, уже закоцанного в наручники, внезапное черное предчувствие тучей охватило меня. Мозг, привыкший к несчастьям, оставлял лишь малую толику надежды на лучшее.

Для узника тюремщик — не человек. Это живая дверь, своеобразное приложение к дубовой двери; это живой прут — добавление к толстым железным прутьям. Впрочем, подсознательно я моментально понял, что это не вывод на расстрел, но все же не мог еще в это поверить, слишком высоко было напряжение, нервы были натянуты как струны, до предела.

Смерть не желала отпускать меня из своих цепких объятий. В доли секунды мой мозг просчитал все варианты за и против: жизнь или смерть? И, судя по тому, что я странным образом был относительно спокоен, хотя холодный пот и покрыл почти все мое тело так, что я оказался в одно мгновение мокрым насквозь, мне стало очевидно — жизнь! Чувства, овладевающие человеком при таких обстоятельствах, очень трудно передать читателю. Не то чтобы выразить их на бумаге, но даже и объяснить их простыми словами бывает совсем непросто. Их нужно попытаться прочувствовать самому, закрыв глаза и представив себе всю картину происходящего.

В коридор я вышел на полусогнутых, опустив голову, как предписывали правила конвоирования смертников, и по привычке повернулся к надзирателю спиной. Я даже попытался просунуть руки в «кормушку», чтобы он защелкнул мне на запястьях наручники, но вовремя сообразил, что стою-то я в коридоре, а не в камере. Но мусор, к моему удивлению, всего лишь хлопнул меня по плечу и сказал более спокойным тоном, чем можно было от него ожидать: «Иди вот за ними».

Я поднял голову. Передо мной стоял незнакомый, средних лет офицер. Его военная выправка и бравый вид свидетельствовали о том, что он служит в войсках какого-то элитного подразделения, ничего общего не имеющего ни с надзирателями, ни с любым из обслуживающего персонала тюрьмы. Рядом с ним стоял солдат охраны, которого я тоже не встречал прежде. Судя по его решительному виду, было ясно, что он, безо всякого сомнения, готов к выполнению любого приказа.

В сопровождении такого почетного эскорта я и вышел из пятого корпуса смертников во двор тюрьмы, где яркий свет мгновенно ослепил меня. Я тут же остановился и по инерции

закрыл глаза руками, но через несколько секунд, подгоняемый солдатом, вновь тронулся в путь. Со временем зрение понемногу восстановилось и все вокруг начало приобретать свой привычный вид. Но не успел я еще прийти в себя, почти на ощупь пробираясь по тюремному двору, где в это время сновали рабочие хозобслуги, как мы вновь попали в один из корпусов тюрьмы, и, пройдя по длинному коридору и поднявшись на второй этаж, вошли в какой-то большой и светлый кабинет. Здесь оба моих провожатых оставили меня и сразу же вышли.

Прямо передо мной, посередине узкой полосы стены между двумя огромными окнами, за большим и старым письменным столом сидел человек в форме, с большими звездами на погонах, но мое не совсем еще восстановившееся зрение не позволило мне разглядеть их количество. Это и был начальник тюрьмы. Кстати, он был моим земляком — дагестанцем, и отзывались о нем люди неплохо. Справа от меня, на диване, сидел еще один офицер в погонах майора, он был ближе ко мне, чем хозяин, поэтому, немного прищурившись, я смог разглядеть его звание. При моем появлении майор как бы по инерции встал и одернул китель.

Как мне показалось, и этот офицер ничего общего с персоналом тюрьмы не имел. Он был из другого ведомства — зоркому, хоть и почти слепому глазу арестанта трудно в этом ошибиться.

Начальник тюрьмы пригласил меня сесть на один из стульев, которые стояли справа от двери, почти вдоль всей стены. Тон, каким он обратился ко мне, не оставил у меня уже почти никаких сомнений в том, на что в глубине души, не признаваясь в этом даже самому себе, я надеялся все эти томительные полгода. Майор тем временем подошел к окну, глядя куда-то во двор тюрьмы. Закинув руки назад, он стоял молча и почти не шевелясь, пока дверь вдруг снова не открылась. На пороге появился все тот же эскорт, только теперь он конвоировал Лимпуса.

При появлении своего подельника я встал, чуть не подпрыгнув, будто невидимые пружины подтолкнули меня. В этот момент возникла некоторая пауза, которую прервал начальник тюрьмы, обращаясь с улыбкой к двум находившимся в кабинете офицерам спецконвоя ГУЛАГа, а эти офицеры были именно из этого подразделения: «Я так думаю, товарищ майор, что уставу не будет перечить, если эти молодые люди просто поздороваются?»

Офицер, к которому обратился хозяин, уже давно повернулся лицом ко всем стоящим в кабинете и молча разглядывал нас с Лимпусом, прищурив глаза и нахмурив густые брови. Эта манера следить за людьми, их мимикой, выражением глаз, за

проявлением их чувств в момент, когда приговоренные к смертной казни узники ожидают вердикта Верховного Совета СССР, стоя в кабинете хозяина, вероятно, была приобретена этим офицером за долгие годы службы. Если бы можно было разговорить такого человека, уверен, что любой из его рассказов стал бы захватывающим бестселлером. Но, увы, таким людям предписано вечное молчание.

Услышав, что хозяин обращается именно к нему, он тут же резко ответил: «Да, конечно, только недолго». Я стоял у стульев и хотел было пойти навстречу Лимпусу, но ноги не слушались меня, и не успел я еще об этом подумать, как был в крепких объятиях своего друга. Мы не виделись всего полгода, но каких полгода! Как он изменился за это время, поседел, осунулся! Но главное — он оставался все таким же неунывающим бродягой, каким я знал его всегда. Это было очевидно и не могло не радовать меня. В этот момент мы не сказали друг другу ни слова, просто молча стояли и смотрели на то, как злодейка судьба поработала над нашими лицами, пока наше внимание не привлекли слова майора. Он стоял в центре кабинета и держал в руке какой-то большой пакет. Начальник тюрьмы, выйдя из-за стола, также застыл, одернув по воинской привычке китель, другой офицер с солдатом вытянулись в струнку.

Майор начал читать:

— «Именем… Верховный Совет СССР… отменил высшую меру наказания, вынесенную судом города Баку Зугумову Зауру Магомедовичу, 1947 года рождения, уроженцу города Махачкалы, и Даудову Абдулле Лабазановичу, 1959 года рождения, уроженцу города Махачкалы. Председатель… подпись, секретарь… подпись. Число. Месяц. Год».

Не помню, что я чувствовал в тот момент, когда майор читал постановление, но хорошо помню, что после его окончания мы с Лимпусом, как по команде, оба присели на диван, который стоял рядом с нами. Видимо, силы, которые мы берегли для последнего броска, иссякли. Мы молча сидели на диване и смотрели на ту суету, которая происходила у стола. На нас уже никто не обращал никакого внимания, все присутствующие в кабинете были заняты исключительно бумажной волокитой. Офицеры подписывали какие-то документы, что-то говорили друг другу, солдат же запихивал в огромный старый кожаный портфель толстые папки, похожие на личные дела арестантов.

Впрочем, эта процедура продолжалась совсем недолго. Было очевидно, что здесь никто никого не хотел обременять своим присутствием. Наконец, закончив все необходимые формальности и сухо, по-военному, попрощавшись с хозяином тюрьмы,

конвойные особого отдела ГУЛАГа вышли из кабинета, даже не взглянув в нашу с Лимпусом сторону. В кабинете тут же воцарилась мертвая тишина. Хозяин молча перебирал какие-то бумаги, которые грудой лежали у него на столе, в поисках какой-то одной, необходимой ему в данный момент, затем неожиданно, когда то, что он искал, нашлось, как-то по-свойски, будто мы были по меньшей мере его давними приятелями, обратился к нам: «Как насчет чая, ребята, нет желания чифирнуть?» Откровенно говоря, мы даже не поняли сразу, чего от нас хотят, но хозяин был далеко не глуп и к тому же, хочу еще раз подчеркнуть, по природе своей был неплохим человеком. Не обращая на нашу молчаливость и естественную отчужденность никакого внимания, понимая наше состояние, он заварил нам хороший чифирь, запарил, а затем слил его в «армуду» — стакан так, будто сам лет десять провел в лесу на повале, подошел и подал нам эту живительную для любого арестанта влагу.

Только в этот момент мы пришли в себя, поблагодарили его и по-свойски разобрались с содержимым в стакане. Чифирь здорово взбодрил нас, и мы около двух часов проговорили с начальником тюрьмы, в основном, конечно, отвечая на его вопросы. Он не скрывал того, что по-человечески рад за нас, ну и не преминул, конечно, заметить то же, что и все, — относительно нашей стойкости и прочего. Его, так же как и других, мы, естественно, не стали убеждать в обратном. Да и какой в этом толк? Главное, мы стали вне досягаемости Саволана, а все остальное для нас теперь приобретало абсолютно другое значение.

К вечеру нас вместе с Лимпусом определили на второй корпус, в 62-ю камеру. Хозяин сказал нам, что оставляет нас на сутки вместе, зная, что нам есть о чем поговорить, а затем обязан рассадить нас, иначе ему самому за это может здорово попасть. Ведь мы, объяснил он нам, несмотря на отмену смертного приговора, еще оставались на особом контроле у вышестоящих мусоров, а недооценивать подобного рода обстоятельства всегда чревато неприятными последствиями, даже и для самого хозяина этого заведения.

Ну что ж, нам все было ясно и понятно, даже и без его слов. От души поблагодарив его за сострадание и человечность, мы вышли следом за разводящим надзирателем и, пройдя почти через весь тюремный двор, вошли в корпус, а затем и в камеру, где нас уже давно ждала братва, заранее извещенная о том, что мы скоро появимся в хате. Был поздний вечер, на землю уже давно опустилась ночная мгла. Мы сидели на нарах 62-й хаты Баиловского централа, в кругу босоты, которая встретила нас, как и положено было встречать людей, и не верили в то, что все это

происходит в реальности.

Глава 2

В камере в то время в основном находились грузины. Дело в том, что в 1986 году в Грузии появился какой-то новый министр МВД. С его приходом и началась та «веселая бродяжья» жизнь для босоты этой республики, которая, можно сказать, продолжается и поныне. Он стал отправлять на дальняки всех Жуликов или тех, кто, еще не являясь таковыми, были на «подходе в семью». Ну и, конечно же, старых бродяг — каторжан. Этапом на Север босота шла через Баилово, а камера № 62 была пересыльной камерой особого режима, единственной в корпусе. Здесь я знал все и вся, потому что до вынесения мне смертного приговора и водворения в камеру смертников на полгода был на положении в этом корпусе.

Когда далеко за полночь закончилось наше камерное застолье и все уже повырубались спать, мы с Лимпусом продолжали бодрствовать. Нам действительно было о чем поговорить, так что наступающий новый день, можно сказать застал нас врасплох и впервые за долгое время порадовал нас. В зарешеченные окна тюремной камеры розоватым светом втекало раннее утро. Полумрак, еще недавно висевший над рядами шконок, словно густой полупрозрачный газ, уже стелился внизу, по выщербленному полу. Я встал и подошел к окну. Сквозь решетку, между раздвинутыми каким-то твердым предметом двумя полосами «ресничек» — жалюзи, я вдруг увидел зеленую листву деревьев, в изобилии растущих на тюремном дворике, а в голубом чистом небе — прозрачную дымку. Благоухание и свет пробудили во мне желание свободы.

Нет ничего удивительного в том, что наступивший рассвет застал меня за такими приятными размышлениями, которые к тому же имели для меня всю прелесть новизны. В это утро небо было замечательно ясно и восход великолепен, принимая во внимание сравнительно позднее время года. Я тогда купался в ярких солнечных лучах, проникавших в нашу камеру сквозь решетчатое окно, и с ненасытной жадностью вдыхал утреннюю свежесть, испытывая то стремление к Всевышнему и к добру, которое по воле Создателя часто пробуждается в нас в юности. Впрочем, я дожил уже до того возраста, когда взвешивают предстоящие затруднения.

Единственной печальной нотой звучало во мне сожаление о том, что моей матери нет более в живых. В то утро я дал себе обет в том, что если доведется мне когда-нибудь дожить до свободы, то первое, что я сделаю, навещу могилу матери, как только

приеду в свой родной город. Забегая немного вперед, хочу отметить, что впоследствии я сдержал этот обет, но, к сожалению, могилу матери я тогда так и не нашел.

Глава 3

Вечером, как и предупреждал нас хозяин тюрьмы, Лимпуса пересадили в другую камеру, в другой корпус, и увиделись мы с ним вновь лишь несколько лет спустя. В Баилове, после отмены приговора, я просидел недолго, затем меня снова отправили в Шуваляны. Здесь мне также пришлось отбыть еще несколько месяцев. За это время меня ни разу ни к кому не вызвали. У меня даже сложилось впечатление, что обо мне уже давно все позабыли, как вдруг неожиданно 27 декабря 1987 года, сразу после ужина, меня заказали на этап.

Трудно забыть эту дату, ведь она фактически ставила точку во всей этой в высшей степени поучительной и мучительной истории, которая навсегда оставила заметный черный след в моей жизни. Мои сокамерники, и я в том числе, знали, что этап бывает только ночью, поэтому у меня было время собраться в дорогу и на прощание погутарить. Какие только прогнозы не делали арестанты о том, куда меня этапируют! Каждый хотел, чтобы меня и моих подельников после всего того, что мы пережили, ждал впереди фарт, но ни один из них не угадал того, что нас ожидало в самом ближайшем будущем. Действительно, изобретательности мусорам того времени было не занимать.

Переступая порог камеры в Шувалянах, я даже и не подозревал о том, какие еще сюрпризы в самое ближайшее время приготовит мне судьба. Скоро я вновь побываю в коварных и цепких объятиях смерти, но на этот раз меня спасет от нее не Верховный Совет СССР, а страстная любовь к женщине, способная, как известно, творить чудеса.

Что же касается быта тюрем, камер, пересылок и всего того, что с ними связано, то это для меня еще с давних пор остается до такой степени само собой разумеющимся, что я уже давно перестал проводить грань между тюрьмой и собой. Порой мне даже кажется, что я родился не в родильном доме, а в тюремной камере.

В «воронке», который увозил меня на этот раз навсегда из Шувалян, я уже точно знал конечный пункт своего этапирования: ДАССР, СИЗО — 3 — это была тюрьма города Дербента, куда под утро я и был доставлен в одиночном купе «столыпинского» вагона поезда Баку — Ростов. С того момента, как я покинул ставшие мне в некоторой степени уже родными тюрьмы солнечного Азербайджана, и до того, пока я не прибыл туда, где мне предстояло провести некоторое время и где уже в спокойной обстановке я мог проанализировать все то, что со мной

произошло за последнее время, действия развивались так быстро и неожиданно, что я не успевал осмыслить все происходящее вокруг. Я не успел как следует расположиться в камере дербентской тюрьмы и покемарить часок-другой, потому что в дороге мне не пришлось даже сомкнуть глаз: этап тот шел главным образом в ростовскую центральную больничку, и контингент состоял в основном из шпаны, так что было о чем погутарить с арестантами в «столыпине», — как меня вызвали к следователю.

Глава 4

Известие это меня очень обрадовало, и сон как рукой сняло. Хуже неопределенности при таком раскладе обстоятельств, которые давили на меня как тяжкая ноша, мало что может быть в жизни, поэтому я давно ждал этой встречи, которая должна была внести относительную ясность в мою судьбу.

В маленьком и узком тюремном следственном кабинете, куда ввел меня разводной надзиратель, за деревянным столом, ввинченным в пол и обитым железом, сидел следователь Доля и что-то записывал в блокнот. На столе, как сейчас помню, лежало несколько яблок и были рассыпаны семечки. При моем появлении следователь встал, вышел из-за стола и пошел навстречу, мило улыбаясь и глядя мне прямо в глаза. Когда расстояние между нами резко сократилось, он, в некоторой нерешительности, заметно нервничая, протянул руку для приветствия. Это было чем-то новым в его поведении, но руку я ему все же подал.

— Рад видеть тебя, Заур, в добром здравии и хорошем расположении духа, — не выпуская моей руки из своей, проговорил Доля и пригласил присесть на один из двух стульев, который тоже был ввинчен возле стола, но стоял напротив стула следователя.

— К сожалению, у меня совсем мало времени, Заур, — продолжил следователь свою вступительную речь, присаживаясь за стол напротив меня. — Мне еще надо навестить двух арестантов в этой тюрьме, поэтому хочу побыстрее разъяснить тебе намерения правоохранительных органов по отношению к твоей дальнейшей судьбе, ну а уж потом и покалякать, если время позволит, договорились?

— О чем разговор, начальник, я давно жду вашего откровения, — ответил я ему шутливым тоном и приготовился слушать.

— Хочу тебе, Заур, сразу сказать, что я и сам не ожидал такого расклада, поэтому признаюсь в том, что ты был прав, когда говорил мне, что мы еще встретимся в самом скором времени. Также должен по достоинству оценить твою стойкость и выдержку. При этом хочу заметить, что я ни разу не поднял на тебя руку и не позволил себе ничего лишнего во время следствия.

— Если бы это было не так, то вы же знаете, я ни за что не подал бы вам руки несколько минут назад, — ответил я ему.

— Так вот, сегодня после обеда за тобой приедут из Махачкалы и заберут отсюда. Времени у них в обрез, потому что ты должен предстать еще перед одним судом, ну а что будет

потом, я не знаю. Могу сказать тебе точно лишь одно, но строго по секрету, хотя уверен, что подчеркивать это нет надобности. Дело в том, что сразу после Нового года вас с Даудовым должны освободить из-под стражи, а вот третьего уже определили в дурдом, у него, несчастного, после экзекуций на станции Насосная с психикой произошло что-то неладное.

Договаривал он мне все это уже второпях, так как ему действительно нужно было спешить. За несколько секунд до этого разводящий надзиратель напомнил ему, что в боксике его уже ждут подследственные, из-за которых, по сути, он и пришел в тюрьму. На пороге следственного кабинета я попрощался с Долей, поблагодарив его.

Я больше уже никогда его не видел, но слышал от мусоров, что он стал работать прокурором в одном из районов Дагестана. Но на свободе он меня уже не интересовал.

Глава 5

Не успел я войти в свою камеру-одиночку и закурить сигарету, как вдруг резко открылась кормушка, упав с писклявым скрипом и скрежетом на петли, и хрипатый голос надзирателя оповестил меня, прорычав гортанно: «Зугумов, с вещами на выход». — «Понял, начальник», — огрызнулся я почти таким же басом и продолжал, сидя на нарах, курить и килешовать в уме только что услышанное от следователя. Собирать мне было нечего: все свое ношу с собой. Минут через пять дверь отворилась вновь, и меня повели через тюремный двор к вахте. Процедуры по пропуску были недолгими, и уже через полчаса я оказался «на воле», под ручку с работниками МВД Дагестана, а у ворот тюрьмы нас ждал старенький автомобиль зеленого цвета.

Никого из четверых сопровождавших меня в Махачкалу лиц я раньше даже не видел, никто меня ни о чем не расспрашивал и нервы не трепал. Это были серьезные мусора, делавшие просто и добросовестно свою работу, поэтому мы и доехали до места назначения спокойно и безо всяких эксцессов. Когда машина подъезжала к Ленинскому районному суду Махачкалы, на меня тут же надели наручники — такова была инструкция.

Машина въехала во двор и остановилась. Один из сопровождавших меня легавых вошел в здание суда. Ждать его пришлось очень долго, за это время мои ноги успели несколько раз затечь и были как деревянные. Часа через полтора он вышел из этого серого мрачного здания, о котором у меня были самые дурные воспоминания в жизни, и махнул рукой, чтобы меня выводили. Меня прямо в наручниках ввели в какой-то кабинет, в котором находилась женщина бальзаковского возраста и, как ни странно, приятной наружности. Белые холеные руки, на которых чуть ли не на всех пальцах были нанизаны кольца, лежали на моем открытом «личном деле». Это хороший знак для подсудимого, ибо по всему было видно, что судья — любима, а значит, не будет злой и жестокой при вынесении приговора. Наши глаза встретились, как только я вошел в кабинет. Не помню ни их цвета, ни формы, но они мне показались изумительными. Возможно, правильно и со вкусом подобранные очки придавали им такую прелесть и очарование.

Как ни странно, я впервые в жизни понял, хоть и не раз был приговорен к различным срокам заключения именно женщинами, что судья-женщина все же сначала женщина, а потом уже судья. Рядом с ней копошилось еще несколько человек, вроде бы это были «кивалы», — я, честно говоря, так и не понял, потому что

разговаривала со мной только она одна. Как только я остановился у дверей и поздоровался, она приказала сопровождающему снять с меня наручники. Он тут же выполнил приказ судьи. Мне показалось в тот момент, что это неплохое начало для судебного разбирательства.

Некоторое время она неотрывно смотрела мне прямо в глаза, изучая своим холодным и бесстрастным взглядом, а затем не спеша начала задавать вопросы. Они были разными, и по ним трудно было понять, за что же меня судят, но судья не спеша стала объяснять мне всю пикантность сложившейся ситуации, которая заключалась в следующем. Раз Верховный Совет СССР отменил нам с Лимпусом смертный приговор, исходя из его несправедливости (дело наше было полностью сфабриковано), перед нами должны были извиниться и освободить до 31 декабря — лишь до этого срока действовала санкция, выданная много раньше моим следователям тем же Президиумом Верховного Совета. Выходило, что под стражей мне оставалось находиться всего несколько дней, ведь на дворе было уже 28 декабря.

Но менты не могли простить нам свое фиаско, поэтому и решили сделать маленькую пакость. Они подготовили фальшивые заключения судмедэкспертизы о том, что мы страдаем тяжелой формой наркомании и нас следует направить в лечебно-трудовой профилакторий для лечения от наркотической зависимости. И это после того, как мы провели около года под следствием, полгода в камере смертников и еще несколько месяцев в ожидании, как оказалось паршивых, козней мусоров. О какой наркотической зависимости могла в данном случае идти речь? Судья объяснила мне все это абсолютно открыто, за что я был ей очень благодарен. В конце этого в высшей степени необычного суда, как бы резюмируя заседание этого балагана, она открыто сказала мне, что по-человечески ей меня жалко и, будь ее воля, она бы пересажала всех следователей и дознавателей, которые участвовали в этой афере, но, к сожалению, и над ней есть начальство, которое приказало ей сделать так, чтобы нас отправить в ЛТП.

Честно говоря, меня поразила ее откровенность. В те времена такие речи, высказанные в зале суда, да еще и самим судьей, были чреваты серьезными неприятностями. Судьба раз за разом не переставала преподносить мне сюрпризы. Максимум, который присуждался в то время для лечения в ЛТП для наркоманов, был три года, мне она вынесла год, то есть минимум.

Глава 6

Есть два рода законов: одни — безусловной справедливости и всеобщего значения, другие же — нелепые, обязанные своим появлением лишь слепоте людей или силе обстоятельств. Смею уверить всех в том, что закон о водворении в ЛТП был не просто нелеп, он приводил к результатам, противоположным ожидаемым. Наркоманы кололись там еще больше, этому способствовало то, что теперь они кайфовали не на «блатхатах» под постоянным страхом запала, а под охраной этого самого закона о водворении в ЛТП. А те, кто был обязан охранять и лечить их, сами же наживались на этих людях, занося в зону наркотики. Для мусоров, охраняющих любой лагерь, а тем более ЛТП, это был всегда самый доходный бизнес.

По окончании процесса впервые в жизни я сказал судье спасибо, даже сам не знаю за что. Слова благодарности сорвались с моих губ сами собой. Через час после этого представления меня водворили в свою «родную» махачкалинскую КПЗ, будь она трижды проклята, и, уставший от всех этих передряг последних дней, я вырубился на голых нарах, будто на мягкой перине в спальне лучшего номера отеля «Шератон».

Спал я на редкость крепко и долго, пока мое ухо, привыкшее слышать в ночной тишине камеры паука, прядущего свою паутину, не уловило какой-то странный шорох. По-колымски, по старой лагерной привычке, чуть приоткрыл веки и, не сбивая ритм дыхания, продолжая лежать в той же позе, увидел маленькое существо, стремительно поедавшее хлебные крошки на краю нар, оставшиеся от паек предыдущих поселенцев этой камеры. Этим существом была мышь.

Долго еще я лежал не шевелясь, для того чтобы это маленькое существо смогло спокойно поесть, и вспоминал давние события, когда почти вот так же я лежал на нарах, но это были нары изолятора одной из северных командировок, после побега, покоцанный людьми и зверями. Первой, кого я увидел тогда и кому был по-настоящему рад, была именно мышь. Что изменилось для меня с тех пор? Да ничего — те же нары, те же менты и та же козья масть! Откровенно говоря, в тот момент мне было грустно и обидно за свою судьбу. Я подождал, пока моя гостья насытилась и убежала, приподнялся и, размяв кости, сел на нарах и закурил, продолжая размышлять о превратностях человеческой судьбы.

Очевидно, предполагая, что его не слышно, на полусогнутых, коридорный мент подкрался к двери и, чуть приоткрыв заслонку,

уставился в узкую щель глазка. Видно, недавно здесь работает, подумал я машинально и тут же спросил, даже не поворачивая головы в его сторону:

— Сколько времени, начальник?

— Скоро утро, — после некоторой паузы послышался спокойный и тихий голос надзирателя, а вскоре я услышал и его шаги, удаляющиеся прочь.

Я непроизвольно вспомнил слова следователя и судьи о том, что 31 декабря заканчивается срок санкции на наш арест. Что же будет дальше? — подумал я. Сколько вопросов, на которые я не знал ответов, встали в эти несколько дней. Да, мне было над чем поломать голову.

Глава 7

Наконец наступило то долгожданное утро 31 декабря, когда, по всем подсчетам, капризная госпожа Фортуна должна повернуться ко мне «сдобным кренделем». КПЗ была переполнена до отказа, и я слышал, как с самого утра, чуть ли не через каждый час, открывались двери камер и оттуда выводили на свободу арестантов, которые весело подшучивали над надзирателями, будто они за несколько минут до этого радостного события вовсе и не думали и не переживали о том, что должно вскоре произойти. Будто не они мерили несколькими короткими шажками свои камеры от параши до противоположной стены — расстояние, равное от «земли до солнца», которое проделывали арестанты за эти трое положенных по закону суток либо до вынесения прокурором санкции на арест, либо до момента радостного освобождения. После обеда приехал «воронок» и забрал в тюрьму тех, кому в этот день не повезло.

В конечном счете, к десяти часам вечера во всем помещении махачкалинской КПЗ остался я один. Об этом мне пришел сообщить сам начальник этого заведения, старший лейтенант по имени Махач. Я уже как-то упоминал о том, что он был неплохим мусором и, насколько я помню, всегда действовал в соответствии с буквой закона. В этой связи у него со следователями частенько происходили, мягко выражаясь, всякого рода разногласия. Они запаздывали с тем, чтобы вовремя принести санкцию прокурора и тем самым отправить задержанного в тюрьму, а он по истечении санкции, минута в минуту, освобождал человека на волю. Вот и в этот раз он сказал мне серьезно:

— Ничего страшного, Заур, не переживай ни о чем: если в тот момент, как ударят куранты, за тобой никто не придет, с последним их боем выпущу тебя на свободу, я тебе погонами клянусь, ты же меня знаешь.

Я уверен, что он наверняка сделал бы то, в чем поклялся мне, если бы его слова не были подслушаны дьяволом, который не преминул тут же послать в мою обитель демонов в погонах, во избежание «дикой несправедливости», в связи с которой я мог нежданчиком остаться без ментовского присмотра и на свободе. Так что ровно в десять часов по московскому времени за мной прибыл целый эскорт легавых. Я уже давно перестал удивляться происходящему, поэтому молча выполнял все требования мусоров, тем более что они не шли вразрез с моими желаниями. Мне быстренько зачитали какое-то постановление, возвещающее о том, что 31 декабря сего года я освобождаюсь из-под стражи, но

в связи с приговором суда Ленинского района города Махачкалы направляюсь на лечение в ЛТП в сопровождении нескольких работников дагестанского МВД. Затем после нескольких коротких официальных процедур мне приказали сесть в машину, на которой они приехали за мной, и через несколько минут мы прибыли на городской железнодорожный вокзал Махачкалы.

Глава 8

Я уже почти отвык от людского шума и суеты, поэтому, сидя в машине в ожидании поезда, с удовольствием наблюдал всю эту вокзальную суматоху. Кто-то кого-то встречал, кто-то кого-то провожал, кто-то уезжал и приезжал, люди носились в разные стороны, ну а я в этот момент тихо сидел в машине и думал, глядя на них, о том, что никому из этих людей нет до меня никакого дела. Более того, никто из моих родных и близких даже понятия не имел, где я сейчас нахожусь, да и жив ли я вообще.

Ни я, ни мой подельник Абдул не знали еще тогда того, до какой степени подлости и ничтожества могут дойти в своей злобе мусора. Оказывается, после того как нам отменили смертную казнь, легавые, опасаясь того, что эта информация каким-либо образом просочится к нашим родственникам и они, естественно, потребуют в соответствии с существующим законом нас освободить, пошли на дьявольскую хитрость. Почти сразу после отмены приговора в центральной региональной газете того времени «Дагестанская правда», в рубрике «Криминал», было напечатано сообщение о том, что «приговор — высшая мера наказания, расстрел, который вынес Бакинский суд в отношении Зугумова Заура Магомедовича и Даудова Абдуллы Лабазановича, приведен в исполнение такого-то числа такого-то месяца». То есть, исходя из этой газетной статьи, нас с Лимпусом уже не было в живых.

Мы еще не знали тогда и того, что родные и близкие нам люди уже давно носят по нам траур и до сих пор оплакивают нас. Да, мы многого тогда еще не знали.

Легавые, увлекаясь своими дьявольскими кознями, как правило, забывают, что над всеми нами есть еще Кто-то, и имя Ему — БОГ! И, по большому счету, только один Он может судить и выносить приговоры. Только Ему одному подвластно — карать и миловать!

Как все-таки странно устроен этот мир, сколько в нем загадочного и интересного! Я ушел в свои думки. Вспоминал тюрьму, камеру смертников, Саволана, как мне отменяли приговор, Лимпуса и сквозь свои воспоминания услышал зычный голос вокзального диктора, возвещавшего о том, что скорый поезд Москва — Баку прибывает на такой-то путь. На перроне началась привычная в таких случаях толкотня, а через минуту показался и сам состав, выдыхая из-под локомотива клубы пара и скрипя тормозными колодками о колеса вагонов.

Еще до прихода поезда менты, которым предстояло меня

сопровождать, предупредили о том, чтобы я не вздумал бежать, но сказано это было лишь для проформы, потому что мои сопровождающие смотрели на меня кто с жалостью и состраданием, а кто и с ядом в душе и известной долей брезгливости. Это я успел про себя отметить еще тогда, когда впервые увидел всех троих во дворике КПЗ. Дело в том, что состояние мое в то время, мягко выражаясь, оставляло желать лучшего. Чахотка почти каждую минуту давала знать о себе сиплым грудным кашлем, а несколько дней назад вновь открылось кровохарканье.

Так что о каком побеге могла идти речь? Менты это прекрасно понимали. Посадка в вагон была недолгой — прощаться ни мне, ни мусорам было не с кем, да и состав из-за опоздания стоял всего несколько минут, поэтому почти сразу после того, как мы вчетвером вошли в купе, поезд тронулся, потихоньку набирая скорость.

Глава 9

В купе легавые выделили мне левую нижнюю полку, чтобы я постоянно был у них на виду и не смог предпринять никаких тайных и незаметных для них действий. Более того, когда я прилег отдохнуть, майор, их главный, — высокий и здоровый, как боров, даргинец, с пухлыми губами и большим крючковатым носом, приказал мне, чтобы я лег головой к двери и повернулся к стенке.

— Вы ведь понимаете, Зугумов, что можете нас заразить? — При этом он брезгливо морщился и прикрывал рот цветастым носовым платком.

Я решил, что не стоит возражать по этому поводу. Да и тем более не хотелось мне ни спорить, ни даже разговаривать. Единственным моим желанием тогда стало узнать о конечном пункте нашего маршрута. Но о нем, к сожалению, знал только один майор. Двое других легавых были моложе меня, шустрые и веселые молодые мусора, по сути неплохие ребята, которые почти так же, как и я, по ходу нашего совместного вояжа не то что невзлюбили, а буквально возненавидели эту пожилую бестию в форме майора милиции. Ох и попортил он нам троим крови за время нашего совместного существования! Мы почти сразу, еще в начале нашего пути, нашли общий язык и неплохо ладили между собой, но я, конечно, при этом всегда помнил, кто есть кто, и не обольщался на этот счет.

Удивительно, но майор относился к своим коллегам почти так же, как и ко мне. Думаю, что он мстил таким образом за их человечность. Я не раз слышал, как он разъяснял им, что я — не человек, а бандит и убийца и мое разоблачение — дело самого ближайшего времени.

— Пока он будет находиться в ЛТП, следователи наверняка найдут доказательства его вины, а нет, так все равно от чахотки скоро подохнет!

Около двух тысяч лет назад какой-то индийский купец придумал новый цифровой знак — ноль. Это до сих пор самая ходовая цифра! Я бы соединил ее знаком равенства с именами многих легавых, встречавшихся на моем пути. В частности, это определение, без всякого сомнения, могло бы подойти и этому майору. Мент, подобный ему, привыкший всегда вращаться на самом дне общества, видеть только его язвы, всегда кого-нибудь подозревать, не может и не хочет верить в чью бы то ни было порядочность. Напротив, он склонен видеть урода или сумасшедшего во всяком, кто по своим личным качествам стоит

выше толпы. Мусор разбирается в пороках, но великие человеческие качества скрыты от него за семью печатями.

Вот таким был эта мразь в погонах, у которого его молодые коллеги, по моей просьбе, никак не могли выведать, куда же они меня везут. Дошло до того, что они пригрозили ему, что из Баку позвонят домой и пожалуются начальству на его отношение к подчиненным. Лишь только после такой угрозы, которая странным образом подействовала на это ничтожество, он наконец открыл им конечный пункт нашего маршрута. Как ни странно, а точнее будет сказать, по велению Всевышнего, это была Средняя Азия, республика Туркменистан, город Байрам-Али.

Почему именно Туркмения? Дело в том, что в стране в то время ЛТП наркоманов находились, в основном, в азиатских республиках, очевидно исходя из того, что Азия фактически являлась и является родиной всего кайфа. Лишь одна республика на Кавказе имела подобное учреждение, это была Грузия. Кстати, забегая немного вперед, скажу, что Лимпусу пришлось находиться в ЛТП именно в Грузии, в Тбилиси.

Когда я узнал о том, что меня везут в Среднюю Азию, сердце мое дрогнуло и тут же забилось барабанной дробью, хотя внешне я был спокоен и ничем не выдал своего волнения. Но лишь стоило мне прилечь и повернуться лицом к стенке, как прямо передо мной предстал образ моей молодой красавицы жены, которую я, несмотря ни на какие наговоры, все еще безумно любил.

Глава 10

Теперь мне придется вернуться немного назад, чтобы стали понятны мои чувства и переживания, которые преследовали меня в пути, до тех пор, пока судьба не свела меня с моей половиной и вспыхнувшая с новой силой любовь к ней не дала мне умереть от коварной и безнадежной чахотки.

Еще во время следствия, когда я был препровожден из бакинского централа Баилово в тюрьму Шуваляны, которая находилась на окраине Баку, как-то перед самым закрытием нашего дела на допрос ко мне пришел Алиев Рашид. Хотя, по сути, допросом нашу беседу назвать было трудно, это было применение приемов психологических атак на подследственного умным и образованным легавым.

Прекрасно изучив мое досье, копаясь в архивах МВД и опрашивая знакомых и соседей, он сделал заключение, что, во-первых, роднее и дороже матери с бабушкой у меня не было никого на свете, дети были не в счет, на то они и были еще малыми детьми; второе — я безумно любил свою жену. Больше в этом мире меня не могло удержать ничто.

Что же касалось моей принадлежности к определенному кругу людей в преступном мире, то правоохранительные органы Дагестана в общем и начальник отдела УГРО по убийствам и бандитизму в частности тогда еще и близко не знали, кто они, эти Воры в законе и их, как они называли таких, как я, «приспешники». Я был почти уверен, что с этой стороны мне ничего коварного, мусорского опасаться не стоит.

Так что, исходя из того, что ни матери, ни бабушки моей в живых уже не было, единственным человеком на свете, который мог бы повлиять на меня тем или иным образом, для Рашида Алиева оставалась моя жена Джамиля. И стоит заметить, что он был по-своему прав. Когда умерла моя мать и я был арестован, Джамили не было в Махачкале, она приехала туда немного позже. Зная наверняка, что теперь, в связи с моим арестом, ее не оставят в покое, вызывая в милицию на допросы и мороча голову, как это обычно бывает в таких случаях, она тихо и спокойно забрала младшую дочь Хадишку и тут же уехала назад в Самарканд. Я, разумеется, о переменах в ее жизни ничего не знал, находясь в абсолютной изоляции.

Алиев понял, что на этом этапе следствия его немного обошли, но не отчаивался, зная наверняка, что женщина всегда остается женщиной, а с ребенком женщина уязвима вдвойне. Но он, к счастью, еще не успел изучить женскую психологию, если

вообще когда-нибудь пытался это сделать. В связи со сложившимися обстоятельствами он послал в Самарканд опергруппу во главе с одним дебилом по имени Расим в расчете на то, что они смогут добыть какую-либо информацию, которая хоть в чем-то изобличит меня как убийцу.

Я до сих пор не могу понять, как такой умный малый, каким был начальник отдела УГРО Дагестана по убийствам и бандитизму Рашид Алиев, мог поставить во главе столь ответственного дела такого человека, как Расим. Они, по всей вероятности, как и большинство мужчин на земле, думали, что женщины не умеют хранить тайны, и глубоко ошибались.

Если женщины любят, то будут молчать до могилы, даже вопреки здравому смыслу. В этом их слабость и великая сила. Позже в Самарканде я неожиданно наткнулся на фотографию, которую оставили мне эти тщеславные ослы из опергруппы Рашида и которая круто повернула в дальнейшем мою жизнь. Инициатором этого подарка был все тот же Расим — мент, который ненавидел меня.

Глава 11

Впоследствии в Первопрестольной я воспользовался его тупостью и тщеславием, которые свойственны таким не в меру ретивым работникам уголовного розыска, ну а пока я сидел напротив Рашида и слушал его россказни о раскрытии им замысловатых преступлений, но, когда речь зашла о моей жене, я весь подобрался и насторожился.

— Знаешь, Заур, — продолжал он, глядя на меня исподлобья и будто не замечая моего напряжения, — мне не хотелось тебя огорчать, потому что я и врагу бы не пожелал такой новости, которую должен сообщить сейчас тебе — человеку, который успел столько испытать и пережить. Дело в том, что недавно из Самарканда прибыла опергруппа, которую я посылал туда по вашему делу, и привезла для тебя две дурные новости. Первая — твоя жена дала моим людям кое-какие показания против тебя, а вторая — она вычеркнула тебя из своей жизни и вышла замуж. Я знаю, что ты мне не веришь, но могу поклясться тебе в этом могилой родной матери. Так что запираться тебе далее, думаю, нет больше смысла. Советую подумать о своих детях, ведь у тебя на этой земле, кроме них и больного отца, больше никого не осталось.

Приблизительно что-то подобное я и ожидал от него услышать и поэтому заранее приготовился к ответу. Но, откровенно говоря, ответ дался мне с трудом. Хоть этот легавый и был умен и знал свою работу, но все же меня он еще не знал в достаточной степени, раз предлагал мне сдать свои позиции. Не знал он, конечно, и того, с какими сыщиками-асами сталкивала меня судьба, через какие препоны я прошел за свои сорок лет, чтобы мог так вот сразу пойти на попятную.

Я давно понял, что ему нечасто доводилось сталкиваться с такими преступниками, как я, если доводилось вообще, но, честно говоря, такого разговора не ожидал.

— Ну что ж, Бог ей в помощь, я бы и сам посоветовал ей сделать это, если бы мы смогли увидеться, — ответил я, даже не задумываясь и без малейшей паузы. — А что касается препираний, то я уже устал вам всем отвечать одно и то же: нет, нет и нет! Да и нужны ли они вам сейчас, мои откровения?

Я продолжал свой монолог, входя в роль оскорбленного и униженного, и почувствовал, как ко мне понемногу возвращается почти утраченное спокойствие и уверенность в себе. Нет, скорее не в себе, а в любимом человеке.

— Судя по твоим же словам, Рашид, моя жена меня уже

разоблачила и вам осталось только закрыть дело и передать его в суд?

Никогда не забуду его взгляд. Он как бы говорил мне: «Извини, но приходится прибегать и к таким грязным методам, ведь я на работе». И в то же время: «Как же найти к твоему сердцу и языку отмычку, чтобы выведать то, что мне нужно, и подвести тебя тем самым под расстрел?»

Несколько минут после этого диалога мы сидели молча, я читал какой-то обрывок газеты, а он искоса поглядывал на меня и что-то записывал в блокнот или делал вид, что записывает, пока не пришел контролер, которого он вызвал после неожиданно затянувшейся неловкой паузы.

Рассматривая этот газетный обрывок, я тоже, конечно же, его не читал, а наблюдал за Рашидом. Он еще надеялся, что я клюну на его приманку и начну выспрашивать у него подробности и тем самым завязну в следственных хитросплетениях, в которых такие, как он, были профессионалами. Простились мы молча, но взгляды наших скрестившихся, как два клинка, глаз сказали друг другу о многом.

Глава 12

Теперь, лежа в купе поезда, я отчетливо видел перед собой выражение глаз этого мусора и слышал его слова, а главное, клятву, которую у нас в Дагестане даже самые ярые мусора никогда не бросают на ветер, и вспомнил все то, что я тогда пережил, уже находясь в камере, после «откровений» Рашида.

Неожиданно мои воспоминания прервали возгласы, доносившиеся из всего вагона: люди встречали наступивший Новый, 1988 год. Двое моих юных провожатых-мусоров тоже отмечали в купе через стенку, где ехали молодые девчата-учительницы на стажировку в Баку. Лишь старый мусор-боров охранял меня, лежа напротив и читая какой-то журнал. Для таких, как он, праздник случался лишь тогда, когда другим выпадало горе. Это — особый сорт легавых. Они рождены от союза ведьмы с дьяволом, наверно поэтому им всегда чуждо все человеческое.

Я вновь углубился в свои воспоминания, пока сон не сморил меня. Проснулся я под утро от удушающего кашля, когда состав уже подходил к Сапунчинскому вокзалу города Баку. В вагоне все мирно спали после веселой встречи Нового года. Молодых мусоров в купе не было, зато майор был на стреме. Одетый и даже обутый в начищенные до блеска яловые сапоги, он лежал на противоположной от меня нижней полке и неусыпно наблюдал за мной сквозь еле приоткрывшиеся веки. В этот момент мне было не до игр в кошки-мышки, поэтому я встал и, резко выйдя из купе, направился в сторону ближайшего тамбура.

Этот демон тут же выскочил за мной, но я успел забежать в туалет и закрыть за собой дверь на засов. Приведя себя в порядок, я собирался выйти, но, услышав какой-то спор за дверью, задержался. Мое настроение улучшилось: сукин сын ругал своих коллег за то, что они бросили его одного и ушли пьянствовать и заниматься развратом на всю ночь. На это они отвечали ему спокойно, что мы, мол, и тебя звали с собой. Ведь ты же сам видишь, что человек очень болен и ему отдохнуть хочется, а не бежать. Сам ведь говорил, что он не сегодня-завтра Богу душу отдаст, так чего же ты боишься оставить его одного в покое?

Долго еще, наверно, не закончилась бы их ссора, если б я резко не открыл дверь туалета. Споры тут же смолкли, но в купе этот старый козел решил прочесть мне нотацию. Я плохо себя чувствовал, да и от него мне уже ничего не было нужно, поэтому и ответил ему достаточно резко:

— Слышишь, ты, мусор, оставь меня в покое, иначе

пожалеешь о многом. Видишь, я одной ногой уже в могиле и терять мне нечего, так что остерегись!

Видимо, в определенные, отчаянные минуты жизни человека абсолютно спокойно высказанная им угроза может иметь куда более сильный эффект, нежели если бы эта угроза была на самом деле приведена им в действие. Так что мои слова достигли цели и он уже до конца пути ко мне почти не придирался, да я и повода ему для этого не давал.

Глава 13

С каждым днем мне становилось все хуже и хуже. Все чаще меня посещали мысли, которые понемногу подтачивали меня изнутри. Неужели на этой земле я самый страшный грешник? Почему так жестока ко мне судьба? Когда я был полон сил и энергии, она упрятала меня в тюрьму, а как подкралась смерть — выпустила на свободу. К чему такая свобода?

Лишь ради одной цели в жизни, которая и придавала мне силы, я еще как-то умудрялся сохранить свой внутренний потенциал. Этой неукротимой силой стала любовь к женщине, любовь к моей Джамиле. Один Бог знает, как я мечтал тогда увидеть ее, и, если бы было угодно Всевышнему, чтобы меня не стало, я бы умер, но в ее теплых объятиях…

Из Баку нам предстоял одиннадцатичасовой переход на пароме на противоположный берег Каспия, в Красноводск. Был сезон штормов. За весь путь кровохарканье не прекращалось ни на секунду, некогда было даже расслабиться и подремать. Все ныло и болело до тех пор, пока паром не бросил якорь и не пришвартовался в порту Красноводска.

Через несколько минут мы оказались уже на земле Средней Азии. Первое, что сразу бросилось в глаза, — это всегда милые моему сердцу горы, которые были прекрасно видны в этот светлый и солнечный январский день. Новые впечатления потеснили болезнь и дурные предчувствия. Красноводск нас встретил зимним солнцем. Хотелось двигаться только вперед, навстречу неизвестности, лишь бы хватило сил.

До самого вечера мы проторчали в грязной и холодной припортовой гостинице, пока не пришел поезд, но и здесь оказалось не лучше. Кругом вонь, грязь, детский плач и нищета. Я с детства никогда не был привередлив — приходилось видеть разное, и не один год, поэтому особого внимания на все это не обращал. С каждым часом поезд уносил меня в глубь Средней Азии, и, когда силы почти покинули меня и казалось, что я уже не доберусь до желаемой цели, у меня возник план побега.

Бежать в таком состоянии не просто глупо, а абсурдно. Отсутствие денег, документов, адресов я бы еще сумел восполнить за сутки, потолкавшись по восточному базару любого из азиатских городов, но вот мое здоровье? Его, к сожалению, кроме как больничной койкой, поправить было нечем, да и то я не знал, оставался ли у меня еще на это шанс или нет. Но вот что я знал наверняка: в каком бы состоянии я ни пришел к жене, она поднимет меня на ноги. Не знаю, откуда во мне была такая

уверенность. Наверно, все же от Бога, люди от меня давно отвернулись.

Теперь, когда я окончательно определил, что мне предстоит делать дальше, на душе стало так легко и спокойно, что мое состояние тут же заметили мои провожатые.

— Так бывает, — вынес свое заключение майор, — когда остается совсем немного до смерти. Так что нам, возможно, придется сдавать его не в ЛТП, а в морг.

Он говорил это в моем присутствии намеренно, чтобы каждое слово могло дойти до моего сознания. Но этот дебил в тот момент даже не мог себе представить, что это лишь сыграет мне на руку. Поскольку меня уже «видели в могиле», я стал пользоваться относительной свободой передвижения по вагону. То есть мог уже сам, без присмотра или сопровождения пойти в туалет, постоять в тамбуре, подышать свежим воздухом, выходя из вагона, когда поезд делал неожиданные остановки у светофоров.

В общем, я понемногу усыпил бдительность моих провожатых и стал все чаще пропадать в купе проводника, познакомиться с которым мне не составило большого труда, — сказалась многолетняя практика искателя приключений.

Глава 14

Заключенный так же неизменно приходит к попытке бегства, как больной к кризису, который исцеляет его или губит. Исчезновение — это выздоровление. А на что не решишься, лишь бы выжить? Постепенно я узнал от проводника и нарисовал в туалете на клочке бумаги весь маршрут, который мне предстояло преодолеть от места, где я находился в данный момент, до Самарканда. Наш поезд Москва — Ташкент, который пересекал вдоль почти всю Среднюю Азию, в том числе и Самарканд, оказался оптимальным средством передвижения. Я знал это тем лучше, потому что сам когда-то с Лялей добирался туда на таком же поезде.

Но как осуществить задуманное? Почти сутки мы тряслись в этом гадючнике, и за это время мусора-«майданщики» уже раз по двадцать проверили документы у всего вагона, но в купе, где спал дежуривший всю ночь проводник, они не заглядывали ни разу. Вывод напрашивался сам собой: нужно было сдружиться с проводником, чтобы он заховал меня, но для этого нужны были деньги.

У меня оставалось совсем мало времени на раздумья, поезд уже приближался к станции Байрам-Али, так что необходимо было срочно принимать какое-то решение. Но в тот момент, как и не раз в жизни, я вновь убедился в правоте народной мудрости: «Человек предполагает, а Бог располагает».

Видно, от сильного внутреннего напряжения и почти невыносимой обстановки, которая меня окружала, мне вновь стало плохо. Я еле держался на ногах, все плыло перед глазами, и только при помощи мусоров я смог выйти из поезда, когда он прибыл на станцию Байрам-Али.

Легавые наняли машину, еле-еле усадили меня вперед, опустив немного сиденье, и мы тронулись в путь. До самого учреждения было недалеко, поэтому уже через полчаса мы были на месте.

Я примостился, полулежа, на лавочке в тени возле здания администрации ЛТП и бесстрастно наблюдал за тем, как мои молодые провожатые то выходили из подъезда этого здания, то входили в него, заметно нервничая и ругаясь матом. Наконец вышел и сам майор, который вел до этого переговоры с начальством профилактория. Рядом с ним шел высокий, но сутулый офицер-туркмен, очень похожий на старого наркомана-развратника.

Подойдя ко мне, майор обратился к нему со словами: «Вот,

посмотрите, пожалуйста, товарищ капитан, нормальный наркоман, еще только недавно перенесший ломку, что тут серьезного может быть? Он же не в состоянии даже муху обидеть. А то, что написано в его личном деле, так все это — сплошное вранье. Вы ведь знаете, как и для чего это делается».

Видно было, что офицер не слушал майора. Увидев возле меня лужицу крови, которую я выплюнул, кашляя, когда они шли ко мне, он стал смотреть по сторонам, как бы ища кого-то, и, не обращая больше ни на кого из моих провожатых никакого внимания, лишь щурил глаза и вздыхал. Неожиданно он закричал показавшемуся из-за угла солдату что-то по-туркменски. Я понял и разобрал только несколько слов: «дорога, машина, станция». Затем он аккуратно и не спеша взял майора за рукав шинели, отвел его в сторону и, повернувшись к нам спиной, стал что-то быстро объяснять ему.

Майор заметно нервничал, возражая иногда, пока в конце концов не сдался и, повернувшись в нашу сторону, сказал своим подчиненным, которые стояли недалеко от меня: «Мы едем на станцию, здесь по объективным причинам его не принимают».

Что за объективные причины заставили начальника этого учреждения (а майор разговаривал именно с ним) отказаться от моего присутствия, я узнал немного позже. А пока из ворот ЛТП выехал «уазик», который и доставил нас вновь на железнодорожную станцию. Меня опять посадили на какую-то скамейку в тени одиноко росшей чинары, но сидеть я уже не мог. Облокотившись о ствол дерева и закинув ноги на лавку, я полулежал в таком положении несколько часов до тех пор, пока рядом не услышал писклявый визг тормозов «копейки».

Из машины вышел майор и, уже не обращая на меня никакого внимания, подошел к своим коллегам, которые сидели за столиком чайханы напротив моей скамейки, и стал о чем-то громко им говорить, при этом жестикулируя и заметно нервничая. Как ни странно, они его внимательно выслушали, даже не перебивая, лишь только несколько раз о чем-то переспросили, затем, кивнув головами, встали и направились ко мне.

Через несколько минут вся компания уже была в машине, меня вновь посадили вперед, и мы тронулись в путь.

Я даже не знаю, как бы я перенес эту дорогу в триста километров, если бы не разговорчивый, веселый и беззаботный водитель, с которым мы пытались добраться до города Чарджоу, минуя барханы и занесенные песком дороги коварной Каракумской пустыни. Мне придавало сил лишь то, что направлялись мы в Чарджоу, а он стоял на границе с

Узбекистаном и до Самарканда от него было уже рукой подать. На поезде, по крайней мере, было девять часов езды.

Глава 15

Отчего же планы моих провожатых поменялись так круто, а настроение и отношение ко мне изменилось? Дело заключалось в том, что по закону было строго запрещено водворять в ЛТП людей, страдающих любой формой туберкулеза легких. Это и объяснил начальник учреждения в Байрам-Али майору, увидев возле меня лужицу крови. Везти меня назад в Дагестан они не могли, поэтому туркмен и дал майору совет, чтобы он попытался сбагрить меня в Чарджоу. Ближе ЛТП не было.

Но следующего поезда нужно было ждать целые сутки, поэтому майор и принял решение ехать на попутках. Целой главы не хватило бы для того, чтобы рассказать все, о чем говорили и как ругались в пути мои провожатые. Но одно я запомнил точно, потому что это и было для меня самым важным. В какой-то момент, когда накал отчаяния, связанного с продолжительностью командировки легавых и, как я понял по ходу пьесы, почти с полным отсутствием у них денег, дошел почти до предела, один из молодых мусорков не выдержал и стал высказывать старшему все, что они вместе со своим другом думают о нем.

Этот монолог было интересно послушать. Он в какой-то мере показывал истинное лицо людей, от которых порой зависит наша с вами жизнь. Людей, стоящих на страже закона, но при этом в высшей степени циничных, безнравственных и, конечно же, абсолютно безграмотных.

— Каким образом, — обратился к майору с явной издевкой один из молодых легавых после того, как майор откровенно задел его за живое, — вы, умудренный жизненным и профессиональным опытом работник такого важного ведомства, как МВД Дагестана, не знали, что закон в Советском Союзе запрещает водворение в ЛТП таких больных людей, как наш подопечный? Теперь, чтобы его приняли в любое из подобного рода учреждений, вы будете намеренно действовать против закона, ну а мы в эту игру не играем. Вам его сбагрили, как тупому служаке, вы с ним и разбирайтесь. Конечно, вам было бы лучше, если бы он умер поскорее, но этот человек, по всему видно, собирается еще немного пожить. Так что ищите выход, товарищ майор!

Такая откровенность легавого, да еще и в моем присутствии, сама по себе была для меня подарком и, естественно, не могла не произвести на меня того впечатления, на которое и рассчитывали молодые менты. Я тут же понял, слегка повернув голову назад и взглянув в глаза сидевшему у окна молодому ментенку, что вышесказанное предназначалось не столько майору, сколько мне,

и улыбнулся, давая тем самым понять, что я буду иметь в виду их понимание обстановки и сочувствие ко мне.

Но майору в тот момент было явно не до улыбок. Он еще раньше этих молодых мусорков понял, что его просто-напросто подставили старшие товарищи по службе. В сложившейся ситуации ему действительно было некуда деваться. У него оставалось только два пути: либо самому грубо нарушить закон и, как выразился молодой мусор, сбагрить меня любыми путями, и желательно побыстрее, либо, несмотря ни на какие порицания и выговоры, все же соблюсти этот самый закон и везти меня назад, домой в Махачкалу, чтобы, как и положено, я был госпитализирован, ибо у меня была последняя стадия туберкулеза, да к тому же еще и в открытой форме. Теперь он искал выход из создавшегося положения, сверля своим мерзким взглядом мой затылок и пыхтя от жары и пыли как загнанная львами гиена.

Глава 16

Был уже поздний вечер, когда мы прибыли в Чарджоу и наша машина остановилась у единственной в городе гостиницы. Мест было много, но администратор — симпатичная туркменка — никак не соглашалась разместить меня рядом с остальными постояльцами. Во-первых, документов у меня нет, а те сопровождающие меня бумаги, которые находились у легавых, здесь не котировались. Во-вторых, даже невооруженным глазом было видно, что я серьезно болен. Ну а судя по тому, как я, почти не переставая, кашлял и то и дело подходил к умывальнику, чтобы сплюнуть мокроту с кровью, определить мою болезнь и ее стадию администратору гостиницы особого труда не составило.

— Он перезаражает здесь всех постояльцев! Вы же взрослые люди и должны понять это, — говорила она, стоя посреди почти пустого вестибюля гостиницы. Я сидел слева от входа на старом кожаном диване, придвинувшись поближе к раковине. Двое молодых мусоров сидели напротив меня на таком же диване, но вдоль противоположной стены, а майор стоял в позе просителя, жестикулируя длинными жилистыми ручищами как мент-регулировщик, и уговаривал эту женщину войти в наше положение с такой кротостью и смирением, будто я по меньшей мере приходился ему родным сыном и дороже, чем я, у него никого на свете не было.

«Да, — поймал я себя на мысли, — уж сколько раз доводилось мне играть в жизни разные роли и быть, между прочим, неплохим артистом, но я никогда не смог бы вести себя так, как эта проститутка в погонах».

Поистине мы только тогда придаем особое значение любой добродетели, когда замечаем ее полное отсутствие у нашего противника. Это был маленький спектакль, но спектакль в высшей степени поучительный, который стоило бы посмотреть еще почти неискушенным в лизоблюдстве и лицемерии молодым мусорам.

Но и на женщину-администратора этот боров произвел заметное впечатление.

— Я все прекрасно понимаю, — сказала она после внимательно выслушанных аргументов майора, уже много мягче и с заметной долей жалости и сострадания. — Мне, конечно же, жалко этого человека, и я готова помочь ему по возможности, но в гостиницу определить его просто не имею ни гражданского, ни юридического права. Не обижайтесь, пожалуйста, но не могу. Уж кто-кто, а вы, товарищ майор, должны меня понять.

Она была права, и с ней было трудно не согласиться. Оставался нерешенным вопрос: куда же меня определить на ночь? Я не был арестованным, то есть не было санкции прокурора на мой арест, поэтому ни в КПЗ, ни в любое другое подобное заведение меня упрятать не могли. Закон в те времена в этой связи был очень строг и распространялся на всей территории Страны Советов безо всякого исключения, тем более что Средняя Азия для СССР всегда была, как ни странно, эталоном строгой законности.

Глава 17

Что же делать? Как быть? Эти вопросы всерьез мучили майора. Он не просто устал, а буквально валился с ног, это было видно с первого взгляда.

Я сидел на диване, согнувшись и поджав под себя ноги, и продолжал наблюдать за тем, как у этого борова от напряжения покраснела морда, а вены на висках налились кровью. Мне показалось в тот момент, что он слегка осунулся и похудел с того вечера, когда мы покинули Махачкалу. Мне даже стало его жаль, и я мысленно пожелал ему скорейшего этапа на тот свет, где, возможно, уже в самом скором времени нам предстояло встретиться.

Тем временем он подошел к своим коллегам, сел на диван, и они, на удивление дружно, стали совещаться. Вероятнее всего, о том, куда же меня все-таки определить на ночь. В конце концов легавые решили сдать меня в местную управу, ничего более умного они придумать не могли.

Описывать, как мы пешком добрались до отделения милиции, благо оно было почти рядом, в нескольких кварталах от гостиницы, как я в первый раз в жизни даже не просил, а чуть ли не умолял мусоров в КПЗ, чтобы они закрыли меня в одиночной камере, заняло бы слишком много времени. Мусора здесь оказались намного покладистее администратора гостиницы и выделили мне не камеру, а настоящие апартаменты по сравнению с нашей махачкалинской КПЗ. Мало того, один из дежуривших мусоров по своей инициативе принес мне в камеру что-то вроде матраса.

Как же не вспомнить этих легавых добрым словом? Конечно, я был им благодарен за все. На удивление, я провел эту ночь с таким комфортом и так хорошо отдохнул, что даже помню свой сон, а точнее, того, кого видел во сне. Это была моя жена.

Утром за мной прибыл один из моих провожатых, молодой мусор, ибо старший ночного наряда любезно предоставил в мое распоряжение камеру-одиночку только до прихода смены, иначе ему грозили неприятности по службе. Так что ранним январским утром, выйдя из помещения милиции вместе со своим провожатым, я, отдохнувший и удивительно, чудесным образом наполненный оптимизмом и верой в благоприятный для меня в будущем расклад, чувствовал, как в душе возрождалась надежда — верная спутница всех честолюбцев и влюбленных.

В тот момент я был абсолютно уверен в том, что на свете нет такого пути, который человек не смог бы пройти, если для этого

он отдаст все свои силы. Если человека ведет любовь, то нет ничего на свете, чего бы он не преодолел. Нет для него таких гор, которых бы он не перешел, нет таких пустынь, которых бы он не пересек, кроме гор и пустынь, которых никому не дано знать при жизни. Ради этой любви он не считается ни с чем, даже со своей собственной жизнью, которой готов пожертвовать, если на то будет воля Провидения.

В гостиницу я не вошел, оставшись ждать своих провожатых, сидя на лавочке в маленьком скверике напротив. Было холодно. Закутавшись чуть ли не с головой в свою толстую меховую куртку, которую мне подогнал еще в махачкалинской КПЗ один из моих старых знакомых, сидевший через стенку от меня, я исподлобья наблюдал за своими спутниками. Они же следили за мной из окна гостиничного номера. Еще по дороге из КПЗ в голове у меня вновь возник план побега, и сейчас, сидя на этой лавочке и не в кипеш созерцая все вокруг, я килешовал над тем, как его лучше осуществить. Конечно, я бы мог прямо в тот момент, когда мы подошли к гостинице и мусор только поднимался по лестнице, сорваться с места и побежать куда глаза глядят, лишь бы не видеть эти гнусные рожи и хоть на несколько минут почувствовать себя свободным. Но этот поступок выглядел бы не просто дурацким, это был бы абсолютный идиотизм с моей стороны. Да и мусора, слава богу, меня за идиота не держали, иначе ни за что бы не оставили одного дожидаться их на лавке. В тот момент что-то подсказывало мне, что в самое ближайшее время моя карта ляжет фартом — справа, главное было не спешить и не опережать события.

Я, честно говоря, и сам удивлялся такой рассудительности и спокойствию, которые охватили меня тогда вместе со жгучей тягой дать деру. Видимо, крайним обстоятельствам свойственно озарять все вокруг, словно вспышкой молнии, которая нас то ослепляет, то просветляет. Человеку, который, по большому счету, не сталкивался в жизни ни с чем, понять меня будет очень непросто. Но с другой стороны, мне кажется, что слово «свобода», а точнее, тот смысл, который заложен в нем, понятно любому смертному на земле. По крайней мере, я не знаю такого человека, который бы не любил свободы.

В тюрьме, можно сказать с самого детства, меня учили тому, что главным в жизни бродяги являются три вещи: любить и уважать свою мать, быть честным и преданным с братьями по вере и не попадать в зависимость ни к кому и никогда. Ну а что касалось свободы, то было как бы само собой разумеющимся никогда и ни при каких обстоятельствах не упустить свой шанс сорваться от легавых. Это было ясно каждому, как Божий день.

Можно привести множество примеров, но мне хочется рассказать лишь об одном случае.

Глава 18

Начало семидесятых годов. Я находился тогда в воровской хате на одной из пересылок Урала. В камере сидело несколько Урок, иначе и быть не могло. Ведь прежде чем водворить того или иного арестанта в камеру, надзиратели всегда спрашивали: «В какую камеру пойдешь?» Очень редко кто заходил в воровскую хату, если не соответствовал образу жизни бродяги или мужика, тем более когда там сидел кто-либо из Урок.

Камера была огромной, да и арестантов загнали туда немало, человек сто, не меньше. Было среди нас и человек десять нерусских, включая троих грузин. Так вот, «заезжает» как-то в камеру небольшой этап из нескольких человек, и в их числе еще один грузин. Как и происходит всегда, когда где-то на пересылке, вдали от дома встречаются бродяги, которые знали друг друга ранее, начались радостные приветствия и «торжественный прием» в честь вновь прибывших.

Прошло всего несколько дней после этого, как все мы, ко всеобщему удивлению, стали очевидцами одной очень деликатной разборки, хотя и разборкой назвать ее было бы трудно. К Жуликам обратился один из грузин, который сидел с нами еще до прихода нового этапа. Вот какой вопрос был поднят этим тогда еще сравнительно молодым бродягой, а в недалеком будущем Уркаганом, с которым меня впоследствии связали долгие годы дружбы. Звали его Гиви.

Была в то время в Грузии зона «Ксани» — это был воровской лагерь, по большому счету. Второй такой зоны в Советском Союзе не было, это уж точно. Хотя тогда в Грузии почти все зоны были воровскими, но эта была особенной. Во-первых, здесь половина лагерного контингента были Ворами. Где еще такое можно было встретить? Если во времена Славы Япончика в размороженной им крытой тюрьме босота играла свадьбы, то начало этому положили Урки лагеря «Ксани». В зоне играли натуральные свадьбы, ничем не уступающие тем, которые справляли на воле, а кое в чем даже и с кушем. Что касалось личных свиданий, то и в этом плане все было отлично. Родные и близкие могли находиться вместе с вами в зоне сколько угодно. В лагере для этого даже существовали отдельные палатки. Весь жизненный лагерный уклад был на высшем воровском уровне. Все было основано на честности и благородстве Воров.

Так вот, однажды один из арестантов, пришедших недавно этапом к нам в хату, укатал мусора-конвоира, чтобы тот выпустил его в город до утра. Даже не знаю, чем он аргументировал такую

просьбу в лагере, куда в любое время дня и ночи можно было вызвать кого угодно, переговорить с кем угодно и привезти что угодно и в любом количестве. Но точно помню, что единственного довода, который мог бы еще как-то его оправдать, связанного с кончиной кого-то из близких, не приводилось. Скорее всего, это была простая прихоть офраеревшего арестанта. В общем, к утру он, как и обещал ментам, вернулся в зону до проверки. Все прошло тихо и спокойно, и никто ни о чем даже не догадывался. Что характерно, сам этот человек в своем поступке не видел ничего плохого.

Уверен, что так бы и прошло незамеченным это событие в жизни арестанта, если бы не его встреча со своим земляком Гиви. Кстати, узнал Гиви об этом случае тогда, когда его уже не было в «Ксани». Вопрос, с которым обратился к Уркам Гиви, был таким: «Может ли человек, именующий себя бродягой, очутившись за пределами лагеря или тюрьмы, вернуться назад?»

Ответ Жуликов был лаконичным и однозначным: «Никогда!» И что бы ни говорил в свое оправдание тот арестант, даже то, что, если бы он не возвратился назад, могли бы пострадать люди, остававшиеся в лагере, а это были в основном Урки, к этому вопросу уже больше не возвращались.

Вопрос этот Гиви поднял перед Шпанюками в тот момент не просто так. Оказывается, этот арестант уже давно мечтал войти в воровскую семью. Но для этого нужно было в первую очередь поставить в известность Воров, с которыми судьба может свести где угодно — на свободе, в тюрьме, в лагере или на пересылке. Затем бродяга готовился к предстоящему сходняку, избрав для ходатайства о себе перед воровской сходкой кого-то из авторитетных Урок, который бы хорошо знал его.

Встретив в нашей хате Урок, он решил известить их о своих дальнейших намерениях и, получив, как обычно бывало, если Урки видели в человеке своего брата, «добро» от Воров, продолжать идти по этапу уже как «без пяти минут Вор».

Прежде чем обращаться к Ворам напрямую, он стал советоваться со своим земляком Гиви, с которым он и в «Ксани» находился в одно и то же время, и получил ответ: «Ты не можешь войти в семью, даже и не пытайся. Ты ушел из лагеря и вернулся назад, а этот поступок воровским назвать нельзя. Больше того, даже не каждый мужик вернется назад, а ты именуешь себя бродягой и еще в скором будущем мечтаешь войти в воровскую семью!»

У них возник спор, который они и вынесли на рассмотрение Воров. Гиви, конечно же, знал, что говорил, иначе какой бы из него вышел Урка, тем более в то время свой вопрос он уже почти

решил, оставалось собрать сходняк, что в заключении сделать совсем не просто.

Что касается того арестанта, то с него, конечно же, спроса никакого не было, потому что он не ведал, что творил. Воры сказали ему тогда:

— Тебе следует еще пожить и пообщаться в кругу шпаны не один год, чтобы набраться знаний, которые необходимы в жизни любого Уркагана, вот тогда можно будет о чем-то говорить. Ну а сейчас ты должен сделать для себя правильный вывод из урока, который преподала тебе жизнь, и в будущем прежде всего думать о том, что ты собираешься сделать, и никогда не расслабляться.

Мне не доводилось больше встретиться с этим арестантом, но я уверен, что урок пошел ему на пользу. Вот таким честным и справедливым был воровской закон, который не допускал никому никаких поблажек, даже если это был близкий или родной человек.

Глава 19

Если же сравнивать все это с нашим временем, то можно привести массу противоположных примеров, которые отражают, как в зеркале, глубокий упадок «босяцких устоев», приспособленчество и перекраивание воровских законов, по которым жили бродяги моего поколения, на свой лад.

Вот один из них. Лагерь, в котором нет не только бродяг, но и людей, хотя бы знающих не понаслышке о правильности воровских законов. Какой-то человек в этой зоне именует себя бродягой. Никому не понятно, за какие заслуги получил он такой высокий статус в преступной среде. Я все же думаю, что главную роль здесь играют деньги, которыми его снабжают с воли.

Так вот, теперь уже «по закону» он покупает для себя отпуск у лагерных мусоров и покидает родные пенаты на определенное время. Затем честно, в указанный администрацией срок, приходит назад в лагерь и продолжает блатовать. И никто ничего не замечает, а некоторым просто невыгодно видеть в этом поступке что-либо плохое.

Да, я согласен, что плохого здесь, конечно же, ничего нет, для мужика или для фраера, но только не для человека, называющего себя бродягой. Чему же полезному для жизни в разных, порою непредвиденных обстоятельствах может научить неискушенную молодежь такой вот демонюга? Только лишь искать в этой самой жизни разного рода лазейки да проскальзывать в них как змея, больше ничему. И это, подчеркиваю, только один из многих примеров сегодняшних «блатных привилегий», которые сама же администрация любезно и за определенную мзду предоставляет арестованным.

Получается, что пользоваться благами, которые по жизни положены бродягам в лагерном и тюремном укладе, хотят многие, но придерживаются их правил, к сожалению, лишь единицы, да и то в лагерях их почти нет. Кто-то из них гниет в крытых, а кто-то парится на особых режимах, в камерах, да БУРах-одиночках.

Глава 20

Мусора, как обычно, не заставили себя долго ждать. Не знаю, когда они успели переговорить с нужными людьми, но тем не менее уже через несколько минут после их выхода из здания к главному входу гостиницы подъехал автобус, и мы не спеша, удобно разместились на его мягких сиденьях. Это был вахтовый автобус «ЛАЗ», который возил бригады рабочих на буровые скважины. Работяг в машине сидело человек десять, так что больше половины салона пустовало.

Поздоровавшись с мужиками, которым, кстати, до нас не было никакого дела, мы молча расположились в самом конце салона.

Мои провожатые образовали что-то вроде «маленького сходнячка» и, как только автобус зашумел, рявкнув своим мощным дизельным двигателем, и тронулся с места, стали что-то оживленно обсуждать и о чем-то спорить. По их настороженным, серьезным лицам и часто зыркающим в мою сторону гиеньим глазкам было ясно, что они уже давно ожидали этого уединения, очевидно, связанного с разговором о моем будущем. Я же сидел на последнем сиденье автобуса справа от них и с нескрываемым интересом через стекло разглядывал пейзаж, который проплывал в это время предо мной.

В тот момент я был совершенно спокоен. Когда мы находимся во власти какого-нибудь стремления, оно постепенно начинает казаться нам вполне разумным и даже осуществимым, а это придает необычайную силу.

На одном из отрезков пути автобус заехал на длинный, широкий мост, перекинутый через стремительную и широкую горную реку. Это была величественная Амударья, которая несла свои бурные воды в Аральское море. Переехав через мост, мы уже мчались по бескрайним просторам пустыни, простиравшейся до самого горизонта, и на этом, почти голом пространстве не было видно ни души. Нет, пожалуй, я не совсем точен, — иногда кое-где попадались одинокие всадники, восседавшие между горбов величественных и могучих кораблей пустыни, но из-за скорости машины и не совсем еще восстановившегося зрения я, как правило, не успевал их как следует разглядеть.

Автобус рассекал утренний морозный воздух Каракумов, но в салоне было тепло. Я, помню, тогда еще подумал: ехать бы вот так всю дорогу, нигде не останавливаясь, ни о чем не думая и ни с кем не разговаривая. Но по старой каторжанской привычке я, уютно закутавшись в свою куртку, думал о неожиданных

перипетиях, которые порой готовит нам судьба, и не обращал никакого внимания на мышиную возню этих «чертополохов» в погонах.

Глава 21

ЛТП находился в ста километрах от Чарджоу в маленьком городке Нефтезаводске, который углубился в отвоеванную человеком часть пустыни. На его территории и вокруг было очень много нефти и газа, а этот фактор, как известно, всегда играет очень важную роль в жизни людей. Еще совсем недавно эти места были почти заброшенной пустынной частью Туркмении. Здесь жили в основном пастухи верблюжьих стад и обитатели близлежащих кишлаков, которые добывали здесь какой-то особый песок для гончарного производства.

В этом отдаленном месте, названном позже городом Нефтезаводском, находилось два лагеря — строгого и общего режимов. Даже обслуживающий персонал этих зон предпочитал жить в Чарджоу и каждый день добираться сюда с раннего утра кто на вахтенном транспорте, а кто и на своих машинах, чем жить здесь постоянно.

Как только на этом участке нашли месторождения полезных ископаемых, лагеря тут же перевели в другие места. Почти заброшенная земля превратилась в город со всевозможными коммуникациями и социальными услугами, а на территории одного из бывших лагерей расположился ЛТП, куда меня и сопровождали мусора.

В этой связи может возникнуть вопрос: а большая ли разница была между зоной, где содержались заключенные за разного рода преступления арестанты, и наркологическим профилакторием, где находились те же преступники, да к тому же еще и наркоманы? Не знаю, как сейчас, и существуют ли вообще в наше время эти самые ЛТП, но в те времена разница была огромной.

Дело в том, что тогда наркомания во всей стране еще только-только набирала обороты. В Туркмении же — одной из республик, которую по праву считали «родиной кайфа», на этой части нашей, тогда еще неделимой и необъятной родины, эти дьявольские обороты были набраны уже так давно, что наркомания стала не просто проблемой или даже бичом, она превратилась в трагедию почти для каждой семьи.

Больше того, сюда, в республики Средней Азии, где Туркмения, как я уже сказал, занимала ведущее положение по количеству и качеству мака и конопли, то бишь «терьяка и гашиша», съезжались наркоманы и барыги со всего Советского Союза, чтобы «навариться» на относительно дешевых наркотиках. Килограммами и часто почти за бесценок «черняшку» скупали залетные барыги, чтобы потом продать ее где-нибудь в Союзе во

сто крат дороже (в оценках я нисколько не преувеличиваю).

Если же говорить о местных уголовных преступлениях, то в этом плане картина тоже резко отличалась: правонарушений в Туркмении совершалось меньше, да и по своему характеру они в основном были так или иначе связаны с наркотиками и воровством ради их приобретения. Поэтому и лагерей здесь расположено относительно немного: в Ашхабаде, Марах и Безмеине, строгий и усиленный (да и то один из них был туберкулезной зоной, а другой — «наркомзоной»). В Красноводске находилась крытая, а в Теджене — лагерь особого режима.

Что же касалось ЛТП, то это один из способов борьбы с наркоманией, которая здесь, как нигде, была напрямую связана с ростом преступности. Республиканские власти достаточно хорошо это понимали, поэтому и оперативно реагировали на рост наркомании, но, к сожалению, принимаемые меры не всегда достигали желаемых результатов.

Глава 22

За весь почти стокилометровый путь, который мы проделали от гостиницы в Чарджоу до здания ЛТП в Нефтезаводске, мусора меня ни разу не потревожили и не задавали никаких лишних вопросов, хотя сами всю дорогу о чем-то постоянно спорили. Я конечно же догадывался о причине их разногласий, но до поры делал вид, что меня они абсолютно не интересуют. Главным было ощущение того, что у меня есть силы противостоять жизненным невзгодам, я готов к дальнейшей борьбе и до последнего ни за что не сдамся.

Почувствовать это внутреннее состояние души было очень и очень важно, оно сродни тому чувству, как если бы тонущий смог поймать в легкие струю свежего воздуха.

Наконец, наш автобус остановился у старого и невзрачного двухэтажного здания. Это и был административный корпус нефтезаводского ЛТП. Поблагодарив водителя и распрощавшись с нашими невольными попутчиками — буровиками, мы гуськом вышли на еще морозный утренний воздух и, слегка поеживаясь от холода, как по команде зашагали в сторону этого одиноко стоящего посреди пустыни здания.

Глава 23

Как оказалось, профилакторий находился на самой окраине города. Мы подъехали к нему как раз в тот момент, когда, построившись в колонны по пять человек, больные выходили из ворот ЛТП под конвоем, хотя почему-то этот конвой был без оружия. Со стороны было явно видно, что никакой это не конвой, а простые сопровождающие, только в военной форме.

Эта картина поразила меня. За многие годы я привык видеть, что такую массу людей, а их насчитывалось не меньше двухсот человек, всегда сопровождает усиленный конвой с автоматами на вздержке и оголтелыми псами на поводках. После того как контролеры просчитывали очередную пятерку, люди оказывались за воротами «лечебницы». Здесь они собирались в маленькие кучки, прикуривали друг у друга сигареты или самокрутки, и то здесь, то там слышался их отрывистый смех вперемежку с сиплым кашлем, исходившим из прокуренных легких.

На нас эта толпа не обращала никакого внимания, зато я не сводил глаз с этих неунывающих типов. Пристально вглядываясь в их лица, я не смог прочесть на них ни отпечатка душевных мук и страданий, ни следов телесных наказаний, которые были слишком хорошо мне знакомы и которые невозможно спутать ни с чем другим. В их глазах скорее светился загадочный, озорной огонек, присущий мелким авантюристам и искателям легкой наживы, нежели печать лагерной скорби, которой бывают отмечены бедолаги и терпигорцы.

Мне было интересно наблюдать за ними. Говоря откровенно, до этого я смутно представлял себе, что же все-таки представляет собой этот самый ЛТП. Среди людей, с которыми я общался, не встречал ни одного, кто провел в его стенах хотя бы сутки. Что же касалось разного рода слухов о тюрьмах и лагерях нашего необъятного отечества, то люди моего склада на этот счет имели свое собственное мнение. То есть я мог поверить только своему собрату «по жизни». Увиденное здесь уже оставило у меня достаточно приятное впечатление, если, конечно, эти слова вообще применимы к подобной ситуации.

Я заметно приободрился.

Мне уже не было так холодно, как в первые минуты, когда я вышел из автобуса, но, главное, мысль о побеге отпала тут же, как только я увидел то, что увидел. Так иногда бывает, когда природа или Провидение весьма своевременно, с каким-то мудрым искусством вмешивается в наши действия, как бы желая навести нас на размышления.

Глава 24

Мои думки прервал один из сопровождавших меня молодых легавых.

Засмотревшись на «панораму» утреннего развода ЛТП, я даже не заметил, как наш майор исчез в здании администрации.

Отойдя на довольно-таки приличное расстояние от мрачного строения в глубь пустыни, в сторону какой-то развалившейся и заброшенной саманной хижины, мы втроем присели, и тут, наконец, мусора поведали мне о причине их спора в «садильнике». В сущности, их разногласия были обычным легавым маневром, когда каждый из участвующих в «деле» мусоров хочет скинуть с себя груз ответственности.

К примеру, когда по ходу следствия или во время тюремных экзекуций следственная бригада или тюремный наряд соответственно допускали, мягко выражаясь, ряд грубых нарушений закона, за что их самих могло ждать уголовное наказание, они и показывали свое истинное лицо. Я еще ни разу не встречал подельников-легавых, один из которых хоть в чем-то не дал бы расклад следствию.

Почти все работающие в правоохранительных органах знали эту свою корпоративную особенность и поэтому никогда не доверяли друг другу ничего серьезного. Иначе они не были бы мусорами. И самое главное, концепция мусорского сообщества не содержала в себе никакой тайны. Старые прожженные псы сами поучали новичков, как бы выгораживая самих себя, но и не забывая при этом, по застарелой козьей привычке, заодно и «пробивать на вшивость» молодняк.

Человек, надевающий форму милиционера, знал наверняка, что он попадает в стаю, которая живет не только по принципу «каждый за себя», но члены которой, если так сложатся обстоятельства, не побрезгуют поживиться и «мясом» друг друга. Сама жизнь диктовала эти законы джунглей: «Не съешь ты, съедят тебя». Но эту их особенность знали не только сами легавые, ее принципы были хорошо известны и их извечным врагам — Ворам!

Излагая подобного рода выводы, основанные на многолетнем опыте общения с мусорами разных правоохранительных ведомств страны, я, конечно же, понимаю степень нравственной ответственности, которую накладывает на меня моя откровенность, и поэтому хочу пояснить, что в своих воспоминаниях я говорю о событиях пятнадцати-, двадцати-, а иногда и тридцатилетней давности. Такой промежуток времени в стране, пережившей грандиозные перемены, когда в одночасье

рушится десятилетиями насаждавшийся строй, более чем значителен. Впрочем, говоря откровенно, в плане служебной этики и человеческой морали правоохранительные органы России недалеко ушли от своих советских предшественников, хотя некоторые сдвиги конечно же есть.

Итак, умостившись на маленькой дощечке, я слушал и наблюдал за тем, как молодые мусорята пытались ценой шкуры старого волка спасти свою. И этот маленький спектакль был для меня по-своему интересен.

Я поймал себя на мысли о том, что не только в преступном мире в последнее время стали появляться всякого рода молодые акселераты, гнувшие какую-то свою, «новую воровскую политику», но, оказывается, нашествие не в меру ретивого молодняка коснулось и правоохранительных органов.

В какой-то момент мне даже стало жаль майора, ведь с такими помощниками, как эти зубастики, он рано или поздно из волка превратится в овцу, и его неизбежно съедят. Честно говоря, мне было бы намного спокойнее общаться с этим, хоть и конченым псом — майором, нежели с этими выскочками, молодыми легавыми с тигриными когтями.

Но выбирал не я, и поэтому я с показным вниманием выслушал их.

Глава 25

Как я уже упоминал ранее, по действовавшему тогда закону водворять в ЛТП больных туберкулезом никто не имел права. На худой конец, меня сначала должны подлечить от чахотки, сбив интенсивный процесс выделения бактерий, а уж затем, если бы на то имелись санкции свыше, водворить в вышеуказанное заведение. Но для всего этого меня пришлось бы везти назад в Махачкалу, а здесь уже не только мне, но и легавым становилось очевидно, что обратную дорогу я не выдержу. Так что как для меня, так и для мусоров, было одинаково выгодно, чтобы меня здесь приняли, но для этого мне следовало разыграть маленькую комедию.

С того момента, как я увидел утренний развод профилактория, я тут же утвердился во мнении, что лучшего места для перекантовки, пожалуй, и придумать трудно, но мусорам, естественно, виду не подавал, пытаясь по старой воровской привычке что-то у них выиграть.

В то же время задаваясь вопросом, что с них можно было взять? Да и стоило ли вообще устраивать с ними какие-либо торги? Более того, я даже дал им слово, которое для них имело немалое значение, что при неблагоприятном для них раскладе я буду утверждать, что они не имели понятия о том, что я болен открытой формой туберкулеза, а я этот факт скрывал от них по своим причинам. Таким образом получалось, что и волки были сыты, и овцы целы. То есть каждая из сторон была по-своему довольна сложившейся ситуацией.

Я хорошо видел, как мусора от радости еле скрывали свои эмоции, не ожидая, что в конечном итоге все для них так хорошо сложится. Они, очевидно, думали, что, узнав о безнадежности своего физического состояния, я здорово попорчу им кровь перед смертью.

К счастью, они не знали главного, почему я этого не сделал бы ни при каких обстоятельствах, даже находясь в шаге от смерти. А причиной моего согласия с легавыми была не кто иная, как моя жена Джамиля, которая находилась в это время в девяти часах езды от меня, в Самарканде. Что же касалось моего здоровья и дальнейшей судьбы, то эти обстоятельства их, конечно же, волновали меньше всего, но тем не менее менты всячески пытались мне что-то наобещать на будущее, напрочь забыв от радости, с кем имеют дело. Я, улыбаясь, делал вид, что верю всем этим сказкам, и молча слушал их.

В общем, расстались мы лучше, чем можно было

предположить ранее, но руки майору на прощание я все же так и не подал. Провались ты пропадом, мразь вохрастая, подумал я тогда, цапку-то до конца дней потом не отмоешь от скверны легавой.

Описывать то, как проходила процедура моего приема в это изолированное, но, безусловно, злачное и уютное заведение, я не стану. Замечу лишь, что я никак не ожидал, насколько трудно мне будет разыгрывать из себя наркомана и к тому же физически здорового человека в придачу. Впрочем, сыграть наркомана мне, сидевшему когда-то на игле не один год, было конечно же проще простого, да и играть-то, по сути, не было никакой надобности. В этих краях и без какого-либо розыгрыша почти в каждом человеке правоохранительные органы видели «наркошу», и, говоря откровенно, эта их точка зрения не была ошибочной, а вот изобразить здорового человека оказалось для меня куда сложнее.

В те несколько часов, когда я дремал, провалившись куда-то в бездну и ничего не ощущая, кашель как бы отпускал меня, будто в этот момент отдельные части моего организма вступали в какой-то сговор, давая друг другу время на передышку. Зато все остальное время кашель душил меня, не прекращаясь ни на минуту, и никаким усилием воли его невозможно было остановить.

Окруженный сворой «приемщиков», я, даже сам не знаю как, умудрялся скрывать кровохарканье, отворачиваясь при очередном приступе, держа марочку в руке и вытирая ею с губ мокроту с кровью. При этом я еще пытался непринужденно поддерживать разговор, шутить и улыбаться. В общем, я пытался вести себя как обыкновенный человек, но с некоторыми склонностями к кайфу, не более. И этот маленький спектакль не без труда, но все же мне удался. Вот только, к сожалению, эта комедия отняла у меня последние силы, и, когда двери карантинной камеры-одиночки за мной закрылись, я буквально рухнул на нары и самостоятельно на ноги смог подняться лишь через несколько недель.

Когда на следующий день при утреннем обходе изолятора работники профилактория, увидев меня, полулежащего на нарах в луже крови с мокротой, поняли, наконец, кого они вчера приняли и как их провели дагестанские коллеги, они были в шоке. Но моих провожатых уже давно и след простыл, так что сотрудникам сей обители пришлось тут же водворять меня в санчасть и думать о том, что же со мной делать дальше. И видит Бог, на их счастье, а вернее, на мою удачу, случай — этот перст Божий — в образе молодого Уркагана и человека в белом халате помог мне быстро, насколько это было возможно при тех условиях и обстоятельствах, прийти в себя.

В этой связи следует отметить, что, начиная с того момента, когда, сойдя с парома в Красноводском порту, я ступил ногой на землю Туркменистана, все время, пока я там жил в неволе или на свободе, почти все, встречавшиеся на моем пути, были добрыми, честными и порядочными людьми. Ни о каком другом месте, где мне пришлось побывать, я такого, к сожалению, сказать не могу. Но кто знает, может, еще найду где-нибудь что-то подобное: думаю, пока все еще впереди и рано ставить точку в своих странствиях.

Глава 26

Стоит отметить, что как администрация, так и обслуживающий персонал ЛТП, были в основном неплохие люди, для которых ничто человеческое не было чуждым. Веками укоренившийся жизненный уклад, своеобразный климат и окружающая среда действуют на людей иногда с поразительной силой, подчас разрушающей все представления о морали, нравственности и действительности вообще. Так что эти люди в белых халатах давали жить и кайфовать другим, в то время когда сами жили и кайфовали так же, как и их невольные пациенты.

На территории профилактория со всевозможными бараками и постройками, как я уже говорил, был когда-то лагерь строгого режима, так что некоторый старый «интерьер» сохранился, включая камеры изоляторов и БУРов, локальные заграждения между отрядами, череду заборов, несколько троп нарядов со множественными рядами колючей проволоки и сигнализацией. Но на этом, слава богу, перечень примет прошлого этого острога заканчивался.

Основной критерий, определяющий жизнь арестантов любых заведений, — режим в этом лагере-профилактории отсутствовал напрочь. К счастью, у меня не оставалось времени, чтобы понять, было ли это обстоятельство заслугой арестантов или позицией администрации. Но я все же склонен предполагать второе, и вот почему. О каком жиганском порядке могла идти речь, если люди ни днем, ни ночью почти не пробуждались от кайфа? Скажу больше, этому ЛТП скорее бы подошло название «Оазис кайфа», нежели место, где должны были лечить от наркомании.

По списку в профилактории числилось двести восемьдесят человек, двести из которых были потенциальными пьяницами и всего лишь восемьдесят — наркоманами, но наркоманами по большому счету. Почти все они были неизлечимо больными и потерянными людьми как для своих семей, так и для общества в целом, за редким исключением, которое составляли десять — пятнадцать человек.

Эти люди и поддерживали воровской порядок в заведении. Здесь, как и было положено на воровских командировках, собирался общак, отсылаемый как под крышу, хотя там в основном и находились «бухарики», так и в санчасть бедолагам, которые, проштрафившись, получали болезненные инъекции по полной программе.

Люди, которых я увидел на утреннем разводе днем ранее, были как раз именно теми пьяницами, которым разрешалось

покидать пределы профилактория для работы на разных городских объектах. На самом деле почти каждый из них был чьим-либо гонцом. Что касается восьмидесяти наркоманов, то, по предписанию свыше, они не имели права свободного передвижения ни внутри лагеря, ни тем более за его пределами. Впрочем, это было всего лишь предписание. Вне пределов лечебницы оно соблюдалось очень строго: администрация неусыпно следила на утреннем разводе за тем, чтобы ни один наркоман даже случайно не оказался за воротами ЛТП, внутри же профилактория его не придерживались вообще.

День здесь начинался, как и повсюду в закрытых учреждениях подобного типа, с подъема, завтрака и развода на работу. Но на работу люди выходили не в промзону, как в обычном лагере, а на свободу. В самом же ЛТП ни условий для какой-нибудь трудовой деятельности, ни самой работы не было вообще, а если бы что-то и было в этом роде, то, уверен, никто из наркоманов даже палец о палец не ударил бы.

Самой администрации выгодно, чтобы все оставалось по-прежнему, и вот почему. Оказавшись за воротами профилактория, те из «пьяниц», которым по ряду причин «наркоманы» не доверяли миссию гонцов, расходились по рабочим объектам. Им предстояло батрачить за себя и за того парня, но, конечно же, не даром. Гонцы расходились и разъезжались по разным сторонам в поисках родственников и друзей «наркоманов», которые остались в лагере, а те к вечеру расплачивались с работягами всегда честно и сполна. Посыльных же в основном интересовали наличные деньги. По строгим, негласным правилам этого учреждения те, кто проносил со свободы наркотики или спиртное, очень строго наказывались, потому что «банковать отравой» было исключительно привилегией администрации. Деньги при этом можно было нести абсолютно открыто и в любом количестве, чем больше, тем лучше, и никто из администрации к ним даже не прикасался. «Зачем лишний раз драконить людей?» — здраво рассуждали они. Ведь так или иначе эти деньги через несколько часов перекочуют в карманы тех, кто, по сути, обязан их изымать.

День у обитателей этого учреждения проходил поразному. Те, у кого оставалось что-нибудь из вчерашних запасов, варили ханку и, уколовшись, кайфовали, кто-то гаповал колеса или фугару, другой травился планом. Те же, кто не оставил ничего наутро, с нетерпением ждали вечернего съема, когда придут посыльные и принесут им деньги от родных и близких. Но в основном почти все делились друг с другом, рассчитывая на взаимность.

После обеда в профилактории стояла почти мертвая тишина. Отчасти сказывался специфический пустынный восточный

климат, который с какой-то меланхолической последовательностью навевал лень и скуку. Но в большей степени такой распорядок дня, конечно же, диктовал образ жизни этих людей: днем спать, ночью кайфовать. К слову сказать, подобный жизненный ритм был присущ и арестантам в тюрьмах и разного рода казематах нашей страны.

Но вот наступал вечер, приближался съем, и жизнь начинала пробуждаться. Как правило, тех мужиков, кому нельзя было доверить корреспонденцию и кто пахал на объектах, по возвращении в ЛТП почти сразу водворяли до утра в камеру-вытрезвитель. Это происходило потому, что, получив долгожданное вознаграждение за свой двойной труд, они, как правило, напивались до такой степени, что иногда приходилось затаскивать их в камеру буквально на руках. Остальные мужики спокойно проходили шмон и несли то, что добыли, своим хозяевам. Вознаграждение ждало их в лагере, после проверки, так что им было совершенно незачем спешить напиваться вне заборов лечебницы.

Через час после съема проходил ужин, а затем в каждом отряде открывались «магазины» и начиналась торговля. Для этих целей, как правило, были приспособлены кабинеты самих же начальников отрядов. Ассортимент кайфа, предлагаемого продавцами-легавыми, был весьма разнообразен, даже больше того, смею уверить любого скептика, что он был мечтой любого наркомана.

Посудите сами — во-первых, в кабинет-магазин разрешалось входить строго по одному. Интерьер здесь был незамысловат. С портрета Железного Феликса, непременного атрибута подобных помещений, который висел прямо напротив двери, свирепый взгляд старого чекиста как бы взывал: работник, будь неусыпен и бдителен, враг не дремлет! Я же под портретом этого чахоточного революционера с удовольствием написал бы следующее: «За что боролись, на то и напоролись, товарищ председатель ВЧК!»

Рядом с письменным столом, который обычно стоял в центре помещения, стояла большая картонная коробка из-под телевизора или из-под чего-то еще в этом роде. Она доверху была набита шприцами разных калибров, но стоимость их была намного ниже аптечной. Такая поблажка в цене была сделана для того, чтобы по возможности избежать разного рода эпидемий, которые обычно возникают среди наркоманов, как правило, не следящих за дезинфекцией и чистотой своих «орудий убийств», — желтухи, например, или, того хуже, СПИДа, о котором уже в то время в этих краях знали не понаслышке.

На самом столе, на одном из его краев, лежало два

небольших мешочка. В одном находился кукнар, а в другом анаша. Между ними стоял граненый двухсотграммовый стакан, чтобы отмеривать им зелье. Здесь, на Востоке, такой стакан был своеобразной мерой веса как кукнара, так и плана, в отличие от других регионов страны, где то же самое отмеривали спичечными коробками, а иногда и чайными ложечками. Посреди стола стояли крохотные аптечные весы, для взвешивания черняшки, а рядом с ними, в футляре с разными по диаметру отверстиями, такие же крохотные гирьки. Как только покупатель платил, продавец-легавый доставал из-под стола небольшой бумажный пакет, пропитанный маслом отханки, и взвешивал, кому сколько нужно, отрезая черняшку ножом или беря ее ложкой. Все зависело от того, в каком виде и какой сорт терьяка был выставлен на продажу.

Для менее имущих у продавца всегда имелась фугара, которая ценилась наркоманами не меньше, чем вся остальная отрава. Но главным ее минусом было то, что ею нельзя было колоться, только гаповать. Продавалась она мискалами. Так в основном продавалась черняшка в других регионах Союза, где со всевозможной отравой было намного сложнее, чем в республиках Средней Азии.

На противоположном от мешочков с кукнаром и планом конце стола стояла небольшая коробочка, в которой лежали колеса. Обычно это были таблетки от кашля, которые дают туберкулезникам, и «сонники». В самом углу кабинета стояло несколько ящиков, обычно накрытых какой-нибудь тряпкой, — это вино на продажу.

К сожалению для «бухариков», их рацион кайфа был строго ограничен. Кроме вина, им ничего не разрешалось ни продавать, ни тем более пить. Но это, несомненно, являлось мудрым решением со стороны администрации. Персонал лечебницы слишком хорошо знал своих клиентов.

Глава 27

Больничка лечебницы была отгорожена от санчасти локальной зоной, и, чтобы попасть куда-нибудь, приходилось либо перелезать через забор с колючей проволокой, либо иметь разрешение начальства. У босоты, которая следила за воровским порядком в любом лагере, подобного рода разрешения имелись всегда. Так что уже через час-полтора возле моего шконаря сидела вся братва профилактория, и мы мирно вели жиганский базар.

Я полулежал на шконаре, облокотившись на несколько подушек, которые были подложены сзади. Кровохарканье по-прежнему не прекращалось, да и кашель давал о себе знать почти постоянно, так что времени на то, чтобы поближе познакомиться с братвой, у меня ушло намного больше, чем если бы я говорил с ними здоровым.

К сожалению, ни с кем из присутствующих я не встречался ранее ни в лагерях, ни в тюрьмах Союза, да это было и немудрено, ведь каждая республика имела свои тюрьмы и лагеря всех режимов и категорий. Иногда, правда, арестантов вывозили куда-нибудь подальше, но это были в основном Воры и большие авторитеты в преступном мире своего региона. Ни тех, ни других среди людей, сидевших возле меня, не было, но тем не менее все они были простыми и порядочными людьми.

В первую очередь, как и подобает истинному бродяге, меня, безусловно, интересовало, есть ли в этом учреждении или еще где рядом Урки? Собирается ли в зоне общак, и греются ли те, кто находится под крышей? И в какой уже раз в жизни я не ошибся, полагаясь на порядочность и благородство своих соплеменников. На тот момент Воров в ЛТП не было, но в городе Чарджоу был один Урка, и звали его Вовчик Армян. Как мне рассказали те, кто общался и был знаком с ним лично, подход к нему был сделан от бакинского Урки Вачикоса Шестипалого, в Красноводской крытой.

С Вачикосом мы встречались несколько раз, но встречи были недолгими, и людей при этом было предостаточно, а узнать всех трудно, так что, можно сказать, я не знал его вообще. Впрочем, двух его братьев, кстати, тоже Воров, я знал, и неплохо. Все трое были авторитетнейшими бакинскими Ворами. Преступный мир о них слышал во многих регионах нашей страны, и многие старые и именитые Урки знали братьев и уважали их за бескомпромиссность и чистоту помыслов. Это обстоятельство ставило их на одну ступень с самыми авторитетными Ворами

нашей необъятной Родины.

Сашика, самого старшего из братьев, «завалили по сонникам» еще в конце шестидесятых, в одной из херсонских зон. Средний — Рудик и младший — Вачикос в то время, слава богу, жили и здравствовали. Также я знал и то, что уж если такой Вор, как Вачикос, делал к кому-то из молодых бродяг подход, то его протеже, без всякого сомнения, должен был быть в полной мере достоин столь высокого внимания. Исходя из всего этого я и отписал Вовчику Армяну соответствующую маляву.

Зная, что у меня нет времени на длительную переписку, и желая показать, что пишет человек, во многое посвященный и достойный внимания со стороны Урок, я, упаковав маляву, нарисовал сверху змею, держащую во рту пронзенное стрелой яблоко. Эта эмблема в древности обязывала мудреца хранить свои познания в тайне, а Вора — распознавать людей верных и близких по духу.

Для человека непосвященного такой рисунок не нес никакой информации, но для настоящего бродяги сама эмблема имела огромный смысл. Эти маленькие воровские хитрости я познавал когда-то годами от старых Урок, с которыми коротал срока на той или иной командировке нашей необъятной Страны Советов. Подобного рода воровскую азбуку я знал на пятерку.

Раз к Армяну делал подход Вачикос, они и общались немало: без этого никак не обойтись молодому Вору. И значит, Вачикос успел поведать Вовчику о многом, о чем обычно делятся Воры постарше с юными Уркаганами, так что ему нетрудно будет догадаться, от кого пришла эта малява. Лагерная братва уверила меня в том, что в «дороге на свободу» и отправке самой малявы нет и не может возникнуть никаких проблем, так что я уверенно отдал воровское посланьице кому следовало.

Я прекрасно понимал состояние окружавших меня людей. Хотя в последнее время в разных концах страны в тюрьмах и лагерях сплошь и рядом попадались разного рода самозванцы, они верили мне, когда я, еле переводя дыхание и порой захлебываясь сиплым кашлем, говорил на воровскую тему или писал Вору маляву. Было ясно, как божий день, что им не меньше, чем мне, хотелось, чтобы я получил побыстрее ответ от Вора. И не какой-нибудь, а чисто жиганячий, дабы удостовериться в том, что их не подвело собственное чутье. Ведь меня никто здесь не знал и даже не слышал обо мне. Люди поверили на слово, положившись исключительно на интуицию.

К слову сказать, это качество — одно из благородных, а значит, и правильных жизненных понятий бродяг: сначала видеть в незнакомом человеке только хорошее и относиться к нему так,

как требуют воровские понятия. Самое главное, что все эти знаки внимания люди уделяют человеку, не зная наверняка, их ли он собрат или засухаренный гад, что нечасто, но все же бывало, да и сейчас бывает в преступной среде. В понятиях бродяг все негативное, что есть в человеке, рано или поздно само выйдет наружу. Не зря среди братвы ходит поговорка: «Бродяга косо не насадит». У него это косо просто не получится, потому что образ жизни у него бродяжий.

Глава 28

Через день после того, как мною была отправлена малява Вовчику Армяну, из его ближайшего окружения пришел ответ, отписал его положенец из Чарджоу. Он сообщал мне, что, «к сожалению, сейчас Армяна в городе нет». Тот уехал в Безмеин, который находится на другом конце пустыни, «всего лишь» в пятистах километрах от Чарджоу.

Дело в том, что к тамошнему бродяге Серому от Воров был сделан подход, и теперь Вовчик поехал поздравить брата с входом в воровскую семью. «Придется немного подождать, — писал положенец, — как только Армян появится в городе, я обещаю тут же отдать ему маляву».

Ну что ж, делать нечего, я стал ждать приезда Жулика. Когда человек обретает надежду, время летит незаметно. К счастью, ждать пришлось недолго. К удивлению многих босяков, да что скрывать, для меня самого и для всех нас визит Уркагана на следующий день после того, как пришел ответ от положенца города, стал приятной неожиданностью. Как я узнал чуть позже, на территорию профилактория Вовчик прошел безо всяких проблем. Правда, прежде чем познакомиться со мной, он задержался немного, чтобы поговорить с начальством. Затем его провели ко мне в палату.

Я еще не знал, кто стоит передо мной, когда, открыв уставшие от почти бессонной ночи глаза, увидел молодого человека, стоявшего у моего шконаря и внимательно, слегка прищурив глаза, будто вспоминая что-то, разглядывавшего меня. Каким-то внутренним чутьем, присущим людям моего круга, я тут же скорее не понял, а почувствовал, кто стоит передо мной.

В этой связи мне хотелось бы отметить одну деталь, которая неизменно присутствует при подобного рода знакомствах в воровской среде. Дело в том, что, когда человек — Вор или положенец какого-либо региона (в данном случае речь, конечно же, идет о свободе, ибо в заключении существуют другие пути пробивки, например «беспроволочный телеграф») — получает маляву, он обязательно посылает запрос (на свободе это может быть простой телефонный звонок в то место, где человека, назвавшегося тем или иным именем, хорошо знают) и, уже исходя из описания внешних данных, каких-то характерных привычек, татуировок, делает вывод: тот ли это человек, за которого он себя выдает, или это сухарь.

Мне самому не раз, находясь на положении Вора в том или ином месте, приходилось вот так же пристально всматриваться в

глаза человека, которого я не знал и, конечно же, боялся ошибиться. Я просто не имел права на ошибку. Так что, встретившись в тот момент взглядами, мы с Вовчиком поняли друг друга безо всяких дополнительных промацовок.

— Здорово, бродяга, — слегка улыбаясь, проговорил я и постарался при этом чуть приподняться на руках и сесть. Вовчик быстро подошел к постели и тут же помог мне, подложив сзади несколько подушек, а сам присел рядом на стул, который поставил кто-то из присутствовавших в палате.

— Бог в помощь, Заур, с приездом в Среднюю Азию! — сверкнув несколькими фиксами, продолжил он только что начатый мной, но тут же ненароком прерванный разговор.

— От души благодарю, бродяга, — ответил я, стараясь придать своему грубому голосу побольше теплоты, но сиплый кашель не позволил мне этого сделать.

— Все нормально, родной, не торопись, у нас уйма времени, чтобы поговорить по душам и все обсудить. На вот, гапани кусочек ханки, чтобы успокоить кашель.

Он достал из жилетного карманчика шарик чистейшего афганского опия и протянул мне. Я, недолго думая, тут же гапанул его, запив остывшим чаем из косушки, и стал ждать, когда черняшка даст ожидаемые результаты. К слову сказать, опий — одно из самых эффективных лекарств от кашля, если не самое эффективное. В определенных количествах это лекарство от очень многих болезней, но стоит хотя бы немного перестараться, и он тут же превращается в смертельный яд замедленного действия.

Так я и познакомился с молодым чарджоуским Уркаганом, которого кличили Вовчиком Армяном. С ним впоследствии меня связывала не только цепочка воровских дел, но и тесная мужская дружба. Он был среднего роста и обладал приятной наружностью. Ему еще не исполнилось и тридцати, но в его суждениях и образе мыслей ощущались твердость и прямолинейность, а под внешней бесстрастностью скрывалось незаурядное честолюбие — залог того, что он сможет достичь очень многого, если пожелает.

Проговорили мы с Армяном почти до самого вечера, нам было о чем поговорить. Затем Вовчик сказал, что обдумает с компетентными людьми, как меня вызволить из этого профилактория и поместить в туберкулезную больницу на свободе, и уехал, оставив приличную сумму денег и пообещав вернуться через несколько дней.

Глава 29

Думаю, сейчас следует пояснить, почему, когда речь шла о персте Божьем, я упомянул наряду с Уркаганом и человека в белом халате. Медицинский персонал санчасти профилактория состоял в основном из наркологов: главного врача и нескольких лечащих врачей и медсестер. Были и две бабушки-санитарки. Несколько раз в неделю приходили зубной врач и невропатолог. Один медбрат до поступления на работу в это заведение был лаборантом в туберкулезном диспансере. Больше того, в то время он заканчивал учебу в медицинском институте и совмещал работу медбрата с практикой фтизиатра.

Исходя из его знаний о туберкулезе, главный врач санчасти и поручил все заботы обо мне Махмуду. Так звали моего ангела-хранителя, и, смею заверить, в этом сравнении нет никакого преувеличения.

Хочу отметить и то, что Махмуд был исключительно честным человеком. Когда я предложил ему некоторую, и немалую, сумму денег из тех, что оставил мне Вовчик, он молча и с таким выражением посмотрел мне прямо в глаза, что я тут же безо всяких слов понял, что он хотел сказать этим взглядом. Правда, смягчившись, вероятно осознав, какое общество меня окружает, ответил просто и безо всякой злобы:

— Спрячьте, пожалуйста, ваши деньги, Заур, они вам в скором времени еще ой как пригодятся. А мне они не нужны — я исполняю свой профессиональный долг.

И это было правдой. Он оказался действительно человеком долга, что никак не сочеталось со всей окружающей обстановкой, где все или почти все покупалось и продавалось за определенную плату.

Первым делом Махмуд взялся за то, чтобы остановить кровохарканье, которое продолжалось у меня уже не один день и из-за которого я так ослаб. Меня перевели в другую палату. Она была поменьше, зато там я находился один. Я боялся, что, не дай бог, заражу кого-нибудь из ребят, которые и без того были сильно наказаны судьбой. У меня протекал самый что ни на есть интенсивный процесс, и с этим обстоятельством в санчасти не могли не считаться.

Из города были привезены разного рода лекарства, витамины и плазма, которые по тем временам стоили немалых денег, но Махмуд выписывал их за счет профилактория. «Незачем незаконно принимать такого больного человека, — вслух рассуждал он, — а уж коли приняли, нужно по крайней мере

лечить, а не смотреть, как он с каждым днем медленно угасает!»

Махмуд сам назначил мне курс лечения, лично наблюдая за мной чуть ли не круглые сутки, иногда даже и ночь коротая в палате, рядом с моим шконарем. Неусыпно следил за тем, чтобы я вовремя принимал лекарства, сам ставил мне капельницы и заставлял проходить всевозможные процедуры, лично им разработанные. Разделил по своему усмотрению опий и давал мне принимать его три раза в день в определенных количествах, обычно в тот момент, когда кашель душил меня и было совсем невмоготу.

Нетрудно догадаться, что с таким доктором результаты не заставили себя долго ждать и я заметно пошел на поправку. Благо жизненного потенциала во мне было еще предостаточно. Махмуд сам удивлялся и радовался, глядя, как я медленно, но уверенно возвращаюсь к жизни.

Я уже мог шутить, выводя какие-то житейские формулы, наподобие того, что у меня началась вторая молодость, и это якобы результат длительного тюремного заключения, то есть тюрьма сохраняет человека. На это он, почти соглашаясь, отвечал, глядя на меня с доброй улыбкой: «Да, действительно, человек — поистине загадка, но, если не сохранишь молодости первой, не дождешься и второй. Это уж точно, поверь мне на слово, Заур, я знаю, что говорю».

В таких беседах у нас и проходило время. Махмуд точно угадал, какая тематика мне по душе. Стоит отметить, что помимо его любимой медицины он неплохо знал историю и литературу. Было очевидно, что чтению он уделял времени не меньше, чем медицине. В общем, мы не скучали и знали, как нам коротать время.

Глава 30

Через несколько дней после своего первого посещения, как и обещал, приехал Вовчик. Он привез бумагу от прокурора Чарджоу, в которой предписывалось, чтобы меня незамедлительно направили в ближайшую туберкулезную больницу, которая и находилась в этом городе.

Армян сделал все как надо, но, к сожалению, я еще был нетранспортабелен.

— Хотя бы через несколько недель интенсивного лечения его можно будет везти в такую даль, но никак не раньше. Иначе он просто не выдержит дороги, — таков был окончательный и безоговорочный вердикт Махмуда.

Так что, несмотря на мое страстное желание поскорее насладиться свободой, все же приходилось ждать. Я конечно же и сам все прекрасно понимал, поэтому и старался быть благоразумным и терпеливым, ну а к ожиданиям мне было не привыкать…

Так что выбор мой был однозначен: я остался. Тем более что Вовчик и сам мне это посоветовал. Уезжая, он спросил у меня:

— Может, есть какая просьба, Заур, пока ты не оклемался и не переехал в другое место? Говори, бродяга, не стесняйся, по возможности все сделаем как надо.

И тут, сам не знаю каким образом, скорее всего, меня подкупила простота и открытость Уркагана, я решился попросить его о том, что больше всего тревожило меня все это время. Конечно же, в ином положении я бы ни за что не посмел потревожить Вора подобной просьбой, но тогда для меня был дорог каждый день, и я не мог не воспользоваться случаем, который мне любезно предоставляла судьба.

— Дело в том, Вовчик, — начал я, — что в Самарканде живет моя жена с младшей дочерью. Они даже не знают, что меня не расстреляли и я остался в живых. Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь съездил и известил их об этом.

Когда мы прощались с Вовчиком, в палате сидели несколько человек босоты. Они приехали из города, с ними была и дочь прокурора Чарджоу, очень милая и привлекательная девушка. До этого в палате было шумновато, к нашему разговору никто не прислушивался, кроме девушки, которая с нескрываемым интересом и глубоким состраданием смотрела на меня во все глаза. Но после моих слов в помещении воцарилась мертвая тишина, мне даже стало как-то неловко.

Затянувшуюся паузу прервал сам Армян, просто спросив у

меня:

— Ты хочешь, чтобы они навестили тебя здесь, в ЛТП?

— Нет, конечно, — ответил я тут же, — мне не хочется, чтобы они видели меня в таком состоянии.

— Ну что ж, бродяга, будь по-твоему. Если твоя жена и дочь все еще живут в Самарканде, то я тебе обещаю, что, как только ты окажешься в вольной больнице, они будут рядом с тобой. Можешь в этом не сомневаться, — сказал Армян решительным тоном, нахмурив брови и глядя мне прямо в глаза.

Какие у меня могли быть сомнения в отношении обещаний Жулика? Мог ли я сомневаться в его словах или в нем самом? Конечно же нет. Об этом не могло быть и речи, иначе я бы не был тем, кем я был и есть в этой жизни, — бродягой.

Я написал по памяти на клочке бумаги приблизительный адрес, который случайно узнал от мусоров, и заранее поблагодарил Урку за заботу и внимание. Мы тепло простились, и вся братва уехала в Чарджоу.

Прошло немного времени, которое Махмуд отпустил на первичный этап моего лечения, и в начале марта 1988 года я наконец-то вновь отправился в путь. Я еще не мог свободно ходить, но чувствовал себя намного лучше, чем до приезда в профилакторий. Это целиком заслуга Махмуда, но, к моему сожалению, он не позволил мне отблагодарить его как положено.

— Ты, Заур, слава Аллаху, жив и заметно идешь на поправку, — сказал он мне на прощание, — это и есть твоя благодарность мне, ибо может ли быть для врача благодарность больше той, чем когда он видит перед собой выздоравливающего пациента?

Вот таким удивительным, честным и благородным был этот человек. Дай Аллах ему и его близким всяческих благ!

Ранним февральским утром Вовчик прислал за мной машину «скорой помощи» с несколькими симпатичными женщинами-врачами и верзилой санитаром в придачу, которые всю дорогу до городской больницы обращались со мной так, будто я был пашой или эмиром. В машине я полулежал на носилках и смотрел в окно, наслаждаясь хоть и относительной, но все же свободой. Но главный и, слава богу, не последний в моей жизни сюрприз меня ожидал чуть позже, на следующий день после прибытия в больницу.

Глава 31

Каждый из нас знает по собственному опыту, что человек, и в этом его чудо, обладает странной способностью рассуждать почти хладнокровно при самых крайних обстоятельствах. К буре чувств примешивается логика мысли. Это результат человеческого одиночества и отрешенности от суеты, глубокого анализа чувств и желаний, и происходит он лишь в тех головах, которые большую часть своей жизни покоятся отнюдь не на пуховых подушках.

Территория больницы, куда меня доставили через пару часов утомительной, но в то же время приятной поездки, была по меркам провинциального Чарджоу очень большой. На огромной площади в несколько гектаров размещались множество корпусов и отделений больницы: хирургический, костный, детский, легочный и другие, непосредственно сама поликлиника туберкулезного диспансера и несколько помещений службы быта.

Кругом росли плодовые деревья, и, хотя на дворе было еще лишь начало марта, повсюду вились причудливые кустарники и зеленела трава. Вдоль и поперек всей территории больницы протекали арыки, по которым, приятно журча, бежала чистая речная вода. Все строения буквально блестели от белизны побелки, сразу бросалась в глаза идеальная чистота. Было видно, что ко всему этому приложилась рука настоящего хозяина.

Безо всяких проблем и проволочек, как это часто бывало в вольных, но казенных заведениях страны развитого социализма, меня поместили в легочное отделение. Отношение медицинского персонала ко мне с первых же минут было почти таким же, как и у врачей «скорой помощи». Пока я сидел в палате на шконке, еле-еле переводя дыхание после длительной поездки, на меня пришел поглазеть весь штат легочного отделения, находившийся на дежурстве.

Конечно же, я прекрасно понимал, кому обязан столь пристальным вниманием и приветливым обхождением, но по старой лагерной привычке сделал вид, что я шланг и резиной не пахну.

Но, как показало время, конспирация здесь абсолютно ни к чему: палата, куда меня поместили, была под стать всей больнице — огромной, чистой и светлой, с высокими потолками и большущими окнами.

Шконарей в палате было всего восемь: все панцирные и одноярусные. «Да, здесь, без сомнения, можно прийти в себя и стать на ноги», — подумал я в тот момент, когда впервые

переступил порог этой, как впоследствии показало время, фартовой для меня обители.

С бедолагами, товарищами по несчастью, а в палате их было всего пятеро, я познакомился тут же и уже через несколько минут вел себя с ними так, будто знал их всю жизнь.

Мужики без суеты и лишних хлопот помогли мне обосноваться на втором шконаре, слева от дверей. Из трех пустующих коек именно отсюда вид на «волю» мне показался наиболее выигрышным, ибо взгляд охватывал большую часть фруктового сада, который рос за легочным отделением и был по-весеннему еще почти голым — без листвы, но с набухшими почками на ветвях.

С дороги я подустал и решил немного отдохнуть. Моя душа еще не пела, но и не плакала уже, а одного этого было вполне достаточно, чтобы я мог предаться приятным воспоминаниям или всласть помечтать.

Я лежал поверх одеяла, подложив обе руки под голову, смотрел в окно и думал, думал о самом сокровенном — о своей жене и детях, и, когда я наконец заснул, мне приснился какой-то удивительно бархатный сон.

После обеда навестить меня приехал Вовчик с городской босотой и двумя милыми бубновыми дамами в придачу, а с ними в палату ворвались молодость и жизнь. Почти до самого вечера они пробыли у меня. За это время я узнал очень многое из того, что мне необходимо было знать.

Когда при знакомстве с кем-либо у вас складывается впечатление, что вы знали этого человека очень давно, чуть ли не с пеленок, значит, этот человек под стать или сродни вам самому. После ухода братвы у меня было именно такое ощущение. Другого и быть не могло, ведь люди, пришедшие ко мне, пришли с Вором. За все то время, пока они находились у меня, я все пытался навести Армяна на интересующую меня тему, но он как будто специально избегал этого разговора, сам же я постеснялся спросить его в присутствии стольких людей.

О чем личном может идти речь, когда «базар» в кругу идет о воровском, да еще при этом присутствует Урка? Ведь я был воспитан совсем по иным правилам, нежели нынешнее поколение людей, которые именуют себя бродягами. Для меня, равно как и для многих тысяч таких же, как и я, босяков, на первом плане всегда стояло то, что касалось истинно Воровского; остальное, в том числе и личное, было побочным.

Почти все мы десятками лет чалились в заключении. Имело ли смысл заводить семью? Кто из нас мог быть уверен в том, что его будет ждать любимая женщина? Да и какая женщина захочет

связать свою жизнь с таким человеком? Но, к счастью, находились и такие, а значит, иногда было что-то пусть и мимолетное, но все же личное.

Мы сами избрали себе этот путь, никто не неволил нас ступать на него, и жаловаться было некому. Так что мне необходимо было показать людям, что хоть я и нахожусь на волосок от смерти, но все же чту завещанные старой босотой традиции.

В тот момент я, конечно же, не мог даже и предположить, теряясь в догадках после ухода Вовчика и особенно после его прищуренного, с хитрецой, прощального взгляда, какой приятный сюрприз в самое ближайшее время приготовит мне этот Уркаган.

Тот день я запомнил до мельчайших подробностей, как и все подобные эпизоды моей шебутной и полной драматизма жизни, которых, к сожалению, было не так уж и много. Но все же они были.

Глава 32

И вот наступило то прекрасное и ласковое утро, прохладное, как поцелуй росы, о котором мне хотелось бы рассказать чуть подробнее. Пробудившись с рассветом, я полулежал на больничном шконаре, подложив под голову несколько подушек и укутавшись в теплое, из верблюжьей шерсти, одеяло, наблюдая по очереди в оба огромных окна обыкновенное чудо природы.

Посмотреть было на что. Восток, как костер в пустыне, разгорался быстро и ярко. В какой-то момент золотисто-желтая полоса над горизонтом стала огненной. Наконец, приветствуемый птичьими голосами, красный шар солнца выкатился на небосклон, и тут же все вокруг заискрилось и засверкало. Трава, осыпанная жемчугом росы, стала переливаться миллионами алмазов, будто только что брошенных горстями на землю невидимым волшебником. В окна палаты ударили яркие лучи солнца, и я, закрыв глаза от удовольствия, на несколько минут очутился в другом мире — мире легенд и фантазий. Глядя на этот дивный пейзаж, я невольно и с особенной остротой ощущал всю красоту и мимолетность бытия. А какой насыщенной была моя жизнь, сколько в ней было драматизма, сколько сохранилось волнующих воспоминаний! Только теперь, когда смерть смотрела мне в лицо, я понял настоящую цену жизни и ее радостей.

Эта мысль захватила меня полностью. Ведь в заключении все для меня было всегда ясно, и даже когда смерть иногда стояла на пороге моей камеры, я знал, что делать, и не роптал, но теперь… Наконец-то оказаться на долгожданной свободе, но для чего? Чтобы умереть здесь?

Ощущение страшной несправедливости было невыносимым. Тогда еще я даже и не предполагал, что именно сегодня, в это дивное по красоте мое первое утро на свободе, после всего кошмара заключения, который совсем еще недавно мне пришлось пережить, и суждено будет сбыться моим долгим мечтам и ожиданиям.

Говорят, что у каждого из нас, живущих на земле, есть свой Ангел-Хранитель, и это абсолютная правда, в чем я успел убедиться не единожды. Но вот о том, что между людьми, очень близкими нам по духу или по крови, существует какая-то невидимая связь, которая порой неудержимо влечет их друг к другу, а иногда даже и предупреждает о приближающихся опасностях, я, конечно же, слышал, но сам в это не верил никогда, и, как показало время, зря.

Понять меня нетрудно. Ведь все старые арестанты —

реалисты, и склад ума у них всегда практичный: пока не пощупают своими руками или воочию не убедятся в чем-то, никогда не поверят на слово.

День полностью вступил в свои права, больница давно проснулась и уже несколько часов как жила своей жизнью. В это время в нашем отделении больные завтракали. Я был один в палате, тихо полулежал на своем шконаре и слушал какую-то приятную музыку, доносившуюся из репродуктора, висевшего прямо над дверью, как вдруг что-то как будто всколыхнуло меня, разбудив какой-то давно дремавший, забытый инстинкт.

Я даже не мог припомнить, когда в жизни мне приходилось ощущать подобный прилив сил. Сам не знаю как, я поднялся с койки и легко выпрямился, будто и не болел вовсе. Было такое ощущение, что я только что принял какой-то эликсир жизни.

Но это еще не все. В следующую секунду ноги сами вывели меня из палаты. Я подошел, хоть и не спеша, но уверенной походкой к двери, открыл ее, вышел в коридор и замер как вкопанный, стоя на длинной цветастой половой дорожке.

Взгляд мой был устремлен куда-то вдаль, мимо людей, выходивших из столовой и сновавших по коридору в ту и другую сторону, мимо тех, кто шел на процедуры. Все они мелькали рядом, словно во сне, но их присутствия я почему-то не воспринимал.

Запахнувшись по старой лагерной привычке в поношенный больничный халат (первый попавшийся мне под руку), в котором, надо думать, помер не один чахоточный бедолага, в тапочках на босую ногу, я стоял и ждал, абсолютно уверенный в том, что сейчас должно произойти что-то невообразимое, и чудо, к счастью, не заставило себя долго ждать.

Буквально в следующую минуту из бокового входа в легочное отделение, который находился на приличном расстоянии от меня, где-то в середине корпуса, не вошла, а вбежала молодая с виду и хорошо одетая женщина. На мгновение она остановилась и как-то растерянно, с видимой тревогой огляделась по сторонам, будто ища кого-то, и, увидев меня, одиноко стоящего у двери своей палаты, бросилась в мою сторону.

Каскад длинных черных как смоль волос, ниспадавших волнами на ее плечи и грудь, почти закрывал ее лицо, но она легким прикосновением рук откинула их назад, и, когда расстояние, разделяющее нас, сократилось, сердце мое вдруг екнуло и забилось мелкой дробью, оно просто готово было выскочить из груди. Сомнений не оставалось — этой женщиной была моя жена Джамиля.

Уже в следующее мгновение мы упали в объятия друг друга.

Мне показалось, что я обрел крылья. Джамиля плакала навзрыд, уткнувшись мне в плечо, и крепко прижимала к себе с таким порывом чувств и страстной любви, будто в самое ближайшее время нас должен был кто-то разлучить.

Такой знакомый и родной пьянящий запах ее волос тут же одурманил меня, а комок, подступивший к горлу, не давал вымолвить ни слова. Я зарылся в ее пушистые, шелковистые волосы, закрыл глаза и провалился в бездну счастья.

Как я мог говорить в тот момент? Да и о чем было говорить? Чего желать? «Как же ничтожно мало нужно человеку для счастья!» — промелькнуло в моей голове.

Один Бог знает, сколько времени мы простояли в таком молчаливом единении: минуту или пять? Когда я пришел в себя и поднял взгляд, то увидел странную картину. Недалеко от нас стояли несколько женщин, в том числе и в белых халатах. Они о чем-то шептались, иногда поднося носовые платочки к глазам, и глядели в нашу сторону. За ними, переминаясь с ноги на ногу, тихо судачили двое любопытных мужичков.

Голова жены покоилась у меня на груди. Она уже давно перестала плакать, лишь изредка нервно вздрагивала, всхлипывая и прижимаясь ко мне с каждым разом все сильнее и сильнее.

Я осторожно поднял ее голову, посмотрел в заплаканные и от этого еще более привлекательные и желанные глаза, на алые губы и приоткрытый, полный маленьких жемчужин рот, как бы убеждаясь лишний раз, что это действительно моя жена, а не сон.

Нежно погладил ее по волосам, обнял за плечи, прижал к себе, как драгоценный сосуд, и молча завел в свою палату.

Когда мы оба оказались сидящими на моей койке, она подняла голову и, взглянув мне прямо в глаза, проговорила с таким состраданием в голосе, что у меня мурашки пробежали по коже:

— Неужели это ты, Заур? Родной мой, ты действительно жив! Боже, как же я рада! Ты даже не представляешь себе, как я рада и как счастлива. Сколько же я пережила и как мечтала о такой вот чудесной встрече! О Боже, неужели все это не сон? Но мне почему-то сказали ребята, что ты чуть ли не при смерти, так, наверное, нужно было, да? Заур, милый, это ты? Я не верю глазам своим…

Она щупала мои руки, плечи, грудь, смотрела на меня сверкающими, как два черных бриллианта, глазами, полными любви и сострадания, гладила меня по волосам своими нежными и добрыми руками, и слезы, как два маленьких ручейка, сбегали с обеих ее щек.

Она все еще не могла до конца поверить в чудо нашей

встречи. В тот момент я находился в какой-то эйфории, не успев вымолвить еще ни единого слова. Она прекрасно понимала мое состояние, поэтому и не требовала от меня немедленных ответов на свои вопросы.

«Вот этим и отличаются, наверно, такие близкие, родственные души, как наши», — промелькнуло в моей голове. Я по достоинству оценил ее поведение.

В палате мы были одни, и я знал, что в ближайшее время нас никто не потревожит, но вдруг услышал скрип открываемой двери и обернулся. В дверях стояла моя младшая дочь Хадишка — нарядная, как маленькая принцесса, с двумя огромными белыми бантами, приколотыми к таким же пышным и длинным волосам, как и у матери.

Я был поражен ее взглядом. Ребенок смотрел на меня глазами взрослой женщины. Какое-то мгновение мы разглядывали друг друга, молча улыбаясь, и, честно говоря, я растерялся в тот момент, но меня спасла ее детская непосредственность. С криком «Папа!» она бросилась в мои объятия, зарылась где-то у меня на груди, и напряжение прошло само по себе.

Я успел завязать платком рот, чтобы не заразить туберкулезом дочь, по-прежнему прижимая ее к своей груди.

Первые слова при нашей общей встрече, которые я произнес, были обращены именно к ребенку. Я поздоровался, не преминув сделать комплимент своей дочурке, и понемногу все встало на свои места.

Так втроем на моей больничной шконке мы и просидели, разговаривая несколько часов кряду, пока не появился Вовчик со своими бродягами.

Глава 33

Нетрудно догадаться, что я почти все это время молчал, внимательно слушая рассказы жены и некоторые, по-детски наивные, маленькие дополнения дочери.

Находясь в Самарканде и, как сейчас принято говорить, занимаясь торговым бизнесом, она, естественно, не могла знать, что мать моя умерла, а меня почти тут же посадили в тюрьму. Узнала она об этом чуть позже, когда, закончив дела, приехала домой в Махачкалу. Можно представить себе, в каком она была состоянии, поняв, какая череда несчастий произошла в ее отсутствие.

Джамиля всегда была сильной и умной женщиной. Прекрасно понимая, что легавые, зная о нашей любви и привязанности друг к другу, не оставят ее в покое, полагая, что я мог доверить ей очень многое, она, никому ничего не сказав, кроме моего отца, вернулась в Самарканд.

Дома Джамиля оставила старшую одиннадцатилетнюю дочь Сабину, которая уже давно превратилась в не по возрасту взрослую и практичную девушку, с дедом, убитым горем, а сама, в надежде на то, что легавым не будет никакого резона ехать в такую даль за простыми показаниями жены арестованного, покинула Махачкалу, взяв с собой младшую дочь Хадишку.

Но она просчиталась. Могла ли моя жена знать тогда, прекрасно изучив меня за годы совместной жизни, какие преступления мне инкриминируют менты? Какие силы легавых двух республик будут брошены на то, чтобы сделать нас в глазах закона козлами отпущения? Конечно же нет. Она узнала об этом намного позже, когда они все же навестили ее.

Услышав от приезжих мусоров, в чем меня обвиняют, Джамиля сразу поняла всю абсурдность этих обвинений.

Она была моей женой и поэтому знала, как часто люди страдали просто так, не за понюх табаку, и поэтому сделала все от нее зависящее для того, чтобы менты уехали от нее несолоно хлебавши. Больше того, пока легавые были в Самарканде, она, сама того не подозревая, умудрилась здорово мне помочь, а впоследствии результат ее действий вызволил меня из очередного заточения и в корне изменил всю мою жизнь.

Это ли не перст Божий, оберегающий от ошибок любимых существ?

Узнав от говорливых во хмелю приезжавших к ней легавых о том, что правоохранительные органы обеих республик не только всячески скрывают наше местонахождение, но иногда даже

меняют места нашего заточения, Джамиля не стала зря тратить время на мои поиски, решив сначала обосноваться с дочерью в Самарканде, а уж затем, когда она сможет сделать что-то реальное, найти меня и помочь.

Не могут же легавые скрывать нас постоянно? Когда-то и где-то ведь должен состояться суд? Так думала не только одна моя супруга, так думали все те, кому мы трое были дороги, но, к сожалению, как показало время, все они ошибались. Суд действительно состоялся, но никто, даже дагестанские мусора не знали, когда он будет и где.

Они узнали об этом позже, когда нам уже вынесли смертный приговор, а узнав, на радостях решив опередить время, дали ложное известие в газете о том, что в отношении нас с Лимпусом «приговор приведен в исполнение», то есть нас расстреляли.

Поистине верно говорят, что правда порой бывает причудливей вымысла.

Не знаю, каким образом эта газета попала в Самарканд, но Джамиля захватила ее с собой, и теперь она лежала перед моими глазами. Да, не часто в жизни приходится читать в прессе отходняк от мусоров на самого себя. Смею заверить любого, было занятно ознакомиться с собственным некрологом в мусорской интерпретации.

Думаю, не трудно догадаться о том, какой стресс может пережить женщина, узнав, что ее мужа расстреляли, да еще по ложному обвинению! К тому же узнает она это на чужбине и с маленьким ребенком на руках.

Я много раз представлял себе, каково ей было тогда, но уверен, что до конца понять ее так и не смог.

Но «все проходит», говорил когда-то мудрый царь Соломон. Так и для моей жены прошли эти мучительные и тяжкие дни испытаний. Жизнь брала свое, и никуда от этого было не деться. В тот момент, когда бродяги, посланные Армяном, прибыли в Самарканд, Джамиля снимала квартиру напротив фабрики. Занималась коммерцией, жила с дочерью и близкой подругой Светой, которая, кстати, была женой моего кореша, махачкалинского кошелечника Валеры Пискли.

Сначала она, конечно же, не поверила рассказу приезжей босоты, стала показывать газету, некоторые вырезки об этом процессе из других, более ранних публикаций центральной прессы, которые хранились у нее в идеальном порядке в альбоме для фотографий. Но чем больше она слушала их, тем сильнее убеждалась в том, что перед ней не какие-нибудь залетные фраера. Ну а отличить бродягу от фраера или тем более от легавого она умела.

Да и что может быть нужно кому бы то ни было от нее — матери-одиночки? У нее была лишь одна драгоценность — дочь, все остальное было не столь важно, но кто мог позариться на ее дочь? Это было абсолютно исключено.

Сердце подсказало ей ехать без промедления. «Он жив и ждет тебя», — будто шептало оно. Уже зная наверняка, что поедет, спросила у дочурки: «Хочешь увидеть завтра папу, Хадишка?»

От Самарканда до Чарджоу триста с лишним километров по прямой, и один Бог знает, сколько передумала она за долгое время пути, пока машина не остановилась наконец у ворот туберкулезной больницы.

Исцелить судьбу можно, изменить — никогда. Ужасна неотвратимость судьбы!

Часть II
Свобода для арестанта

Глава 1

Прошло несколько месяцев с тех пор, как я вновь нашел жену и младшую дочь. За это время произошло немало событий, которые так или иначе отразились на моем будущем. Как я и предполагал, впервые очутившись в палате туберкулезной больницы, здесь можно было как следует подлечиться. По лагерным меркам, которые почти всегда определяют жизнь каторжанина за колючей проволокой (кровью не харкаешь, ходить и соображать можешь), я, можно сказать, пришел в себя. При туберкулезе главное, как известно, не столько лекарства, сколько свежий воздух и обилие пищи. Как говорят арестанты, «сначала больной должен накормить чахотку, а уж потом и самого себя». Кормили хорошо, но от кайфа мне тут же пришлось отказаться напрочь, больше того, впервые в жизни я бросил курить. Чего не сделаешь ради любимой женщины? К сожалению, человек часто не ценит того, что дарит ему жизнь, а потом горько сожалеет о потерянном.

Определенные взгляды на жизнь, многолетний арестантский опыт и тесное общение в кругу преступного мира дали мне основание предполагать, что почти все воры, независимо от их «профессий», — своего рода романтики. Впрочем, у каждого крадуна этот романтизм проявлялся по-разному, а с годами многие утрачивали его вовсе. Я не знаю — к сожалению или к счастью, но я остался мечтателем даже в преклонном возрасте, когда взялся за перо.

Итак, наступил первый день лета — день моего рождения. В разные годы и в разных местах я отмечал его по-разному, хотя слово «отмечал» в данном случае звучит не вполне уместно. Большую часть жизни приходилось «праздновать» в заключении, в камерах разных тюрем и лагерях. Но куда бы ни забрасывала меня судьба, этот день был для меня всегда чем-то знаменателен.

Очередная годовщина не стала исключением, если не сказать больше. Когда в разлуке много думаешь о любимых людях, но отвыкаешь ежечасно видеть их, при встрече ощущаешь некоторую отчужденность до тех пор, пока не скрепятся вновь узы совместной жизни. Хотя по большому счету нам с женой этот период времени сложно считать совместным.

Два дня в неделю, всегда вместе с дочерью, Джамиля гостила у меня в Чарджоу, приезжая из Самарканда в пятницу вечером и уезжая рано утром в воскресенье. Дорога в один конец занимала около девяти часов.

Учитывая «комфорт» поездов местного назначения и

«интеллигентность» их пассажиров, легко представить себе, что пришлось вытерпеть моей жене, чтобы всего на пару дней очутиться со мною рядом. В остальное время она занималась бизнесом, который, судя по тому, что привозила мне, процветал.

Человек, который хоть раз осмелился выразить свое недоверие женщине, очень много теряет в ее глазах. Давно зная эту истину, я никогда ни о чем не расспрашивал. «Посчитает нужным — расскажет сама, — полагал я, — а нет, так и не стоит интересоваться, ибо в таком случае от женщины правды все равно не добьешься».

Отмечая мой день рождения, мы от души веселились в большой и шумной компании наших новых друзей и их подруг. Совсем скоро мне предстояла сложная операция по удалению правого легкого и четырех ребер в придачу. Ее бы провели сразу при моем поступлении в больницу, но во время процесса, когда идет выделение туберкулезных палочек, такая операция абсолютно невозможна.

Та незабываемая ночь была ночью большой любви и глубокой печали. Тесно прижавшись друг к другу, мы лежали на огромной тахте, в квартире одного из моих корешей, молча разглядывая на стене тени от ветвей росшей рядом с окном высокой чинары, и думали каждый о своем.

До сих пор не могу понять, зачем именно в эту волшебную звездную ночь, за два дня до операции, жене понадобилось рассказать мне обо всем? То ли это был любовный хмель, неожиданно ударивший в голову, то ли причиной стало то, что двое больных, которым недавно сделали схожие операции, умерли, и она боялась, что, случись со мной самое худшее, ей придется нести в себе груз лжи через всю оставшуюся жизнь? Не знаю. Я и потом, когда на сердце уже давно образовался рубец от этой раны, не расспрашивал ее об этом.

Никогда не забуду то состояние души, когда одна за одной, по мере откровения Джамили, рушились мои надежды и ожидания. Да, поистине самое глубокое горе нам всегда причиняет тот, кто мог бы дать нам счастье, и всегда мучительнее те раны, которые наносит рука любимого человека.

А узнал я в ту злосчастную ночь следующее. Как выяснилось, легавый-то оказался прав, когда рассказывал мне почти год назад на допросе в бакинской тюрьме о том, что моя жена неверна мне. Ошибся он лишь в одном. Она не выходила замуж, нет, просто завела себе любовника.

Откровенно говоря, я ожидал услышать нечто в этом роде, подобные мысли частенько посещали меня по ночам, не давая ни сна, ни покоя. Но удар был весьма ощутим, хотя, подчеркиваю, и

не был неожиданным.

Парадоксально, но факт: одна из странных особенностей человеческой натуры состоит в том, что человек, имеющий твердые представления о некоторых вещах, все же приходит в ужас, когда непосредственно убеждается в том, что эти его представления соответствуют действительности.

Лежать, конечно же, я больше не мог. Молча, чтобы не пропустить ни единого слова, я встал, обливаясь потом, впервые за долгое время воздержания закурил сигарету и подошел к окну.

«После того как ты вновь воскрес для меня, — продолжала она, глядя куда-то в потолок и даже не обращая внимания на то, что меня уже давно нет рядом, — я вернулась в Самарканд и поведала все, что увидела и испытала, своему другу». Они стали держать с ним что-то вроде семейного совета.

Говоря откровенно, любовник моей жены оказался добрым малым и, скорее всего, порядочным человеком. Он сказал ей, что все прекрасно понимает, а в происшедшем не видит ничьей вины, ведь все вокруг были уверены в том, что меня расстреляли.

Теперь я понял, для чего она взяла с собой газету с сообщением о моей казни в свой первый приезд. Далее он, как она выразилась, посчитал своим долгом помочь ей по мере возможности, но, разумеется, втайне от меня. И это несмотря на то, что после того, как она увидела меня, всякие его ухаживания были отвергнуты.

Ну а то, что я постоянно слышал о процветающем бизнесе, оказалось блефом. Этот филантроп, не скупясь, снабжал ее деньгами для всевозможных покупок и поездок ко мне.

Есть на юге деревья, на которых рядом с высохшими плодами вдруг распускаются белые цветы; бывают дни, когда рядом с ярким солнцем на небе видна и бледная луна, а человеческое сердце может порою испытывать одновременно и любовь, и ненависть к одному и тому же существу. Оно разбивается, когда, чрезмерно расширившись под теплым дуновением надежды, вдруг сжимается от холода действительности. Что-то подобное чувствовал тогда и я. Ледяной душ и пламень чувств. Любовь и ненависть. Жизнь и смерть.

Чтобы пережить и осмыслить все, что я услышал, требовалось время, поэтому я попросил, чтобы она уехала, пока я не приду в себя и не дам ей об этом знать. Не помню, о чем я думал тогда, да и думал ли вообще о чем-то? Я просто страдал. Для меня в этой жизни было все потеряно.

Глава 2

Через день меня прооперировали, а еще через пару недель я сидел в кругу своих единомышленников, обсуждая текущие воровские дела и стараясь напрочь вычеркнуть из жизни все, что касалось этой женщины. Я запрещал себе даже мысленно возвращаться к этой теме, это было для меня самым настоящим кошмаром, который мне с трудом удалось пережить. Хотя сердечные раны незримы, они никогда не закрываются: всегда мучительные и кровоточащие, они навечно остаются разверстыми в глубине человеческой души.

Прошло полгода. До полной свободы оставалось уже совсем немного — меньше месяца, и я, глупец, как обычно бывает перед окончанием любого срока, тешил себя мечтами. Хотя я и находился в вольной больнице и в общем-то не испытывал особенных ограничений в передвижении, числился я все же за ЛТП, и любое грубое нарушение с моей стороны (самовольная отлучка из больницы или города) могло повлечь за собой самые печальные последствия. Например, новое водворение в профилакторий.

Но для этого у местных ментов не было ни повода, ни оснований. К тому же здесь давно все было плотно схвачено и опутано воровскими сетями. Всем платили, все брали взятки, и все без исключения знали свою цену.

Единственным гарантом законности могла бы еще как-то служить Москва, но она была ох как далеко, в буквальном смысле слова: за горами, за долами, за морями. Да и ее можно было обойти при желании, что зачастую и делали довольно-таки красиво и всегда оригинально власть имущие. Восток — дело тонкое…

Жену свою я не видел и по возможности старался не вспоминать о ней. Но судьбе и на этот раз было угодно распорядиться по-своему. Как до, так и после операции я всегда и везде активно занимался всем тем, что требовал от меня мой уклад жизни. Не знаю, каким образом, но об этом пронюхало начальство в Махачкале (когда меня привезли в больницу, в Дагестан сообщили, что я при смерти, и менты на родине успокоились).

Для них моя воровская деятельность была прекрасным поводом для того, чтобы я вновь оказался под замком, но уже не в ЛТП, а на настоящих тюремных нарах.

Они прекрасно понимали, что, если я могу вести такой образ жизни, значит, я относительно здоров и обладаю свободой в

полном смысле этого слова.

Это было чревато очень серьезными последствиями как для мусоров, непосредственно занимавшихся нашим делом, так и для тех свидетелей, которые давали против нас троих ложные показания и разгуливали теперь по Махачкале, уверенные в том, что нас с Лимпусом уже давно нет в живых.

Так что легавые, чтобы не искушать свою мусорскую судьбу, решили сделать мне очередную пакость, но, к счастью, опять по-фраерски просчитались.

Весь состоявшийся разговор между прокурором Чарджоу и кем-то из высокого начальства МВД Дагестана был передан Вовчику Армяну дословно. А мне легавыми из УГРО отпускалось ровно трое суток на то, чтобы я делал ноги. После этого мусорам полагалось сообщить о моем побеге в Дагестан и объявить меня во всесоюзный розыск, потому что мы с Лимпусом числились за Москвой. Таким образом и волки сыты, и овцы целы.

Делать нечего, приходилось вновь рвать когти. Кто бывал в тюрьме не единожды, тот поймет чувства арестанта, когда тот, не успев выйти на свободу, вновь видит зависший над ним дамоклов меч. Исчезновение — это выздоровление. А на что не решишься, лишь бы выздороветь?

Слава богу, к подобным жизненным ударам мне было не привыкать, иначе бы у меня, наверное, просто опустились руки. Если бы я оказался один на один со своею бедой, то ни за что не захотел бы вновь встретиться с женой, но рядом находилась босота, которая даже и не догадывалась о наших отношениях, поэтому мне не оставалось ничего другого, как тут же вызвать ее из Самарканда.

Я умер бы от стыда, если бы кто-нибудь узнал о случившемся. Превратности судьбы не всегда ведут человека прямой дорогой: встречаются тупики, закоулки, темные повороты, зловещие перекрестки. Я стоял теперь на одном из таких опасных перекрестков.

Не медля ни минуты, я позвонил Джамиле в тот же вечер, как узнал обо всем, а уже ранним утром она была у меня. Чтобы мой отрыв прошел без запала, да и на случай пробивки ксив, которых у меня вообще не было, Армян выделил нам тачку до Самарканда, и не чью-нибудь, а самого прокурора города. Вез нас, конечно, не прокурор, а его водитель, тоже легавый, но схваченный так же крепко, как и его высокий шеф.

Простившись с чарджоуской шпаной, утром мы тронулись в путь и ночью безо всяких приключений добрались до Самарканда.

Кто мог подумать в то далекое время, когда я тычил здесь в бригаде вместе с Лялей, что спустя восемнадцать лет я вновь

окажусь в этом городе, да еще и при таких весьма неблагоприятных обстоятельствах.

Но теперь, к несчастью, моей верной и преданной подруги не было рядом, она лежала где-то на безымянном лагерном погосте в Мордовии, так что я тут же отправился искать тех, кого знал когда-то и кому мог довериться.

Глава 3

План мой был прост: срочно найти подходящую ксиву, необходимое количество денег и, чем раньше, тем лучше, покинув Среднюю Азию, отправиться в столицу, туда, где меня меньше всего будут искать и где я постараюсь доказать нашу невиновность.

Но между планом и конечным результатом существует масса преград, которые необходимо преодолеть. В самом начале поисков меня ошеломила трагическая весть: буквально перед моим приездом застрелили Еревана. Он был Жуликом и моим старым другом. Говоря откровенно, больше всего я надеялся как раз на его помощь. К сожалению, мы не виделись много лет.

Теперь, когда я добирался на такси до его дома, чтобы отдать ему дань уважения, я невольно задумался, глядя в окно, вспоминая то далекое прошлое, когда мы еще совсем молодыми шныряли по чужим карманам в Баку. Ереван Самаркандский, Гамлет Армяникентский, Тофик Босяк Завокзальный, Етим Восьмойский, который всем нам годился тогда в отцы и был единственным среди нас, уже в то время, при своих.

Кстати, познакомил нас с Ереваном Врежик в Сочи. В те годы в Сочи съезжалось много шпаны — кто на сходняк, кто на катран, а кто и просто поваляться на песке. Тогда еще Врежик не был «в полноте». К сожалению, перед моим отъездом из Чарджоу его постигла та же участь, что и Еревана: его убили, но, как ни странно, в лагере особого режима, что случается крайне редко.

Воспоминания мои были не из приятных, но приходилось спешить — времени оставалось совсем мало. Отдав дань уважения близким покойного и поблуждав еще некоторое время по Самарканду, я все же нашел тех, с кем когда-то шустрил по базарам древних городов этого удивительного края.

Мишаня Косолапый был одним из них. Он встретил меня с распростертыми объятиями, чисто по-жигански. Он сильно постарел за эти годы, но по-прежнему был бодр и полон оптимизма. А главное — остался все тем же Мишаней, которого я знал когда-то и с которым ходил не один десяток раз на делюгу, — надежным и преданным другом. Ему не пришлось долго объяснять, что к чему, он тут же понял суть дела.

Меньше двух суток оставалось на то, чтобы Косолапый со своей уже давно обновленной, но по-прежнему верной бригадой ширмачей нашел подходящего фраера, похожего на меня. Им предстояло выудить из его кармана ксиву.

Вторую часть плана уже целиком предстояло выполнить мне.

Нужно достать деньги, которые обеспечили бы мне на некоторое время безбедное существование и относительную безопасность.

Я прекрасно понимал, что человеку, подобному мне, постоянно пребывать в бегах практически невозможно. Даже если не спалишься, нервы не выдержат. Так что, если я хотел обрести спокойствие на старости лет, приходилось изыскивать возможности для нашей реабилитации.

Уже глубокой ночью, вдоволь наговорившись обо всем понемножку с Мишаней и его корешами, я возвратился туда, где жили жена с дочерью. Джамиля ждала меня.

— Я не спрашиваю у тебя о наших отношениях, Заур, знаю, сейчас не до этого, меня лишь интересует, что ты собираешься делать и чем я смогу тебе помочь? — услышал я, когда устроился на постеленном на полу тюфяке.

У нас не было возможности поговорить в машине, хоть путь и был неблизок, поэтому сейчас я рассказал ей все, что задумал, и о том, какие шаги уже предпринял. Я не сомневался в том, что при любом раскладе в нашей жизни эта женщина всегда останется моим добрым другом.

— Ну что ж, раз ты так решил, тебе стоит взглянуть на некоторые фотографии, которые я приберегла именно для такого случая. — Сказав это, она достала семейный альбом и, аккуратно перелистывая его страницы, нашла то, что искала.

Четыре снимка, которые она протянула мне, оказались настоящим подарком судьбы.

На одной из фотографий на фоне старинного архитектурного ансамбля Самарканда Регистан была изображена моя младшая дочь на руках у одного из мусоров по имени Расим, который был командирован сюда вместе с несколькими работниками МВД Дагестана для того, чтобы выведать у моей жены сведения, которые бы помогли легавым обвинить меня в ряде убийств. На трех других — мусора в пьяном угаре развлекались с местными проститутками, которых им любезно предоставила моя жена.

Зная похотливость, коррумпированность и страсть к безнаказанным развлечениям большинства работников правоохранительных органов Дагестана, Джамиля разыграла этот спектакль и при этом попросила одного шустрого фотографа, чтобы он заснял весь этот бардак на пленку. Фотограф постарался на славу: легавые были как на блюде, оставалось только сунуть противень в печь.

Я сразу понял, что у меня в рукаве не один, а сразу четыре козырных туза. Такой фарт даже самому удачливому шулеру выпадает лишь раз в жизни, и не использовать его — непростительная глупость. Теперь я больше, чем когда-либо, был

уверен в том, что задуманное мной выгорит, но для этого опять же требовались средства и надежная ксива.

Забрав фотографии и поблагодарив Джамилю, я в последний раз в жизни нежно прижал ее к себе и поцеловал. Этот поцелуй и спустя почти два десятка лет иногда жжет мне губы. Любовь есть любовь, она неблагодарна и жестока, она уходит так же, как пришла, — неизвестно почему. Это самое ценное из наших чувств, но не поддается ничьей воле.

Глава 4

Надо помнить, что успех в жизни зависит от двух ценных качеств, и только от них. Первое — нужно знать, куда обратиться за тем, что тебе необходимо, и второе — уметь добиться, чтобы это необходимое было сделано. На следующий день произошло несколько событий, которые в корне изменили мой первоначальный план, не затронув его сути.

В Самарканде умерла одна старушка — верная подруга старого Уркагана Хасана Каликаты. Он был Вором старой, нэпманской формации, поэтому и не имел жены, но эта женщина, как я слышал, значила для него еще больше. Она заслуживала достойных похорон и душевной скорби того, кого она любила всю жизнь и кому отдала свои лучшие годы.

И этот седой как лунь старик, прошедший на земле все муки ада, которые уготовил человек себе подобным, сделал все для того, чтобы как следует проводить ее в последний путь. По этому поводу он и прибыл из Ташкента вместе с друзьями, здесь на поминках мы и встретились вновь, спустя восемнадцать лет. Он узнал меня сразу, но поговорить нам удалось лишь спустя неделю, когда он уезжал назад в Ташкент. К этому времени с ксивой у меня уже все было в порядке.

Мне много раз приходилось сухариться, но иметь такую мудреную фамилию и быть в придачу узбеком выпало впервые. В течение нескольких дней, облазив весь Самарканд, ширмачи так и не смогли найти человека, внешне схожего со мной. Правда, несколько похожих фраеров им все же подвернулись за это время, но, вывернув у них все карманы, втыкалы не находили нужного. Так бы и продолжались поиски, если бы не помог случай. Как-то днем, переговорив о чем-то с Косолапым, я направлялся к выходу, где у него в общем дворе было несколько убогих комнатушек, как вдруг, выходя из ворот, чуть не столкнулся с незнакомым мне молодым человеком.

— Ассалому алейкум, Мухтор-ака, — приложив руку к груди, как и положено на Востоке, произнес он почтительно и смиренно.

— Ваалейкум ассалом, — машинально проговорил я в ответ не менее торжественно и с подобающим уважением, и мы тут же разошлись.

Я еще долго не мог скрыть улыбки, вспоминая серьезный вид этого малого, ведь окончание «ака» почти у всех народов Средней Азии означает «учитель». Вечером, когда я вновь пришел к Мишане, меня уже там с нетерпением ждали. Оказалось, что этот малый спутал меня с одним из своих односельчан. Двор, как я

уже упомянул, был общим, парень жил здесь у кого-то и учился в каком-то вузе. Разминувшись со мной и войдя во двор, он подошел к крану, чтобы помыть ботинки: на улице была слякоть после недавнего проливного дождя. Возле крана он встретился с Косолапым.

— Дядя Миша, — спросил он у Косолапого, — а откуда вы знаете Мухтора-ака?

— Кого-кого? — переспросил Мишаня.

— Мухтора-ака, — ничего не подозревая, повторил парень.

— Какого еще Мухтора-ака, ты сбрендил, что ли?

— Того, с кем вы только что расстались, моего односельчанина. Я даже и не предполагал, что он бывает в Самарканде, да еще и вас знает, — с некоторой долей удивления и все с той же простоватой невозмутимостью продолжал студент.

Только теперь Косолапый понял, о ком идет речь, и сразу же сообразил, какую выгоду можно извлечь из этого сходства. Мишаня прекрасно понимал, что ксива похожего на меня фраера, которую безуспешно пытались выкрасть ширмачи, нужна была мне лишь для того, чтобы добраться до Первопрестольной, а там я бы ее выбросил, выправив себе настоящее «правило».

«Но зачем зря тратить время и деньги, — здраво рассуждал Косолапый, — а главное — находиться в постоянной опасности быть узнанным, если представляется случай сделать все это с меньшими затратами и почти без риска „запала“?»

Уговорить парня поехать с нами в его кишлак и показать того самого Мухтора-ака, посулив молодому человеку немного деньжат, было делом нескольких минут, ведь студенты всегда нуждаются в дополнительном заработке и редко от него отказываются, тем более что можно было лишний раз повидаться с родственниками.

Глава 5

То, что люди называли дорогой, было жуткой и отвратительной грязной жижей на проселочном тракте, и поэтому, выехав ранним утром, мы лишь к обеду добрались до кишлака, где жил похожий на меня человек. Быстро разыскав его хижину, благо проводник был рядом, мы замерли от удивления. Никто из нас не ожидал увидеть того, что мы увидели: перед нами стоял мой двойник. Ни до, ни после этого я ни разу не встречал ничего подобного. Сходство было действительно поразительным. Мухтор-ака был постарше меня, но борода и усы, которые я успел отрастить для конспирации, как бы уравнивали нас в возрасте и делали похожими на братьев-близнецов.

Человек этот оказался простым и добродушным дехканином и, конечно же, глубоко верующим мусульманином. После того как прошли первые волнения от нашей встречи и мы уже успели немного поговорить, он сказал мне, что все это неспроста, что так угодно Аллаху и нас обоих ждут большие перемены в жизни. Вот только, к сожалению, он не знал, хорошими ли будут эти перемены или плохими. Они жили вдвоем с женой, детей у них не было. Вся обстановка в доме была очень бедной. Когда он пригласил нас, мы на какое-то мгновение даже замерли у порога, разглядывая окружавшую нас нищету.

«С таким договориться не составит особого труда», — промелькнула в голове циничная мысль. Как я предполагал, так и вышло. Переговоры велись недолго. Ему предложили немалые деньги в обмен на паспорт, сроком на один год. После он мог смело заявлять о том, что где-то его потерял. Если же в течение этого времени к нему вдруг обратится участковый с вопросом, где его паспорт, значит, я спалился с ксивой, утверждая, что нашел ее где-то.

В таком случае ему предстоит разыграть маленький спектакль, на которые жители этих мест были большие мастера, и обнаружить пропажу документа. При любом раскладе человеку бояться нечего. Это давно наигранная и проверенная в преступном мире схема. Дехканин быстро смекнул, какую выгоду сможет получить от этой сделки, к тому же он сразу понял, с кем имеет дело, но, как любой уважающий себя житель Востока, поторговался немного для приличия.

В принципе, насколько я успел понять тогда, паспорта для многих жителей отдаленных районов Средней Азии были скорее простой формальностью, обыкновенной корочкой, которая и понадобиться-то могла всего раз или два в жизни, нежели

документом, без которого в этой стране нельзя было ступить и шагу.

Для большей убедительности я заставил его положить руку на Коран и поклясться в том, что если он нарушит наш договор, то пусть Аллах покарает его. Вся эта процедура проходила торжественно и спокойно, и, видя, как глубоко она тронула этого простого сельского труженика, я понял, что здесь совесть моя была чиста, ибо деньги, которые мы заплатили ему, он не заработал бы и за год.

Обратный путь отнял у нас вторую половину дня, так что, прибыв назад в Самарканд, мы здорово устали, но главное, остались довольны тем, что дело сделано. Я нисколько не преувеличиваю, объединяя всех нас. Такая братская воровская солидарность и сплоченность существовала везде, в любом уголке нашей многонациональной страны, где жили и промышляли бродяги, где был «воровской ход», а он, этот «ход воровской», был почти везде.

Один из пунктов моего плана я выполнил неожиданно быстро и блестяще. Теперь оставалась финансовая часть.

Босота хотела и здесь мне помочь, решив каждый день откладывать свои покупки, чтобы накопить лавэ и отправить меня в дорогу, но я с этим решением категорически не согласился и солгал, что у меня на примете есть одна перспектива, сулящая немалый куш. Я и не предполагал тогда, что был так недалек от истины.

Глава 6

После похорон мне все же удалось переговорить с Каликатой и вкратце поведать ему о своих проблемах. Хасан сказал мне, что на следующий день я должен зайти к нему, а он что-нибудь придумает, чтобы мне помочь.

Я прекрасно понимал тактичность Уркагана: ведь ему и нужно-то было всего лишь поднять телефонную трубку и, позвонив кому надо, «пробить» при этом, все ли в моих словах правда. Но в таких ситуациях с Ворами спорят лишь болваны; человек же воровского круга понимает Жулика иногда даже безо всяких слов.

На следующий день, как и оговаривалось, зайдя на квартиру, где остановился Каликата, я застал у него нескольких человек. Одного из них кличили Мурт, имя другого я не запомнил, да мы и встретились-то с ним почти в дверях, там же и разминулись.

Поздоровавшись, я присел на тахту. Хасан уже собирался в дорогу, поэтому разговор был деловым и коротким.

— Все в порядке, Заур, — проговорил он, хитро прищурившись. — Не беспокойся ни о чем. (Это означало: «Я все проверил, рассказ твой правдив, и помощь, как и положено, будет тебе оказана».) — А повернувшись к Мурту, сказал: — Мурт, этому человеку можно верить во всем, понял?

— Да, Хасан, — ответил Мурт, — я все понял.

— Ну тогда Бог вам в помощь, бродяги, — уже вставая и собираясь в дорогу, пожелал нам старый Уркаган.

Мы вышли из комнаты, и, душевно попрощавшись со всеми босяками, ожидавшими его во дворе, он сел в стоящую возле крыльца машину и уехал. К большому сожалению, в дальнейшем нам встретиться не удалось. Через некоторое время я узнал, что Хасан Каликата скончался. Для преступного мира Советского Союза его смерть стала невосполнимой потерей. Этот человек был истинным бродягой и Вором. Пусть земля ему будет пухом!

Глава 7

Некоторое время после отъезда Каликаты мы еще поговорили с Муртом, чтобы узнать друг друга получше. Человек этот чем-то располагал к себе окружающих, но вот чем, я еще не мог понять. Он был чуть выше среднего роста, ему могло быть как тридцать, так и сорок лет. Копна густых черных волос беспорядочно обрамляла его лицо с серыми спокойными глазами, хотя иногда блеск этих глаз напоминал сверкание стальной рапиры. Очевидно, что хоть Каликата и сказал ему несколько слов, не подлежащих сомнению, все же по привычке при базаре он пробивал меня на вшивость. Я его прекрасно понимал, — наверное, и я поступил бы аналогично, поэтому и делал вид, что не замечаю промацовки.

Через некоторое время мы распрощались. Мурт взял у меня адрес Мишани, сказав лишь одно слово: жди. С этого дня я уже больше не возвращался к Джамиле, обосновавшись у своего старого кореша, прекрасно понимая, что в самом ближайшем времени в моей воровской жизни грядут большие перемены и вмешивать сюда жену с ребенком я не имею права. «Кто меньше знает, тот дольше живет. Пусть отдыхают спокойно», — рассудил я, и это решение оказалось правильным. Восток — это не только изысканность блюд и развлечений, это еще и изощренность пыток и мучений. Об этом никогда не стоит забывать промышляющим здесь людям.

Прошла неделя с тех пор, как я познакомился с Муртом. До Нового года оставалось несколько дней, как вдруг однажды вечером он решил заглянуть к нам с Косолапым на огонек. Мы ожидали его посещения, и он это понял сразу. Пробыл он у нас недолго, его ждала машина, но и тех нескольких минут, которые мы провели за беседой, с лихвой хватило, чтобы понять все, что мне необходимо. Утром мне предстояло выехать в Термез. Вид транспорта роли не играл, главное, чтобы я вовремя прибыл на место. Там на стрелке, возле кирпичного завода, в восемь часов вечера, ко мне должны подойти. Пароль был несложный. Вопрос: «Скажите, пожалуйста, как называется эта улица?» Ответ: «Это не улица, мой друг, — это Шанхай». Я так и не спросил позже, кто придумал этот пароль, но предполагаю, что это китаец Юань. Да, этот остряк «попал в цветняк». Улица, уже не помню, как она называлась в действительности, была на самом деле, наверное, самая кайфовая в Термезе. На ней находилось множество заведений, где почти в открытую продавали наркотики, да и кайфовали тоже в открытую, но главное, что здесь можно легко

затеряться среди таких же, как и я сам. Кайфа было море, но только до погранпостов, которые стояли в нескольких километрах от города и которые мне с братвой когда-то не раз приходилось пересекать.

Стало ясно: меня ждет серьезная работа, а она требует соответствующей конспирации. Даже Мишаня, которому я верил, как самому себе, не слышал, о чем мы говорили с Муртом, деликатно выйдя во двор, а после его ухода, естественно, не старался проявлять излишнего любопытства. Немало повидав на своем веку, он знал, как жестоко можно обжечься на дерзком любопытстве.

Любопытство всегда должно соразмеряться с положением любопытствующего. Подслушивая — рискуешь ухом, подсматривая — рискуешь глазом. Ничего не слышать и ничего не видеть — самое благоразумное. Среди людей моего круга за каждое оброненное даже ненароком слово, если это необходимо, приходилось отвечать по всем правилам воровской жизни. Что же касалось любопытства, то этой болезнью вообще никто из бродяг никогда не страдал. Все понимали друг друга, стараясь ограничиться при базаре минимальным количеством слов. И когда кто-то говорит о босяке: «Он был молчалив и угрюм», — можно быть уверенным, что повествующий не лжет.

Судьба никогда не открывала для меня одной двери, не захлопнув в то же время другой. Сделав несколько шагов вперед, уже нельзя отступить ни на шаг. Рано утром я вышел из дому и, поймав такси, поехал на автостанцию. Путь до Термеза был недолог — самое позднее к вечеру я уже должен приехать.

Автобус я предпочел поезду вот почему. На протяжении пути приходилось преодолевать несколько погранпостов. Много лет назад мы ездили целой бригадой ширмачей этим же маршрутом, да еще порой и по нескольку раз в месяц, и ничего, но тогда не было войны. Теперь же я ехал один и не был абсолютно уверен в том, что проскочу благополучно.

Еще с вечера я приготовил себе подходящий гардероб, придумал «легенду», купил все необходимое для представления (если, конечно, оно понадобится) и, трясясь по ухабистой дороге древнего Шелкового пути в салоне старого убогого «пазика», украдкой поглядывал по сторонам и зубрил свою новую ксиву.

Когда автобус, в котором, как обычно, находилось народу в полтора раза больше, чем положено, пересек последний погранпост и впереди замаячили огни Термеза, я начал верить в то, что фортуна хоть и медленно, но все же поворачивается ко мне лицом. В пути я был предельно собран, играя роль простоватого дехканина и не расслабляясь ни на секунду, но

оказалось, что мои опасения напрасны. Минут через двадцать — двадцать пять, разминая затекшие ноги, я вышел на ухабистый грунт автостанции Термеза.

Глава 8

Теперь для того, чтобы продолжить свой рассказ, мне придется ненадолго отклониться от основного сюжета, пояснив некоторые нюансы, связанные с нормами поведения и нравами тогдашнего преступного мира, с коррупцией и моральным разложением власть имущих.

В то время основная масса людей, населявших нашу страну, по большому счету еще не знала, что такое наркомафия. Людям, заинтересованным по тем или иным причинам этой проблемой, приходилось черпать сведения разве что из иностранных фильмов, другой информации почти не было. Точнее, она, конечно же, была, но в недрах и архивах правоохранительных органов, ибо они сами не считали за грех подзаработать быстрые и большие деньги именно на продаже наркотиков.

Кто же будет выставлять напоказ свою кормушку? Наркомафия в нашей стране на самом деле существовала давно. Были, как и на Западе, и свои «наркобароны», и коррумпированное МВД, и кровь, пролитая в сражениях и схватках за право обладания территорией, рынками и прочим. И начинала наркомафия свой кровавый путь по Стране Советов именно здесь — в Термезе и его окрестностях. Точнее, здесь он продолжался, беря начало в Афганистане. Какова же была в те годы схема приобретения и распространения этого смертоносного зелья?

Для того чтобы наркоман смог как можно быстрее удовлетворить свои потребности, а проще говоря, снять ломку, ему необходимо было переработать кустарным способом приблизительно грамм опия-сырца. Для этого требовался целый перечень разного рода ингредиентов, соответствующая посуда, шприцы и место для приготовления раствора, который во время процесса выработки издавал зловонный запах.

Если раньше через афганскую границу шли караваны с терьяком, то есть с опием-сырцом, то теперь эти же караваны идут уже с готовым, переработанным продуктом — героином, и в гораздо больших количествах, чем прежде. Для его употребления нужны всего-то — граммовый шприц, чайная ложка и несколько минут, чтобы закипела вода. Но сегодня такое удовольствие стоит в сотни раз дороже. Дьявольский прогресс, как ни печально, здесь налицо.

Для того чтобы лабораторным путем произвести сто граммов героина, необходим один килограмм опия-сырца. Не только в больших городах, но и почти в любом населенном пункте в то

время был один или несколько барыг, и все зависело от того, какое количество людей там проживало.

Стоить заметить, что барыги стоят на предпоследней ступени иерархической лестницы преступного мира. Кто стоит на последней, оставляю догадываться читателю. Но к этим ничтожествам — спекулянтам наркотики с неба, конечно же, не падали. Барыги, как правило, либо сами сидели на игле и распространяли чужой товар, чтобы иметь возможность колоться и не платить за это, либо приторговывали, находясь под крышей правоохранительных органов. При этом они давали информацию о своих постоянных клиентах, которыми были в основном, как нетрудно догадаться, люди из преступного мира.

Но откуда же к ним попадал этот самый «товар»? Его барыгам предоставляли либо сами менты, в свою очередь отобрав его у кого-то, либо барыги приобретали его у перекупщиков. Все зависело от степени нравственного падения этих ничтожеств.

Что касалось перекупщиков, то эти люди уже посерьезнее. Они почти никогда, если на то не было серьезных причин, не контактировали с ментами, но были так же ненадежны. Ведь за распространение наркотиков, как правило, давали больше десяти лет. Далее шли курьеры-поставщики. Они разделялись на две категории. Первая — это те, которые, собрав с воровских бригад огромное количество денег, отправлялись в точки приобретения товара оптом — туда, где у них все давно уже схвачено. Второй тип курьеров отличался от первого лишь тем, что у них были определенные хозяева.

Разумеется, своих хозяев они не знали, действуя через посредников, но это были всегда очень влиятельные и сильные люди либо из числа вышестоящего начальства правоохранительных органов, либо чиновники из правительственного аппарата.

Вот одного такого курьера-поставщика нам и предстояло «швырнуть» в ближайшее время. Думаю, читателю нетрудно догадаться, что курьером был не наш человек. Кто стоял над ним, нас не интересовало, главное, что деньги, которые мы хотели у него отобрать, были грязными деньгами. В понятиях бродяг того времени чистыми могли быть лишь те деньги, которые были либо честно заработаны, либо «честно украдены».

Глава 9

Ровно в восемь ноль-ноль по среднеазиатскому времени я был на месте встречи возле хлебного лабаза, в районе кирпичного завода, и, украдкой поглядывая на часы, ждал вестового. Как частенько случается, им оказался совсем не тот человек, кого я предполагал увидеть на этой стрелке. На часах минут двадцать девятого. Я заметно нервничал и уже готов был психануть и уйти, как вдруг, совсем неожиданно, ко мне подошел бабай, который все это время сидел через дорогу, напротив лабаза, торгуя насваем, и на которого до этого я не обращал абсолютно никакого внимания.

Он сказал первую часть пароля. Я поневоле улыбнулся, но уже в следующий момент проговорил отзыв.

Сначала этот штемп нагло и в то же время внимательно окинул меня с головы до ног зыркающим из-под седых бровей взглядом настороженной кошки, а затем, проговорив всего два слова по-узбекски: «гель артынна», двинулся неторопливой походкой прочь. Крепко сжимая рукоять узкого граненого стилета, который я успел приобрести на толкучке в Термезе перед встречей, я направился вслед за удаляющимся не спеша старцем, похожим издали на странствующего дервиша.

Хата, куда привел меня этот бабай, стояла в самом конце улицы, пересекавшей ту, где мы только что схлестнулись. В небольшой комнате на полу, застеленном множеством ковров, сидели трое мужчин. Перед каждым из них стояла косушка с чаем, рядом лежали сыр, лепешки, мед, халва и рахат-лукум в красивой вазе. После приветствий я присел к дастархану и, отхлебнув приятно согревающий душу и сердце напиток, который мне успели налить, пока я разглядывал все вокруг, стал внимательно слушать. Одного из присутствующих я знал — это был Мурт, он и вел базар, с остальными двумя мне предстояло познакомиться. Одного из них называли Фархадом, другого кличили Юань, но это были погоняла, настоящих же их имен я не знаю и сейчас.

Мурт с Фархадом были такими же, как и я, бродягами. Жившие по строгим воровским канонам, они отличались порядочностью, ясностью ума и незапятнанной репутацией. Оба чуть выше среднего роста, крепкие и жилистые ребята, немного моложе меня, — мудрые и честные азиаты. Небольшие серые, как у волка, глаза Фархада смотрели твердо и сурово, а короткие черные волосы уже успели кое-где покрыться благородной сединой.

Что же касалось Юаня, то его давно нет в живых и ему моя книга повредить уже не сможет. Много позже я слышал, что он погиб при загадочных обстоятельствах: то ли взорвался в своей собственной лаборатории, то ли утонул в Амударье, хотя, насколько я знаю, он плавал как рыба.

Юань был китайцем. Но, слава Богу, национальная принадлежность меня никогда не интересовала.

Маленький, как колобок, с большой, как астраханский арбуз, головой, на лысине которой размещался скромный и не дающий тени оазис из трех последних волосинок, типичный представитель своего народа, он был не по годам юрким и пронырливым малым. А годков ему тогда перевалило далеко за пятьдесят. Кличку Юань носил еще его дед. В вопросах приготовления разного рода смесей трав, ядов и в то же время лечения различных заболеваний Юань был незаменим.

Много часов подряд мы тщательно обсуждали уже давно готовый план предстоящей делюги и лишь глубокой ночью легли отдохнуть. Уже через день нам предстояло идти на дело, а завтра должна была осуществиться не менее важная часть плана — промацовка обстановки вокруг предполагаемого терпилы и слежка за ним.

Да, я не зря готовился к чему-то серьезному. Такая работа выпадала нечасто, но и копейка с доли предполагалась немалой, так что игра стоила свеч. К сожалению, делюга выпадала на новогоднюю ночь — мой самый любимый праздник, но время уже оговорено и выбрано заранее и не нами.

Глава 10

До наступления Нового, 1989 года оставалось всего несколько часов. Но на этот раз я встречал его иначе, чем когда бы то ни было: не за столом среди друзей или родственников и даже не на тюремных нарах какой-нибудь забытой в тайге северной командировки. Теперь я лежал в засаде, зажав в руке пистолет, как матерый и опытный шпион, и ожидал предстоящую сделку на берегу величественной Амударьи. Впрочем, никакой романтикой здесь даже и не пахло. Да и о какой романтике может идти речь, если дело касается жизни бродяги-преступника. В любой момент каждый из нас мог получить тогда по девять, а то и больше граммов свинца. Почему «из нас», да потому, что в засаде я был не один, нас было четверо. Расположившись в разных точках, мы ожидали курьера-поставщика, на которого из столицы-матушки пришла самая что ни на есть цветная наколка.

Мы заранее знали не только количество охраны этого дельца, но и точное время и место, где должна будет произойти сделка с «продавцами». Мы даже знали наверняка, сколько денег везет барыга и сколько опия он должен забрать. Не знали мы лишь одного: кто придет на стрелку с товаром? Им мог быть кто угодно.

Еще раньше, по ходу подготовки к предстоящей операции, я понял, что инициаторами этой сделки, которая планировалась произойти буквально за час до Нового года, были очень влиятельные люди. Что касалось денег, то это была валюта, много валюты. Для меня, по крайней мере, это были очень большие деньги.

Вот наша схема. Через Афганистан опий переправлялся военными по заранее намеченным маршрутам. Таких групп, которые тоннами переправляли терьяк в нашу страну, существовали десятки. Здесь, на границе, специальные военные курьеры сдавали его перекупщикам — наркодельцам, которые немедленно расплачивались с ними наличными.

Далее, в том же Афганистане, офицеры с большими звездами через подставных лиц помещали эти самые наркодоллары в западные банки, на счета своих близких родственников, а опий тем временем распространялся в СССР, принося колоссальные дивиденды все тем же высокопоставленным чиновникам, — как в погонах, так и без них.

Эта почти никогда не дававшая сбоев система была отлажена еще в начале афганской войны и продолжала действовать вплоть до ее окончания.

Но в этом мире, как известно, никакая система не может быть идеальной. В нашем случае это было более чем очевидно, ибо одно из звеньев цепи проржавело и должно было вот-вот рассыпаться. Видно, кто-то где-то кому-то перешел дорогу не в тот час и не в том месте; и вот уже на самом верху преступного мира (я подчеркиваю, не воровского, а преступного мира, ибо все эти мафиози в аппаратах правительств и были настоящим преступным миром СССР — людьми, поклонявшимися всемогущим деньгам) созрело недовольство.

Через границу должны были доставить двадцать пять килограммов опия-сырца. Нам предстояло вчетвером отнять его у этих «делапутов», в придачу захватив деньги за наркотики. При этом за барыгой неотступно следовали двое вооруженных до зубов отставных офицеров-мусоров, да и «продавцы» на такие стрелки с перочинными ножами не ходили. Они, по нашим данным, были военными.

Понятно, что с такой сворой хорошо вооруженных охранников справиться не так-то просто, поэтому мы и разработали оригинальный план, который теоретически уравнивал наши шансы, а привычка к постоянному риску (ведь нас ничто особенно не удерживало в этом мире, и всем нам почти нечего было терять) давала нам определенный шанс на успех.

По окончании делюги наркотики полностью уходили на общак. Туда за ними приезжали уже наши, воровские курьеры и развозили наркоту по лагерям и крытым тюрьмам страны, но абсолютно бесплатно. Что же касалось денег, то они становились нашими, за исключением той их части, которую любой уважающий себя преступник по возможности (ибо «колхоз — дело добровольное») всегда отстегивал на общак. Исходя из того, что один грамм опия-сырца на черном рынке страны стоил тогда в среднем сто рублей, думаю, нетрудно подсчитать, какой куш ожидал нас в самом скором будущем.

Уверен, теперь читатель понимает, почему я решил начать свою книгу именно этим эпизодом.

Глава 11

Вся операция заняла у нас не более пяти минут и прошла до того четко и слаженно, что я даже не успел почувствовать ни остроты ситуации, ни холодка страха, доля которого всегда присутствует при занятиях подобного рода.

Наш отход мы продумали заранее. Неподалеку, в заброшенном сарае нас ждала машина, за рулем которой сидел все тот же бабай, который подходил ко мне на стрелке в Термезе. Оказалось, что он не только хороший артист, но к тому же прекрасно разбирался в машине и лихо ее водил.

Через час мы уже находились в безопасном месте и делили поровну добычу. Доля каждого составила приличную сумму. Сразу по прибытии мы отдали чемоданчик с терьяком гонцу, который уже ждал нас на отходной хазе. Точнее говоря, «дипломат» гонцу отдал бабай, как мы и запланировали, чтобы нас никто не мог видеть.

Я не знаю, как в дальнейшем сложилась жизнь остальных участников этой делюги, и сложилась ли она вообще, потому что после наступившего утра никого из них я больше никогда не видел.

Была новогодняя ночь, и до рассвета оставалось совсем немного, поэтому приходилось торопиться. Юань умело орудовал над моей ногой, а бабай колдовал над внешностью, да так, что через час, глянув в зеркало, я впервые за последнее время улыбнулся. Напротив меня стоял обыкновенный дехканин, направлявшийся к себе домой в кишлак после операции в связи со сложным гнойным абсцессом ноги.

Дело в том, что в Термезе в то время находились прекрасные военные врачи, специалисты почти в любой области медицины. И жители этих мест больше доверяли им, чем районным больницам. Соответствующие бумаги с печатями удостоверяли заинтересованные структуры в том, что я один из таких бедолаг, приехавших бог весть откуда за помощью к русским врачам, а старые самодельные костыли из ветвей чинары, которые мне любезно предоставил бабай, дополняли картину.

Оставалось только убедительно сыграть свою роль, в чем ни я, ни кто-либо другой не сомневались ни на йоту.

Ближе к утру, по-братски простившись со своими подельниками, я покинул их гостеприимную компанию. Бабай подвез меня поближе к автостанции Термеза и уехал, не сказав ни слова на прощание, но и я не стал смотреть ему вслед.

Глава 12

Как и положено инвалиду, я, хоть на улице и не было почти никого, еле-еле доковылял на своих ходулях до здания автостанции и зашел внутрь. Присев в уголке, я развязал маленькую торбочку, приготовленную заранее, и стал потихоньку поклевывать чурек с сыром, наблюдая за окружающим людом.

Народу в этот ранний час здесь собралось немного и касса была еще закрыта. Так что времени для того, чтобы хорошенько приглядеться и выбрать попутчика в дорогу, у меня предостаточно. Но одиноких, таких же как и я, не было видно. Все о чем-то тихо беседовали между собой, как и принято на Востоке, и уважительно раскланивались друг с другом, когда кто-то из знакомых входил с морозного воздуха в помещение. Время и здесь тянулось мучительно медленно, но приходилось терпеливо ждать — другого выхода не оставалось.

Наконец открылись кассы, я купил билет и только заковылял в сторону того места, где оставил свою торбочку с харчами, как вдруг в зал ожидания вошли несколько солдат с офицером. Это был военный патруль с повязками на рукавах. Внутри у меня будто что-то оборвалось, но внешне я оставался спокоен.

Офицер подошел к окошку кассы и как-то заговорщицки-доверительно, при этом постоянно зыркая глазами вокруг, переговорил несколько минут с кассиром, которого, видимо, знал не один день, затем, уже полностью повернувшись лицом в зал, ленивым взглядом стал осматривать все вокруг. Через минуту ему уже надоело это занятие, и, судя по всему, не обнаружив нарушителей, он, приказав солдатам следовать за ним, удалился, закрыв за собой дверь зала ожидания.

Тревога была ложной, но не беспочвенной. «Никогда в жизни не мешает пробивать самого себя на мусоров», — вспомнил я наставления одного старого и уже покойного Уркагана, Васи Бузулуцкого, который давал мне их когда-то очень давно в грозненском остроге.

Попутчика я так и не нашел. Дождавшись наконец посадки, я еле вошел в автобус, опираясь на кривые костыли и опекаемый с обеих сторон сердобольными сельскими жителями. Мне уступили одно из передних мест, и, не успел я как следует расположиться, автобус уже взревел двигателем и тронулся в путь.

«БИС-МИЛЛЯЙ РАХМАН РАХИМ!» — прошептал я хвалу Аллаху, но так, чтобы меня слышали сидящие рядом со мной дехкане, и, закрыв глаза, предался своим мыслям.

Глава 13

Надо же было такому случиться, чтобы в ту же новогоднюю ночь произошло какое-то ЧП на границе, и теперь погранпосты работали с удвоенной бдительностью, разыскивая кого-то. Это обстоятельство не могло не сказаться на безопасности моего вояжа, приходилось быть во много раз бдительнее и осторожнее, чем обычно. Как правило, процедуры проверок занимали у пограничников не более получаса, теперь же у каждого пункта автобус с пассажирами простаивал в два раза дольше.

Подчас неудачи минуют тех, кто болше всего их страшится, и, наоборот, подстерегают тех, кто их совершенно не предвидит. Старые Уркаганы учили меня разным премудростям, одна из которых гласила: «В реализации заранее намеченного плана необходимы максимальная бдительность, правильный выбор манеры поведения и высокий артистизм. В любую минуту нужно быть готовым к самому худшему, — останется больше времени на исправление ошибки, да и разочарования будут не так обидны. Это куда лучше, чем, расслабившись от самоуверенности, дать захомутать себя как последнего фраера».

Учеником, тем более в тюрьме, я всегда был хорошим, а потому твердо усвоил для себя это золотое воровское правило.

В этом спектакле, как и во всех предыдущих, я старался сыграть свою роль без запинки, по заранее намеченному плану. Это было непросто. Хоть я и знал почти все тюркские наречия, тем не менее предстояло приноровиться к местному диалекту. Кроме того, необходимо постараться вызвать к себе некоторую долю сострадания, но не переиграть.

Я давно заметил, что солдатам, служившим в этих краях, такой тип сельского жителя не внушал тревоги, скорее — жалость и снисхождение. На этом отрезке пути, наблюдая за собой со стороны, я пришел к выводу, что роль свою сыграл с блеском.

Вот уже и последний погранпост остался позади, и одному Богу известно, что я пережил за эти часы ожидания.

Во время одной из стоянок, когда я обратил внимание, с какой тщательностью и рвением одни солдаты обыскивают автобус, а другие проверяют документы, мне в голову пришла мысль изменить вид транспорта. Береженого Бог бережет, а осторожность никогда не бывает излишней.

Путь свой я решил продолжить на поезде. Когда автобус подъезжал к какому-то почти заброшенному кишлаку, я с радостью покинул этот сарай на колесах и направился к стоящей возле какого-то саманного строения группе людей. Отсюда до

ближайшей станции было далековато, и за умеренную плату добираться пришлось на машине местного бабая.

Знал бы этот «грач», когда я торговался с ним чуть ли не за каждый рубль, сколько денег привязано у меня к ноге бинтами, думаю, он был бы удивлен моей скаредности. Но в любом случае из этого лавэ ему ничего не светило, потому что при мне были «зеленые», и все в стодолларовых купюрах.

Мне досталась сильно потрепанная временем и людьми старая «Победа», немало потрудившаяся на своем веку. И все же она была лучше той арбы, которую я только что покинул. Я делал огромный крюк, на всякий случай путая след. Такая предосторожность всегда оправданна. До сих пор, с улыбкой вспоминая то ралли, я не могу понять, как мы вообще смогли добраться на этой несчастной колымаге куда-либо.

Но вот добрались же…

Маршрут поездов местного и дальнего следования я знал давно, но незадолго до этого взглянул еще разок на карту Средней Азии, так что ориентировался я свободно, благо памятью Бог меня не обидел.

До самого вечера пришлось ждать поезда из Термеза, разведя костер в каком-то сарае на маленькой заброшенной ферме, а потом еще полсуток трястись в общем вагоне, пока я не добрался до Бухары.

Оклемавшись в привокзальном духане Бухары парой косушек музафарского чая и немного подкрепившись с дороги, я огляделся по сторонам. Вокруг протекала обычная суетная жизнь, почти такая же, как на всех базарах среднеазиатских городов, где главным критерием оценки человека были приятный звон монет и шелест «белохвостых» да «кремлей».

На почти новой «Волге» я добрался до Самарканда быстрее, чем мог предполагать. По моей просьбе шофер доставил меня прямо на скотный двор, — он находился на окраине города. Там я и поселился в колхозной гостинице.

Для меня в тот момент маленькая комнатушка в этом гадючнике, над крышей которого висела испачканная коровьим навозом, неизвестно как туда попавшим, старая, давно выцветшая надпись «Караван-сарай», была намного комфортнее любого шикарного номера в самом фешенебельном отеле.

Глава 14

Когда я еще только приехал с Джамилей в Самарканд из Чарджоу, Мишаня — этот вездесущий провидец, как его иногда называла братва за жизненный опыт и воровскую смекалку, показал мне «почтовый ящик». Им босота пользовалась только в крайних случаях. Это был обыкновенный почтовый ящик на втором этаже старой хрущевки, но любая корреспонденция, попадавшая в него, немедленно доставлялась положенцу города, а от него через гонцов шла прямо к адресату, вне зависимости от того, пребывал ли он на свободе или парился в тюрьме. Корреспонденция всегда зашифровывалась, так что прочесть маляву мог только тот, кому она непосредственно адресована.

На следующее утро после приезда в Самарканд и я не преминул воспользоваться этим воровским «почтамтом», забив Мишане стрелку. Малява была отписана колымской феней, но так, чтобы понять ее мог только он один. Некоторые моменты, связанные с нашим старым знакомством и «совместной работой», играли в этом шифре главенствующую роль.

Как только холодная январская ночь опустилась на древние купола мечетей Старого города, точно в назначенное время Мишаня ждал меня. Стрелку ему я забил в одном из самых людных мест Самарканда, у центрального входа в Регистан. Здесь все хорошо просматривалось, а в случае шухера можно запросто затеряться среди многочисленных туристов и торговцев сувенирами.

Последнее время я был слишком осторожен, развивалась мания преследования, которая могла привести к нежелательным результатам. Благо в свое время опыт в институте Сербского я получил достаточный. По правде говоря, с некоторых пор все здесь в Средней Азии меня нервировало и даже опротивело, но обстоятельства складывались так, что деваться мне было некуда. Приходилось терпеливо ждать своего часа. Теперь же я мог себе позволить многое, например, раскинуть стос и выдернуть любую стиру, даже навздержку.

Я сказал об этом Мишане, зная, что он правильно поймет меня и даст нужный совет.

— Да, Заур, — ответил Косолапый, внимательно выслушав меня, — ты правильно делаешь, что слушаешь голос сердца и рвешься отсюда. Тебе уже по ходу пьесы давно пора менять обстановку. Недавно я сам хотел сказать тебе об этом, но, зная, что ты с кем-то в деле, молчал.

Еще выезжая из Термеза, я мучительно искал ответ на вопрос,

каким образом вывезти деньги на большую землю? Под «большой землей» я конечно же подразумевал Россию вообще и Москву в частности. И не находил ответа.

Вернее, решение нашлось давно, но мне необходимо было убедиться в его правильности, а для этого я нуждался в совете друга, чтобы либо принять эту идею за основу, либо отвергнуть напрочь. Мишане я доверял, как самому себе, и, видит Бог, он заслуживал такого доверия.

Почему я придавал такое значение именно этому? Ведь, казалось бы, работа сделана, и главное осталось позади.

На деле все оказалось иначе. На моей памяти люди частенько проворачивали дела и покруче нашего, но итог всегда был один — тюрьма. Причина была извечной: они просто не могли правильно распорядиться кушем. А какие были люди! Легенды преступного мира… Многих я знавал в работе, с некоторыми сталкивался в тюрьмах и лагерях. Так что примеров хватало, а я не хотел повторять совершенных ошибок, тем более зная наперед, как их избежать.

Было два варианта: либо оставить деньги у Мишани, с тем чтобы он в ближайшее время выслал их мне с первой же оказией, и лететь на самолете, либо держать их при себе, но ехать поездом. Мишаня тут же рассеял мои сомнения:

— Ну конечно же поездом, и никак иначе, — почти не дав мне договорить, с пылом произнес он, — и бабки должны быть с тобой, имей это в виду. Мало ли что может быть в дороге? Если суждено спалиться, значит, от этого никуда не деться, но зато при живом лавэ еще можно будет что-то сделать, иначе будешь потом париться на нарах и жалеть о том, что пожадничал. Уверяю тебя, бродяга, деньги — не самое главное. Поверь мне, я это знаю точно. Тем более что риск минимален. Я это к тому, — продолжал он, хитро щурясь и чуть поджав по привычке губы, будто тянул лопатник у фраера из косяка, — что на бану, а я давеча пробивал, в легавом списке разыскиваемых твоей физиономии нет. Понял, что это значит? Тебе не обидно, босяк, — уже с издевкой и смехом продолжал Косолапый, — такой крутой крадун, а мусора не ищут, а?

Глава 15

Хоть здесь я мог расслабиться. Мы немного позубоскалили с корешем, отвели душу. Ну что ж, базару нет, это обстоятельство придало мне уверенности, и решение принято окончательно: ехать поездом. Тем более что «масть пошла» и было что «поставить на кон», ибо и поезд Ташкент — Москва ложился «бубновой десяткой» на мою сторону. Он следовал через Самарканд раз в неделю, в среду, а тот день был вторник.

Через час мы расстались с Косолапым и не виделись долгие годы. Ночью Мишаня должен собрать для меня необходимые гнидники, которые обычно берут с собой в дорогу дехкане, а утром, купив билет, положить все в камеру хранения. Фотографии, которые я взял у Джамили, тоже хранились у Косолапого, они мне были дороги не менее того, что я замотал в бинтах на ноге. Я чувствовал в глубине души, что они — бомба замедленного действия, но не для меня, а для моих врагов мусоров.

Код и номер камеры хранения я записал на всякий случай на руке, чуть выше кисти, чтобы не забыть.

В полночь я позвонил в Москву Харитоше, чтобы он знал день моего приезда в Златоглавую, но на вокзал встречать не приходил. Он понял меня без лишних вопросов. Я чувствовал по его нескольким скупым ответам, как он разволновался и обрадовался мне. Ведь мы не виделись долгих четыре года, а весть о том, что нас с Лимпусом разменяли, дошла до него быстрее, чем до кого бы то ни было. Правда, как только я смог сообщить ему о том, что мы живы, я тут же сделал это.

Молча, согнувшись в три погибели, как странствующий дервиш, я ковылял на своих деревяшках по темным улицам старинного города, как бы наблюдая себя со стороны. Я уже много лет пользовался этим воровским приемом оценивать реальную обстановку, которому меня тоже научили когда-то в тюрьме Урки. И кого же я видел в тот момент? Еле передвигающегося под тяжестью мыслей, забот и воспоминаний пожилого калеку, не имеющего почти никаких перспектив на завтрашний день, если не считать милости Всевышнего.

На следующий день, в обед, я покидал гостеприимный Самарканд, карабкаясь на своих костылях по ступеням общего вагона поезда Ташкент — Москва. О том, чтобы ехать в купе или в вагоне СВ, где я обычно путешествовал, конечно же, не могло быть и речи. Так что трое мучительных суток мне пришлось как следует протрястись, прежде чем мои глаза порадовала панорама

окраин ночной Москвы. «Ну, слава Богу, — горячо возблагодарил я Всевышнего, — наконец-то добрался».

Главным было то, что настала пора перелистывать следующую страничку еще не законченного сценария под названием «жизнь».

Глава 16

В жизни каждого человека наступает момент, определяющий все его будущее. Но, как ни важен этот момент, он редко бывает расчетливо подготовлен и предопределен нашей волей; почти всегда на новый, неизведанный путь человека толкает случай, подобный ветру, уносящему опавший лист, и, раз ступив на этот путь, человек вынужден подчиняться Высшей Силе. Полагая, что следует свободно принятому решению, он всегда остается рабом обстоятельств и событий.

В разное время столица встречала меня всегда разной погодой. На этот раз шел крупный и пушистый снег.

Я сошел с поезда задолго до Казанского вокзала, куда прибывали в то время поезда из Средней Азии, и, поймав такси, направился в центр города. В этот поздний час Москва сияла неоновым светом, таким приятным и загадочным.

До центра было недалеко, но снег и гололед не давали возможности машине разогнаться как следует, так что понадобилось около часа, чтобы добраться до нового места жительства Харитоши. Бабушка его, к сожалению, умерла несколько лет тому назад, и только после ее смерти он переехал в район Киевского вокзала.

Здесь они жили вчетвером: Харитоша с Леной, его уже повзрослевшая сестренка и трехгодовалый сын Сережа. Он назвал своего первенца в память о нашем покойном друге Цыпе, который умер у нас на руках в Читинской тюрьме двадцать шесть лет тому назад. Память о прошлом для него свята, впрочем, как и для всех нас, оставшихся в живых.

Шофер (а московские таксисты — это особый вид извозчиков) всю дорогу задавал мне мудреные вопросы, одновременно пробивая, смогу ли я заплатить ему, как положено, или нет. Я примостился на заднем сиденье со своими костылями и глядел в окно, одновременно боковым зрением наблюдая за водилой.

Судя по бегающим глазкам, в его мозгу происходил лихорадочный просев информации, но пока еще это было лишь профессиональным любопытством, не более. Кому, как не мне, уже немолодому кошелечнику, проведшему не один год на улицах Белокаменной, не знать, что почти все московские таксисты пахали на легавых. Мой внешний вид, прикид нищего дервиша и «макияж», который, чтобы соответствовать своей легенде, я накладывал по нескольку раз в сутки, наводили этого кучера на двойственные предположения относительно моей персоны и цели, с которой я прибыл в Первопрестольную.

Недооценивать любопытство стукачей мог лишь наивный болван, поэтому чуть позже я принял некоторые меры, чтобы избавить этого Иудушку от искушения впасть в еще один грех. За последнюю неделю я изрядно вымотался в дороге, но у меня еще оставались силы поиграть с ним в кошки-мышки — любимую игру почти всех московских таксистов, впрочем, как и конторцев тоже. Было ясно как божий день, что он все равно не оставит меня в покое.

Продолжая играть свою роль в спектакле, начатом еще в Средней Азии, я так ей увлекся, что чуть было не пропустил Триумфальную арку, когда такси проезжало по Кутузовскому проспекту. Здесь я попросил этого Шерлока Холмса остановиться, расплатился с ним строго по счетчику, поблагодарил, приложив руку к груди, как и положено у людей с Востока, и вышел в морозный вечер. Я специально шел по снегу неуверенно, с опаской переставляя костыли и все время чувствуя на спине изучающий, сучий взгляд этого кучера.

Зайдя в булочную, где я еще пацаном любил покупать сладкие слоеные язычки, я позвонил Харитоше, назначив ему стрелку возле «Кутузовской избы». Я попросил его приехать на место встречи на моторе и, кратко объяснив, кого нам предстоит сыграть, не спеша заковылял к назначенному месту.

Я пришел вовремя, но Харитоша уже ждал меня в машине несколько минут.

Мы поздоровались так, будто расстались только вчера. Мы оба пристроились на заднем сиденье машины, и, как только она тронулось, я попросил таксиста включить радио и поймать какую-нибудь музыку. Пока в салоне звучал приятный блюз, я объяснил Харитоше все, что мне нужно, дал ему лавэшек и даже успел вкратце поведать о своих последних приключениях.

У знакомой фарцовщицы он приобрел для меня модное тряпье, часы, печатку, цепуру и прочие цацки, но меня эта мадам конечно же не видела. На все про все у нас ушло чуть больше часа. Харитоша взял у приятеля-соседа ключи от гаража, и уже через несколько минут из треснутого старого зеркала на меня смотрел столичный франт, завсегдатай модных ночных заведений, эдакий светский повеса.

Раньше, когда подворачивалась возможность, я любил шикануть «от вольного» и стильно прикинуться, но теперь это было еще и необходимо. Харитоша даже не забыл купить мой любимый одеколон. Я тут же вылил на себя чуть ли не половину флакона. Дело в том, что мне негде было даже искупаться, а дух общего вагона, казалось, ничем нельзя было вытравить.

Уже через час или полтора я принял душ и, расположившись

вместе со своим корешем за маленьким столиком в уютном номере гостиницы «Метрополь», медленно потягивал приятный и тягучий армянский коньяк, рассказывая ему о последних годах своей жизни.

Уже настало утро, а мы все продолжали вести неторопливую беседу, нисколько не устав от бессонной ночи. Так спокойно нам еще никогда не доводилось проводить время на свободе. Такие моменты в нашей суетной жизни запоминаются надолго. Но как бы ни было нам по-жигански уютно в этом гостиничном номере, мы на время разбежались по хатам, а ближе к вечеру встретились вновь, но уже вчетвером.

Дело в том, что появляться у Харитоши дома я не имел права, потому что находился в бегах, а нашу встречу в каком-нибудь кабаке, тем более в присутствии супруги, в случае, если бы меня выследили, он мог объяснить случайностью.

Но я решил все же перестраховаться и после ухода Харитоши позвонил Ларисе, подруге Валерии, и пригласил ее вечером в «Арагви». Ее родители были весьма влиятельными в столице людьми, я уже не говорю об их материальном состоянии. Так что одним выстрелом я убивал не двух, а сразу трех зайцев.

У Ларисы остались для меня письма от Валерии и несколько фотографий, и ей было что мне рассказать, ведь они закадычные подруги с самого детства. Только с ней Валерия и переписывалась. Лариса принимала участие во всех делах своей подруги, как будто бы это была ее родная сестра. Из заключения Валерия тоже писала только Ларисе, ибо она единственная могла понять ее и сохранить верность, как и подобает истинному другу. И наконец, обе они были настоящими русскими красавицами: каждая по-своему хороша и привлекательна.

Глава 17

Ровно в семь я подъехал на такси к подъезду дома на Ленинском проспекте, где жила подруга Валерии, а еще через пару минут она уже сидела со мною рядом. Лариса была среднего роста, в правильных чертах проглядывало что-то детское, и цвет лица был поразительно хорош.

Я конечно же понимал, что рискую, заказывая утром столик в этом ресторане, ведь здесь, насколько я знал, как ни в каком другом кабаке столицы, посетители пробивались двумя конторами одновременно. Клиентура здесь оседала постоянная, а появление новых лиц могло навести легавых на ненужные для меня предположения, но я не мог отказать себе в удовольствии встретиться с дорогими и близкими мне людьми.

За столиком у окна, слева от входа, нас уже ждала очаровательная пара. Говоря откровенно, если бы я не знал, что с Харитошей придет его жена, я бы ни за что ее не узнал, так она изменилась! Прямо напротив меня сидела молодая, красивая и уверенная в себе женщина. Постепенно заполнялись заранее заказанные места в зале. Кого тут только не было!

За удобно расположенными столиками восседали тучные работники Внешторга и импозантные чиновники из правительственного аппарата, перекупщики-иностранцы и миллионеры-«цеховики», кавказцы, маклеры и фарцовщики по большому счету, крупные чины из МВД и Воры в законе… По сути, в этом зале присутствовали представители всех слоев преступного мира.

Конечно же, попасть сюда мог далеко не каждый, но хозяйка этого заведения знала меня не один год — она приходилась близкой родственницей одного Уркагана, грузина по национальности и моего давнишнего кореша.

Прошло несколько часов после нашей встречи, а казалось, будто мы встретились только что. О многом мы успели вспомнить и переговорить за это время, и, когда Харитоша с Леночкой поняли, что пора оставить нас с Ларисой наедине, они пошли танцевать.

Сначала Лариса рассказала мне во всех подробностях о жизни своей подруги. Она заметно волновалась, даже несмотря на то, что выпила несколько рюмок французского коньяка, а это еще раз подчеркивало, что она близко к сердцу принимала судьбу подруги. Я был тронут такой преданностью, потому что больше всего на свете ценил именно ее, от кого бы она ни исходила.

Лариса тем временем извлекла из сумочки и положила возле

меня на стол запечатанный конверт с множеством марок и штемпелей. Это письма от Валерии, двенадцать штук, написанные ею в разное время, в течение трех лет. Они были сухими и краткими. Валерия описывала в них все, что касалось жизни нашего сына, так, будто писала бухгалтерский отчет, — подробно, но лаконично. Я сразу понял, что она не знала, где я провел последние годы, а сообщить ей об этом мог только один человек — Лариса. Но она не сообщила.

Как будто угадав ход моих мыслей, Лариса спросила:

— Скажите, Заур, правильно ли я поступила, что не давала ей знать обо всем, что с вами произошло?

— Да, конечно же, — поспешил я успокоить ее, — безусловно, вы все сделали правильно. Ведь никто не знал, чем все это закончится, а зачем травмировать пацана раньше времени и придумывать разные байки о безвременной кончине отца?

— Травмировать пацана, — вздернув брови и как-то особенно удивленно взглянув на меня, переспросила Лариса, — а Валерию?

— А что Валерия? — спокойно продолжал я. — У нее сын, муж, работа, друзья, наконец, с кем она может приятно провести свободное время. Я никак не вписываюсь в эту идиллию, да к тому же они находятся почти что на другой планете. Так что не стоит переживать на этот счет, Лариса, вы умница и поступили правильно.

— Но я думала… — начала она, но как-то неожиданно вдруг прервала свою речь и замолчала, отвернувшись к окну.

Я не стал докучать ей, продолжая знакомиться с отправленной мне из-за кордона корреспонденцией. В письма были вложены несколько фотографий. На одной из них была изображена Валерия. Она прекрасно смотрелась на фоне красивой готической постройки. На другой фотографии я увидел нашего сына Заура. Как он вырос за эти годы! Я долго смотрел на обе фотографии, затем перевернул их. На одной я увидел всего несколько слов: «Помню, надеюсь! Валерия». Чуть ниже приписка: «Берлин» и дата, когда была сделана фотография.

Зал заполнился музыкой, я сидел, глядя в далекое прошлое. Перед глазами предстал образ прекрасной каторжанки. Кто бы знал, как я мечтал в тот момент оказаться с ней рядом, в Германии! Чего я хотел тогда? Честно говоря, я и сам не знал этого. Наверное, чистой и светлой любви, верности и преданности. Как надоела мне эта борьба за выживание! Как я устал видеть вокруг измены и предательства, низость и трусость. Бросить бы все и уехать на какой-нибудь необитаемый остров, где нет ни тюрем, ни женщин!

Но у меня были кое-какие обязательства, которые я не мог не

выполнить, — это был долг. Судьба упорно отказывает нам в том малом, к чему мы стремимся, щедро осыпая нас случайностями, куда более ценными, более редкими, более значимыми, чем та мелочь, что мы сокровенно считаем своей целью!

Когда музыка стала стихать и я понемногу вернулся в реальный мир, то тут же замер от неожиданности. Из прекрасных глаз женщины, сидевшей напротив, как маленькие бриллиантовые бусинки, скатились друг за другом две слезинки. Я был шокирован. Как раньше я не замечал в ней этой детской наивности и столь непривычного для меня простого выражения чувств?

— Лариса, что с вами случилось? Не плачьте, пожалуйста, — поспешил я успокоить ее.

— Ничего, Заур, простите меня, просто вспомнилось кое-что, не обращайте внимания.

Она попыталась улыбнуться, и в какой-то мере ей это удалось. «Видимо, это вечер воспоминаний не только для меня», — подумал я, глядя на то, как Лариса, отвернувшись в сторону, пыталась промокнуть платочком набежавшую слезу.

К нам подошел официант и принес на подносе записку. Я с улыбкой развернул ее, зная наверняка, от кого это короткое послание. Харитоша был, как обычно, лаконичен: «Позвонишь завтра, буду ждать. Х.» — вот и все, что было в ней написано. «Ну что ж, завтра так завтра», — подумал я и тут же сжег записку в пепельнице. Лариса тоже догадалась обо всем. Мы оба так увлеклись своими чувствами и воспоминаниями, что даже не заметили долгого отсутствия наших друзей.

В общем, мы решили провести остаток этого вечера вдвоем. Во-первых, у нас был для этого повод, а во-вторых, нам показалось, что так будет даже лучше. С Ларисой я в полной безопасности. Я знал о том, что мало было в то время людей в Москве, которые бы захотели поссориться с ее отцом. Так что я решил продолжить наш вечер.

Если бы грех не таил в себе соблазна, кто совершил бы его? И если бы не существовало порока, разве существовала бы добродетель?

Глава 18

Следующее утро застало меня в просторной постели в объятиях Ларисы. Я лежал с закрытыми глазами, чувствуя приятное тепло женского тела, и млел, как бывало после тюремного карцера в чистой постели. Лица спящих обычно непривлекательны, однако существуют исключения. На меловом фоне пламенел рот, который и во сне был аппетитно припухшим, как у ребенка. Стрелки ресниц были так остры, что могли, казалось, оцарапать щеку. Мерное дыхание поднимало и опускало красивую и упругую грудь так, будто этот спящий вулкан сладострастия вот-вот взорвется и разольется огненной лавой. В какой-то момент глубокий вздох скинул кусочек атласного пеньюара и приоткрыл самую соблазнительную грудь, какую когда-либо создавала природа.

Эта грудь, еще недавно сиявшие нежной страстью темно-синие глаза, розовые, как кровь с молоком, щеки, губы, скрывавшие в своей коралловой оправе великолепный жемчуг Аравийского моря, — все подействовало на меня так, что я вновь стал казаться себе двадцатилетним юношей.

Видит Бог, я еле сдерживался, чтобы не разбудить это прелестное создание, и в какой уже раз за это утро удивлялся тому, каким образом рядом со мной оказался этот ангел.

Вчерашний вечер во многом определил мою дальнейшую жизнь, открыв новые границы и возможности. Я лежал и прикидывал про себя, не уподобился ли я тем альфонсам, которых всегда презирал и не подпускал к себе ни на шаг. Мне далеко не безразличен был статус, который я обрел вчера в глазах этой обольстительницы, но спросить ее об этом не рискнул.

Жилище, где мы провели ночь, было квартирой ее брата Сергея, который жил, как и Валерия, в Германии, но в Гамбурге. В Москву он приезжал очень редко, так что почти круглый год квартира пустовала. Они, оказывается, и учились с Валерией на одном курсе, а я и не знал об этом.

Да, я о многом тогда не знал и даже не догадывался. Правда, на следующий день Лариса заполнила некоторые пробелы из жизни двух прекрасных женщин, добавив в конце разговора: «Ну а большего, не обижайся, Заур, ты от меня не услышишь. Договорились?»

Лариса была из той редкой породы женщин, которые с хладнокровием и расчетливостью шахматиста могли контролировать свои поступки. Просто она захотела этого сама. И не просто захотела, а потребовала поклясться в верности, если

это произойдет. Когда же «это» произошло, сказала спокойно и просто:

— Теперь, Заур, ты только мой, и настал мой черед давать тебе клятву.

— Но я не прошу ее у тебя, Лариса. Зачем она мне, если я давно привык верить женщинам на слово, особенно таким привлекательным, как ты? — ответил я, улыбаясь и стараясь превратить все в шутку.

Но Лариса откинула свои длинные распущенные волосы назад, приподнялась на локтях и, взглянув мне прямо в глаза, с жаром ответила:

— Ты даже не имеешь представления, отсидев почти полжизни в тюрьме, как верна может быть женщина, когда любит, и как она может быть жестока, когда ненавидит. Ведь недаром говорят, что от любви до ненависти — один шаг. Так что запомни, Заур: я, не задумываясь, всажу в твое сердце нож по самую рукоятку, если узнаю, что ты предал мои чувства.

Я подскочил как ужаленный: настала моя очередь возмущаться. Я заскрипел зубами и чуть не забылся вовсе. Она действительно задела меня за живое. Мог ли я спокойно лежать и слушать эти презренные слова, я — человек, который ни разу в жизни никому не изменил и никого не предал даже в мыслях? Я схватил Ларису за прелестные голые плечи и с такой яростью взглянул в ее бездонные глаза, что она на мгновение зажмурилась и чуть не потеряла сознание (по крайней мере, мне так показалось). Тишину спальни разорвал мой хрипатый голос:

— Как можешь ты, женщина, судить о таких вещах, как измена или верность любимому? Что ты вообще знаешь об этом? Да способна ли ты сама на большую любовь?

Я задыхался от чувств, вызванных ее неосторожными предупреждениями, но сам почему-то все же продолжал пожирать глазами прелести, которыми так щедро наделил ее Всевышний.

Она медленно открыла глаза, но в них не было того, чего я с беспокойством опасался увидеть, уже окончательно взяв себя в руки: в них не было слез, напротив, ее глаза пылали страстным огнем библейской грешницы.

— О, мой Бог, — не проговорили, а тихо прошептали ее нежные губы. — Где же ты был все эти годы? Как же долго я ждала тебя, мой необузданный зверь, дикарь, чудовище! Ты даже не представляешь себе, как я тебя люблю, Заур!

Меня тронула такая душевная откровенность и сила ее чувств. В эту ночь мы больше не сказали ни единого слова. Мы забылись, нежно прижавшись друг к другу.

Ближе к утру, насладившись райским изобилием, которое

Всевышний ниспослал мне в счет предстоящих мук и страданий, а по-другому я и не мог воспринять этот Божий дар, я корил себя за то, что не был с нею откровенен и лгал, как последнее ничтожество, клявшись во взаимности. Но как мог я, смертный и грешный человек, в час райского блаженства любви оттолкнуть это воплощение женского идеала и сознаться в обратном? Разве кто-нибудь из нас способен на такое?

Думаю, что нет. Такова, к сожалению, природа мужчины. Разве есть оправдание лжи и лицемерию, да еще в самых что ни на есть святых чувствах — в любви женщины? Но мы, мужчины, эти оправдания все же находим, причем каждый по-разному.

Но хоть я и не мог любить Ларису так, как любил другую, она мне очень нравилась, постоянно чем-то восхищая и удивляя. Сам не знаю как, я растаял в лучах ее любви и соблазна, словно догоревшая под утро свеча, зажженная на ночь и забытая счастливыми любовниками. Да, я позабыл о тех, о ком должен был помнить, несмотря ни на что, но, видит Бог, позабыл лишь на время.

Глава 19

Ларису не настораживало ни то, кто я, ни то, что я нахожусь в побеге, ни что либо еще. Она знала меня слишком давно, целых десять лет, с тех самых пор, как получила письмо из лагеря от подруги, подробно рассказавшей ей обо всем.

Незадолго до того, как Валерию посадили в тюрьму, Лариса вышла замуж за красивого молодого человека, но прожила с ним недолго, около года. Потом она случайно узнала о том, что ее муж — гомосексуалист. Это оказалось страшным ударом по ее гордости и самолюбию.

С тех пор она не просто ненавидела мужчин, она презирала их всех до одного, и, лишь изредка получая письма от подруги из Германии и отправляя ей мои, которые я переправлял ей откуда придется, Лариса невольно столкнулась с тем, что до поры до времени было для нее скрыто. (Она призналась мне, что читала мои письма, когда, распечатывая конверты, перекладывала их в другие для отправки в Германию.)

Страшные слова «тюрьма», «лагерь», «вор» резали ее слух и порой даже приводили в ужас. Когда же она узнала, что меня приговорили к смертной казни, то прибежала к Харитоше и вместе с Леной плакала навзрыд так, как по единственной любви. И это при том, что она видела меня всего лишь раз в жизни, да и то всего час, не более.

Она была по-настоящему цельной натурой, которая в жизни своей никогда и ни в чем не удовлетворялась половиной. Все или ничего — ее девиз. Под этим она подразумевала преданную и ни с кем не делимую любовь, а все остальное, что обычно сопровождает человека в жизни, у нее уже было, да и вообще жизненные блага интересовали ее в последнюю очередь. Душа этой женщины для меня пока оставалась загадкой, но это нисколько нам не мешало.

— А я и не надеялась, что ты сразу же поймешь меня, Заур, — мило улыбаясь, сказала мне Лариса. — Недаром же говорят, что чужая душа — потемки. Придет время, и ты поймешь все, но это произойдет не раньше, чем наши души соединятся.

Ну что ж, на том и порешили. Я тоже в свою очередь поведал ей о том, с чем сопряжена была моя жизнь — жизнь вора и бродяги. Умолчал лишь о последней делюге, впрочем, я не рассказал бы о ней даже родной матери, если бы та была жива.

Я остался жить в хате ее брата, но никто, кроме Харитоши с Леночкой, об этом не знал. Несколько дней мне потребовалось на то, чтобы написать три жалобы. Одну — генеральному прокурору

СССР, две другие — в прокуратуру РСФСР и министру внутренних дел СССР. В каждый из конвертов я вложил по фотографии, которые приберегла моя прозорливая супруга.

Первоначально план мой был таким: написать жалобы, повидаться кое с кем в Москве, побывать на могиле матери, увидеть отца и дочь, отстегнуть им немного деньжат, чтобы ни в чем не нуждались, и свалить за границу, но теперь, когда я встретил Ларису, он в корне изменился.

Она предложила мне в ближайшее время вместе с ней покинуть страну и уже оттуда наблюдать за тем, как здесь будут развиваться события. В Германии ее вскоре ждал брат. Они родились в разные годы, но день рождения у них был один и тот же — 21 марта. Дело оставалось за малым — выправить загранпаспорт, водительское удостоверение и получить визу на въезд в Германию. Но для всего этого мне была необходима московская прописка.

В общем, целый ворох неразрешимых проблем, которые я, даже имея неограниченные средства, никогда не смог бы разрешить, чего нельзя было сказать о Ларисином отце. Учитывая, какой властью обладал этот человек, какие почти неограниченные возможности он имел чуть ли не в любой сфере деятельности, для Ларисы — любимой и единственной дочери — это не было проблемой.

Глава 20

В самое короткое время из узбека я превратился в москвича-татарина, и теперь меня звали не Мухтор, а Руслан. Но паспорт азиата Харитоша заховал на время, мало ли что может пригодиться в будущем? Кроме всего прочего, после моего отъезда Харитон должен был слетать на денек-другой в Махачкалу, оставить немного деньжат и откровенно рассказать отцу почти все, что произошло со мной за последнее время.

Сколько раз после того, как у меня появилась такая возможность, я звонил отцу из разных городов и республик, но он так и не верил, что разговаривает со своим сыном, постоянно отвечая почти одно и то же: «Не стыдно вам издеваться над чувствами отца, положите, пожалуйста, трубку и не звоните сюда больше. Моего сына расстреляли, и его давно уже нет в живых». И лишь каким-то чудесным образом, звонком из Москвы, я смог убедить его в обратном. Так что он ждал Харитошу с нетерпением, но отъезд кореша напрямую зависел от моего.

Лариса часто гостила у брата в Гамбурге и неплохо знала саму Германию, не раз побывав в Берлине, Лейпциге, Дюссельдорфе и Мюнхене. Она была младше брата, а значит, и Валерии на несколько лет и позже закончила факультет иностранных языков МГУ. Прекрасно говорила по-немецки, неплохо изъяснялась по-английски и даже бегло говорила по-французски. И с деньгами ни у нее, ни у брата проблем не возникало. Все, что было у меня, я оставил у Харитоши. Об этом не знал никто, даже его Леночка.

Прошло чуть больше месяца с тех пор, как я прибыл в столицу. За это время я капитально оклемался, навел каны с хатой и подельником, послав ему цинк, что на время делаю ноги за бугор.

Ксива моя была выправлена, и в первых числах марта, вечером мы уже садились с Ларисой в один из комфортабельных вагонов «Красной стрелы», чтобы на время покинуть Первопрестольную, а на следующее утро уже прибыли в Северную столицу.

Здесь мы поселились в отеле «Астория» и стали ждать дня отплытия. Паром отчаливал через несколько дней, и у нас оставалось время побродить по магазинам и настроиться на минорный лад. Точнее, настраиваться нужно было мне, — Лариса олицетворяла само спокойствие. Это и немудрено, ведь она и в те времена, когда между нашей страной и окружающим миром висел «железный занавес», разъезжала по разным курортам и

городам Европы, я же в то время находился либо в тюрьме, либо как волк рыскал в поисках добычи.

О какой заграница могла тогда идти речь? Разве что, лежа на нарах в разных тюрьмах и пересылках нашей необъятной страны, мы с братвой мечтали о посещении тех розовых стран, где нет ГУЛАГа и псов-легавых, где за воровство дают лишь шесть месяцев исправительных работ… Но все эти мечты были до такой степени призрачны, что даже в самом бархатном сне я не мог увидеть тогда того, что теперь постепенно являлось предо мной в реальности. Так что, безусловно, мы с Ларисой были в разных «весовых категориях», но при этом она вела себя деликатно и предупредительно-вежливо, как и подобает истинной леди, ни в чем не ущемляя моего самолюбия.

На небе ни тучи, все было непривычно тихо и спокойно. «Ну и жизнь, ну и судьба, — восклицал я порою вслух, — это надо же! Иди знай, где найдешь, где потеряешь. То с корабля на бал, то с бала на корабль, пока разберешься, что к чему, и жизнь пролетит, как на экране!» Лариса всегда посмеивалась над моей откровенной наивностью.

— Ну что ты, Заур, это же простая закономерность, как и все, что происходит в этом мире. Сколько можно страдать-то, милый? Вот Господь и решил сделать тебе небольшой подарок.

При этом она нежно прижималась ко мне, ласкаясь и мурлыча, как кошка. «Ну что ж, — внутренне соглашался я, — поживем — увидим, как дальше карты лягут».

Глава 21

В один из холодных мартовских дней, пугая туман ревом сирены, не спеша, разваливая носом холодные воды Невы, морской паром «Анна Каренина», отдав швартовые, отчалил от родного берега. Впереди было Балтийское море и полная неизвестность.

На таком красавце корабле я был впервые, поэтому, наспех устроившись в каюте, мы с Ларисой решили перед ужином совершить небольшую экскурсию. На верхней палубе дул довольно-таки холодный северный ветер. Укутавшись в норковое манто, обхватив мою руку своими и прижавшись к ней всем телом, Лариса наслаждалась обществом, которое выбрала сама. Закрыв глаза от блаженства, иногда нежно поглаживая меня по щеке, она целовала меня в губы так, что я пьянел и млел.

Мы стояли на юте этого белого красавца парома, любовались необъятным простором, меняющим краски перед закатом: море из зеленовато-голубого превращалось в резко-синее; бледное, чистое небо загоралось ярким предвечерним заревом. Серебристые легкие волны ластились к борту.

Единственное, что меня удручало в тот момент, за что я был зол на себя, так это за то, что от волнения не смог рассчитать обычного хода легавых единственной пешкой. У меня осталось очень много денег, и, если бы я знал, что вместо капитального шмона менты проведут формальную проверку по верхам, разве я оставил бы их все в Союзе? Эта мысль, как червь, застряла в моей голове и не давала мне покоя.

Если бы она только знала, о чем я думаю! Когда я представил это, мне даже стало как-то не по себе. «Ну да ладно, — решил я, — первый блин комом. Впредь будем прозорливее и умнее».

Мы сидели в зале ресторана, слушая по радио какую-то веселую музыку. Я наслаждался обществом милой изящной женщины, которая сидела напротив, и пил водку, закусывая бутербродами с черной икрой. Я тогда ни о чем не думал. Просто наслаждался невольно подвернувшимся фартом, вот и все. Я не привык задумываться о завтрашнем дне, либо исключительно полагаясь на милость удачи, либо ожидая очередной пакости от злого рока. Ко всему в жизни я всегда был одинаково готов, знал, как нужно поступить в том или ином случае, и никогда не падал духом. В общем, меня уже трудно чем-то удивить, ну разве что на несколько минут.

Наш морской вояж ничем примечательным не выделялся. Почти всю дорогу дул холодный северный ветер, поэтому мы

очень редко выходили на палубу, заказывая ужин в каюту. Что касалось завтрака, то нам он был ни к чему: в это время мы спали после бурно проведенной ночи любви. Вставали к обеду, наспех поедали все припасы, приготовленные нами загодя, и снова заваливались в постель до самого ужина.

Ну а вечером сам Бог велел нам быть в кают-компании, в кругу образовавшихся за время плавания «аристократов», у которых на лбу аршинными буквами написано: «плебеи». В этом обществе я мог себе позволить многое, например маленькую разминку перед предстоящими баталиями на берегу, и был во всеоружии. По сути, это моя стихия, мой драматический театр, где всегда, или почти всегда, я выступал в роли режиссера. Да и спутница моя, безусловно, мне под стать, с той лишь разницей, что я играл в того, кем она была на самом деле. Это несколько задевало мое самолюбие, но я не подавал вида, справедливо полагая, что время когда-нибудь все расставит по своим местам и я, наконец, смогу занять то место в мире, которое принадлежит мне по праву.

Через несколько дней после отплытия из Питера паром прибыл в портовый город Киль. Мы были почти налегке, если не считать дорогого «дипломата» Ларисы (чуть ли не из крокодиловой кожи), кейса, который прямо перед отъездом я приобрел по случаю в питерской «валютке», и подарка ее брату — огромной бутылки натуральной пшеничной водки, приготовленной по старинным рецептам и купленной тоже за валюту.

Лариса не хотела, чтобы я пропустил волнующий момент прибытия, и потянула меня на верхнюю палубу. Было раннее утро, холодно, поэтому на палубе, кроме нас, никого не оказалось. Влажный воздух мешал дышать моим прокуренным, чахоточным легким, но я не обращал на это никакого внимания. Впереди, прямо по курсу, откуда-то из тумана стали вырастать высотные здания и зеркальные постройки. Вдруг, совсем неожиданно, уже совсем близко, туман рассеяли пики портовых сооружений и кранов.

Подойдя к причалу, наш паром, переваливаясь с боку на бок, долго пришвартовывался. Затем последовало тягучее и нудное выполнение формальностей. Наконец, с таможней все уладилось и нам разрешили выход в город. Держась за поручни длинного трапа правой цапкой в лакированной перчатке, а левой прижимая ручку своей молодой спутницы, отбросив прежнюю жизнь, как змея отмершую кожу, я впервые в жизни почувствовал, как две половинки далекого прошлого моих предков, когда-то разорванные проклятой революцией, соединяются вновь. Я в

Европе, но, к сожалению, попал сюда не знаменитым хирургом, о чем мечтала когда-то моя покойная бабушка, а вором, но я не расстраивался: «Будет нам и белка, будет и свисток…»

Разумеется, нас никто не встречал. Лариса написала брату, что обязательно приедет, как обычно, ко дню рождения, а когда точно, она и сама не знала: все будет зависеть от готовности моей ксивы. В письме она дала ему понять, что приедет не одна и то, что этот приезд будет для него немалым сюрпризом. В общем, заинтриговала брата, как могла.

Поскольку Лариса приезжала сюда уже не раз, то знала все, что необходимо знать приезжим из России. Да, да, именно из России, потому что представители других стран вели себя здесь так же, как и у себя дома.

Для начала нам нужно обменять баксы на марки. Здесь я попросил ее отдать инициативу в мои руки. Я решил «блеснуть чешуей» перед своей пассией, проверив, насколько еще помню немецкий язык, а заодно и свои способности сыграть роль делового и респектабельного господина. В первом случае я потерпел полное фиаско, во втором все же кое в чем преуспел, но не более. Таков был честный и откровенный вердикт, вынесенный моей подругой.

— Ну что ж, — рассудил я вслух, — для начала очень даже неплохо, как ты считаешь, дорогая?

Я напросился на комплимент и получил его. Говоря откровенно, я всегда был тщеславен и честолюбив, но эти качества не мешали мне жить, напротив, в конце концов именно они и помогли мне достичь того, к чему я стремился всю жизнь.

Мы вошли в банк. Тонированные, потрясающей чистоты стекла, зеркала, в которых отражались сытые клиенты, ковры, кожаная мебель — все здесь радовало глаз, но главным потрясением для меня, конечно же, было обслуживание. С ощущением собственной значимости и в то же время предупредительно-вежливо к нам подошел администратор, с улыбкой осведомляясь, что угодно господам. Услышав ответ, он повел нас как старых добрых знакомых в операционный зал. По дороге приветливо и радостно улыбались совсем незнакомые люди, будто всех их только что оправдали и освободили из зала суда, а мы с Ларисой были их адвокатами.

Так, не спеша, мы подошли к окошку, где нас обслуживала юная девушка, нежная, как лепесток магнолии, с красивым немецким именем Матильда. (Я прочел ее имя на бирке, прикрепленной на груди.) Возможно, из-за ее прелестей я на какое-то время и попутал рамсы, кто его знает? Но это создание поистине было чудом природы. Белокурые волосы, небесного

цвета и глубины глаза, маленький пурпурный ротик в неизменной улыбке, обнажающей ровные жемчужины зубов. Маленькие ушки, рдеющие под моими чересчур откровенными, пожирающими взглядами. Безукоризненной формы шейка, изящность и хрупкость которой была подчеркнута золотом тонкой цепочки, как легким мазком художника. И матовая кожа, чуть просвечивающая сквозь прозрачную белизну блузки, где угадывались волнующие линии юной груди и розовые пятнышки сосков.

Меня будто обдали кипятком, но я вовремя пришел в себя, благо мы уже вышли на улицу. До небольшой автостанции, откуда отходил автобус на Гамбург, было рукой подать, и мы решили прогуляться пешком.

— Тебе нужно немного прийти в себя и слегка развеяться, милый, — деликатно заметила Лариса, пряча улыбку в воротник своего манто, но в этой улыбке сквозили повадки красивой хищницы. Мне даже стало неудобно за свое поведение.

— Да, конечно, дорогая, — замешкавшись на мгновение, ответил я ей, — все так неожиданно и скоро, есть отчего потерять голову.

— Но ведь ты же профессиональный вор, Заур, да еще и артист, каких поискать надо, или немки загадочнее и краше русских? Неужели такая большая разница между Питером и Килем?

— Особой разницы, возможно, и нет, — ответил я, достаточно быстро успев прийти в себя, — а вот психологический фактор, как видишь, налицо.

Но я конечно же лукавил. Разница была огромной, и это просматривалось буквально во всем. В то время как Россия-матушка простаивала в длинных очередях, чтобы отоварить карточки, когда мошенники-банкиры строили свои пирамиды, вытягивая последние копейки у инвалидов и простого люда, Европа жила сытой и спокойной жизнью, беззаботно отдыхая на средиземноморских курортах и вкушая все блага жизни. Чувствовала ли Лариса эту пропасть так, как чувствовал ее я? Впрочем, мы оба были эгоистами в то время, каждый по-своему.

Небольшая прогулка пошла нам на пользу, хоть мы и не сказали больше ни слова друг другу. По дороге мы приобрели карту земли Шлезвиг-Гольштейн с Гамбургом и пригородами, а уже через полчаса, купив билет и удобно разместившись в красавце автобусе, на лобовом стекле которого красовалась надпись «KIEL — HAMBURG», тронулись в путь.

Я не отрываясь смотрел в окно. Дороги в Германии — настоящее чудо и предмет гордости немцев. Формального

ограничения скорости на них нет, существует лишь рекомендуемая скорость — 120–130 км/ч. Номерная дорога, по которой мы только что выехали из города, незаметно стала переходить в автобан, как ручей в реку, и за окном то и дело стали мелькать светящиеся блеском «БМВ», «мерседесы», «ауди», «фольксвагены» и «опели».

До Гамбурга оставалось около ста километров, но этот путь мне показался намного короче, чем был на самом деле. Лариса сказала, что мы уже у цели, а еще через несколько минут мы въезжали в красавец город.

Взяв такси недалеко от автостанции, мы направились к Сергею. Я и здесь, в «фольксвагене», не мог оторвать любопытных взглядов от панорамы, которая мелькала за окном, неприлично молчал во все время пути и заговорил лишь тогда, когда такси остановилось у красивого, ухоженного особняка из белого камня. Горделивый фасад дома выгодно выделялся из общего архитектурного ансамбля улицы, а шикарные клумбы со спрятанными на зиму под целлофан какими-то редкими южными цветами довершали картину благоденствия.

— Вот мы и дома, милый, — послышался нежный голос моей возлюбленной. Я немного замешкался, выйдя из машины, и при этом чуть не забыл уплатить по счету. «Вот это хаза! — мелькнуло у меня в голове. — Вот это избушка на курьих ножках!» Но мог ли я тогда предположить, что пройдет долгих десять лет и я буду иметь «с кушем» даже не один, а несколько подобных особняков, и не где-нибудь, а в прекрасной Франции. И не чьи-нибудь, а своих предков. Но пропасть в десять лет нужно было еще прожить.

Глава 22

Мы подъехали к дому как раз в тот момент, когда вся семья садилась за обеденный стол. Зная наперед выходные дни брата и невестки, Лариса подгадала так, чтобы мы прибыли в Гамбург именно в один из таких дней, мало того, она даже рассчитала время суток. Обед у немцев — это своего рода ритуал, который они проводят, как правило, у семейного очага. Так что, наряду с другими достоинствами, моя спутница была еще и хорошим стратегом. Хозяин дома оказался высоким и стройным мужчиной, очень похожим на сестру. В чертах его лица отражались сильная воля и непреклонный характер. Взгляд его тверд и спокоен, он уже давно утратил тревожное выражение юности.

Сергей был женат на скромной и весьма миловидной женщине по имени Наташа. С первого взгляда можно подумать, что она — блондинка, хотя на самом деле была совершенно рыжей. Она обладала всеми достоинствами рыжеволосых женщин и ни одним из их недостатков, ибо тщательно скрывала все, что могло нанести ущерб ее привлекательности. В конце концов, если женщина прекрасна, то кому какое дело, является ли ее красота творением природы или человеческого искусства?

Она еще и умна, начитанна и при этом весьма чувствительна. Работали они вместе с мужем в генеральном консульстве СССР. Но главное для меня то, что она однокурсница Валерии.

До поры до времени Наташа не знала, кто я, пока Лариса сама не рассказала ей об этом. Я же помалкивал, как и подобает порядочному человеку. Более того, я знал, что это трио когда-то в юности было квартетом, где солировала Валерия, а главным аккомпаниатором приходился не кто иной, как Сергей.

Картина была бы неполной, если бы я не упомянул о юном даровании — Светлане, милой и очаровательной дочурке столь славной династии дипломатов и ровеснице моего Заура. Уже в этом возрасте она прекрасно играла на рояле. Знал бы я тогда, какую роль в будущем сыграет в жизни моего сына эта юная проказница, то присмотрелся бы к ней получше. А пока, посплетничав немного о том о сем, как это бывает с подругами, которые не видели друг друга целую вечность длиною в год, мы с Ларисой откланялись и поднялись в свои комнаты, любезно предоставленные нам главою дома на втором этаже особняка, чтобы к вечеру быть во всеоружии.

Сергей по случаю нашего приезда пригласил всех в один из самых шикарных ресторанов Гамбурга, чтобы, как и подобает по русскому обычаю, отметить нашу встречу и знакомство за

чарочкой водки.

По старой арестантской привычке, выработанной за многие годы, когда, зайдя в любую из одиночных камер, ты, прежде чем расположиться в ней, стараешься в первую очередь обнюхать каждый угол своего временного жилища, обследовать каждую щель, пощупать собственными руками решетки, постучать по стенам, — я огляделся по сторонам. Дом оказался большой и просторный. На двух его этажах находилось девять комнат: пять на верхнем этаже и четыре внизу. Так же как и перед фасадом, в саду, куда выходили оба моих окна, росло множество ухоженных цветов, нарядно и симметрично посаженных в красивые клумбы. Очевидно, хозяйка этого дома, помимо хорошего вкуса, имела пристрастие к цветам, а этот факт говорил мне о многом. Проведя маленький обзор местности и сделав наспех пришедшие выводы, я принял душ и завалился в шелковой пижаме на мягкую перину шикарной кровати. Через несколько минут, сам того не ожидая, будто под наркозом, я провалился в глубокий сон, и лишь под вечер тихий стук горничной в дверь прервал мои бархатные сновидения.

Думая, что слишком спешу, я привел свой прикид в надлежащий вид и, уже на ходу поправляя свой «кис-кис» и подойдя к лестнице, хотел было спуститься вниз, как вдруг остановился как вкопанный. Вся компания уже в собралась и ждала меня в вестибюле. Я на секунду-другую замешкался, продолжая приводить свой туалет в порядок, и, видимо, делал это не совсем ловко, так как в следующую минуту мои действия вызвали приступ непринужденного и дружеского смеха. Тут и мне пришлось невольно улыбнуться, чтобы не выглядеть полным идиотом.

— Прошу прощения, господа, — скрывая неловкость, проговорил я, преодолевая последние ступени лестницы, — я, к сожалению, забыл, что уже целый день как нахожусь в Германии.

— Ну что вы, Заур, — положив мне дружески на плечо руку, проговорил Сергей в тот момент, когда мы уже садились в лимузин, заказанный специально по этому поводу. — Для человека, который еще только утром ступил на эту землю, вы очень неплохо выглядите. Видели бы вы нас с Наташей, когда мы еще только обживались здесь. Какими мы были? Натуральные лапотники, не иначе!

— Ну скажешь тоже, «лапотники», — пыталась возразить супругу Наташа. — Слова-то какие, Сергей, и где ты их только находишь?

— В русском языке, моя дорогая, в русском языке…

— Да, действительно, вы знаете, Заур, — пытаясь

примириться с мужем и вставить по ходу разговора и часть своих женских воспоминаний, продолжала Наташа, — мы так долго не могли привыкнуть к окружающей нас педантичности и порядку, что очень часто попадали в весьма щекотливые ситуации. Ведь в Союзе, в сущности, все то же самое, но, к сожалению, с точностью до наоборот. И лишь превосходное знание немецкого помогало нам еще как-то выбираться из расставленных обстоятельствами ловушек.

— Немудрено, — мило улыбаясь супруге, продолжал Сергей, — ведь преподавала нам немецкий уроженка этих самых мест, не так ли, дорогая?

— Да, точно, — вспомнила Наташа имя-отчество их институтского преподавателя, — она была родом именно из Гамбурга.

Я думал, что и Лариса вставит пару-тройку слов в эти воспоминания, но она молчала. Так, слушая непринужденную беседу супругов о впечатлениях, связанных с их давним прибытием на чужбину, мы подъехали к блистающему огнями ресторану. Кабак такой же шикарный и зеркальный, как и все, что мне удалось уже увидеть в этой стране почти за сутки. Рядом с рестораном огни горели и переливались так, будто мы прибыли на праздник жизни.

Глава 23

Гарсон провел нас к заказанному столику. Вечер еще только начинался, и публика понемногу заполняла места. Столик наш оказался почти в середине зала, возле маленькой, из белого мрамора колонны, рядом с огромной деревянной кадушкой, в которой, судя по широкому стволу, росла очень старая пальма.

Лариса в этот вечер решила покорить всех, она явно была в ударе. Мужчины не сводили с нее глаз, а посмотреть было на что: узкое платье от Диора из шелкового крепа цвета пармской фиалки и ожерелье из аметистов и бриллиантов. Тонкой кожи перчатки по локоть, окрашенные в тон платья.

Со сцены доносилась знакомая мелодия аргентинского танго, а в воздухе витал аромат каких-то восточных благовоний, уюта и спокойствия. Сам того не замечая, я пригласил ее на танец так непринужденно и галантно, как если бы я проделывал подобное по нескольку раз в неделю в разных салонах европейских столиц.

— А голос крови значит никак не меньше, чем воспитание, — нежно проговорила мне Лариса. — Как ты считаешь, дорогой?

Что я мог считать? Я улетел от кайфа. Я блаженствовал.

— Да, безусловно, ты, как всегда, права, — ответил я, думая о другом. Да и о чем можно говорить в такой момент? Она конечно же знала, что неотразима, и пыталась, нежно кокетничая, свести меня с ума, и у нее это неплохо получалось. Так что, когда кончился танец, я не знал, радоваться мне этому или быть в печали — так эта фея вскружила мне голову. Но слава богу, разум еще не покинул меня.

Изучая меню и одновременно задавая мне разные вопросы, Сергей был приятно удивлен, когда узнал о моих предках и о том, что я долгие годы прожил в Москве у своего деда. Под долгими годами я, конечно же, подразумевал и некоторые из них, проведенные в заключении.

Тем временем подошел гарсон, мы сделали заказы, и Сергей наконец обратился ко мне с вопросом, которого я ждал уже добрых полчаса:

— Что вы будете пить, Заур?

И тут мне в голову пришла оригинальная мысль, осуществив которую, я, можно сказать, и определил дальнейшее отношение к себе этого славного семейства.

— Бордо белое, сухое, урожая тысяча девятьсот пятьдесят шестого года, — подняв только глаза, проговорил я гарсону тоном маркиза, с апломбом, давно заученным в камерах Бутырского централа.

— Бордо у нас, конечно, есть, но, к сожалению, я не знаю года сбора урожая. Подождет ли господин, пока я это выясню? — вытянувшись в струнку, будто солдат на параде, и «почувствовав клиента», как говорят официанты на южных курортах России, проговорил гарсон, ожидая ответа.

— Да, конечно, — ответил я не сразу, боковым зрением промацовывая обстановку, — мы отмечаем маленький юбилей, и хочется, чтобы этот вечер оставил у нас приятные воспоминания.

— О, можете быть в этом уверены, господа, — медленно и с достоинством, приличествующим официантам таких заведений, как это, проговорил гарсон, — я все сделаю для того, чтобы у вас остались неизгладимые впечатления от этого чудесного вечера.

Он стоял между дамами и, уже не в первый раз склоняя голову, пытался разглядеть своим ястребиным взором сапфировый перстень, который был надет на мизинец моей пассии. Но, схлестнувшись с моим диким взглядом, как бы стушевался и, уже не сводя с меня глаз, проговорил покорно, как и подобает слуге:

— Позволит ли мне господин на время отлучиться, чтобы оформить заказ?

— Да, да, ступайте, любезный, — уже почти не глядя на него, проговорил я, сопровождая свое милостивое согласие высокопарным жестом английского лорда. Этот наглец заслужил такое обращение и, судя по его походке, кажется, это понял.

В этот момент я действительно чувствовал себя так, будто и вправду являюсь тем, за кого себя выдаю. В глубине души мне даже стало обидно за то, что я пытаюсь пустить пыль в глаза какому-то официанту. Я сидел, откинувшись на спинку кресла, смотрел на эстраду и молча ожидал продолжения начатого мной спектакля. За столом на некоторое время воцарилась тишина, которую, как всегда, нарушила женщина.

— А почему именно тысяча девятьсот пятьдесят шестого года, Заур? Эта дата связана у вас с чем-нибудь приятным? — полюбопытствовала Наташа.

— Приятным? О да, Наташенька, с весьма приятным, ведь это год рождения Ларисы, а в это время, я уверен, на свет не могло появиться ничего плохого.

Надо было видеть в этот момент лицо моей возлюбленной: оно буквально светилось радостью и счастьем. Стрела, пущенная в цель, сразила ее даже быстрее, чем я того ожидал.

Завершение того маленького банкета прошло «на высоком уровне», как принято говорить в дипломатических кругах, и определило наши взаимоотношения с родственниками Ларисы. Так что все «кругом бегом, было ладом».

Глава 24

Как правило, наш день с Ларисой начинался с полудня. Прокувыркавшись до обеда в постели и перекусив наскоряк, мы пошли болтаться по городу. Но прежде я сделал два обязательных звонка: домой в Махачкалу и Харитоше в Москву. Там по-прежнему все было тихо и спокойно, и это не могло не радовать беглеца.

Еще в Питере я запасся несколькими разными по назначению русско-немецкими разговорниками и теперь по вечерам, закрывшись в своей комнате, зубрил отдельные слова, составляя из них предложения. Каков был наш план на завтра, в таком разделе разговорника я и искал нужную мне информацию, а на следующий день бравировал зазубренными фразами и составленными монологами. Иногда, проверяя на практике свои знания, я умудрялся вступать в споры и даже в некоторого рода диспуты с пузатыми бюргерами и мелкими чиновниками — завсегдатаями гамбургских пивнушек, собрав в кучу все диалекты Германии, Австрии и Швейцарии. И, говоря откровенно, у меня это неплохо получалось. По крайней мере, публика всегда оставалась в восторге от такого приятного собеседника. Правда, после столь славного общения почти всегда кто-то из них чего-то недосчитывался: кто часов, а кто и увесистого портмоне.

Это спектакль, где артистов было всегда великое множество, а зритель один — Лариса. Как она потом смеялась, а порой и хохотала буквально до слез, когда прямо на ее глазах несколькими минутами раньше я выволакивал из жилетного кармана какого-нибудь жирного фраера немца «котел», который прятал в ладони и придерживал двумя «мальцами», а остальными тремя отстегивал «цепуру».

В России подобная демонстрация могла бы мне очень дорого обойтись, но здесь, на другой планете, где у людей абсолютно иные восприятия как жизни в целом, так и Уголовного кодекса в частности, я чувствовал воровской простор и безнаказанность.

Я поражался приветливостью и обходительностью немцев, всегда славившихся своей чистотой и аккуратностью, дружелюбием и воспитанностью. Но моя неистребимая потребность обворовать кого-нибудь почти всегда брала верх над человеческой благодарностью. И как бы ни удавались мне красиво разыгранные роли и факирская ловкость рук, все же я чувствовал себя артистом из погорелого театра. Прекрасно понимая это, я мстил, как мог, всему свету.

Я откровенно завидовал этим людям и был зол на них за то,

что они так весело и безмятежно проводят свою жизнь, даже не задумываясь, что на свете существуют такие моровые язвы, такие человеческие гноилища, как ГУЛАГ, Север, Урал, Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток. Конечно, не их была в том вина, но я ничего не мог с собой поделать.

Немцы — взрослые дети. В своей богатой, обеспеченной стране они потеряли чувство самосохранения и ощущение реальной жизни (вернее, борьбы за жизнь, как понимаем это мы), но сохранили детскую любовь к развлечениям и ищут их ежеминутно.

Разыгрывая описанные выше спектакли, мы с Ларисой, как я предполагал, скорее делали им приятное, внося в их монотонную жизнь такое порочное разнообразие.

Со стороны могло показаться, что я пытался приобщить Ларису к своему древнему воровскому ремеслу, но это, конечно же, было не так. Во-первых, она была слишком умна, чтобы подпасть под влияние даже того, кого безумно любила, а во-вторых, это обыкновенная женская прихоть, которая, кстати, прошла так же быстро, как и возникла.

Так продолжалось день за днем, и каждый из них приносил какие-нибудь радости или дарил новые развлечения. Иногда, приятно проведя очередной день безумств и расположившись в постели со своей любимой, я размышлял о том, что если даже меня где-то и повяжут невзначай, то, во-первых, будет о чем вспомнить на нарах, а во-вторых, любопытно посидеть в одной из тюрем сытой Европы, чтобы потом поделиться опытом с братвой в застенках ГУЛАГа, за которым я закреплен, как земля за колхозом. Это уже менталитет российского вора, и от этого никуда нельзя деться.

Когда на Ларису нападали непонятные мне тогда еще приступы меланхолии и ей необходимо было остаться в одиночестве, я отправлялся в город один. В будни я любил захаживать в шашлычные, где орудовали турки-месхетинцы. Здесь можно хорошо пообедать привычным для меня блюдом из молодого барашка, да и пообщаться было с кем; посещать же пивные бары одному, без Ларисы, скучно — не перед кем выкаблучиваться. В воскресные же дни, чтобы «вздохнуть свежим воровским воздухом толкучки», я отправлялся на Фельдштрассе, где проводился «Фломаркет», по-нашему — что-то вроде барахолки. Торговали здесь всем: от ржавых гвоздей до фальшивых бриллиантов. Народу уйма — «толчок», что ни говори. Кто продавал, кто покупал, а основная масса народа просто бродила, глазея по сторонам, и объедалась вкуснятиной, продающейся на каждом шагу. В общем, в отличие от нашего

«блошиного рынка», люди здесь отдыхали. Но не все, конечно.

Читатель может не поверить, но здесь я ни разу не нырнул ни в один из карманов, не украл ни единого пфеннига. Я только и делал, что наблюдал за другими, а смотреть, честно говоря, не на что. Из каких только государств не было здесь карманных воров: Чехия, Италия, Польша, Словакия, Венгрия, и это еще далеко не полный перечень стран, представители преступного мира которых пересекали границу лишь только для того, чтобы пошарить в карманах немцев. Но, ворами они были никудышными. Я потому и не крал сам, с любопытством наблюдая за этими горе-щипачами, и делал свои выводы. Посещение «Фломаркета» в течение нескольких выходных дней подряд дало мне основание с гордостью утверждать, что лучше российского кошелечника, по крайней мере в Европе, нет и быть не может — не тот уровень.

Ну а ближе к вечеру, когда зажигались огни и начиналась разгульная ночная жизнь, меня непременно тянуло в одно из увеселительных местечек Гамбурга Сан-Паули. Представители туманного Альбиона и знойной Аргентины, белокурой Скандинавии и смуглых Пиренеев — кого только не было в это время на улицах и площадях ночного Гамбурга!

Но все же эти одинокие прогулки были серыми и походили на будни старого бродяги — волка в чужом лесу. Жизнь по-настоящему обретала для меня свой смысл лишь тогда, когда рядом была моя прелестная подруга. Вечера, проведенные вместе, оставили неизгладимый след в моей жизни, полной самых разнообразных приключений, а один из них запомнился особенно.

Лариса любила театр и знала о нем почти все. Редкий свободный вечер, проведенный вместе, не был посвящен нами этому дивному храму искусств. О Берлине, а также о Мюнхене и Гамбурге говорят, что тот не знает этих городов, кто не бывал там в театре. В Гамбурге находится старейший в Германии оперный театр, построенный еще в 1678 году. Попасть на хорошую постановку в известный театр — довольно трудная задача. Кстати, одно из немногих мест в Германии, где можно вдоволь настояться в очереди, — это кассы театров. Кроме того, быть заядлым театралом в Германии — удовольствие не из дешевых, а значит, и ходят здесь в театры весьма состоятельные люди. Это наблюдение конечно же не могло пройти для меня незамеченным.

Глава 25

И вот однажды, незадолго до дня рождения Ларисы и Сергея, мне по случаю удалось купить четыре билета на «Лебединое озеро». Я был уверен, что лучшего подарка к такому торжественному дню быть не может. Тем более что это балет, написанный соотечественником. Таким образом, совместив приятное с полезным, ибо вместе с билетами по счастливому стечению обстоятельств я «приобрел» еще и дорогие швейцарские часы, которыми, видно, так дорожил их незадачливый хозяин, что чуть ли не каждые две минуты смотрел на них, будто любуясь их красотой. «Ну, посмотрел, и будет», — решил я, когда он уже выходил из очереди, высоко подняв голову и высматривая кого-то.

Ужин по случаю дня рождения брата и сестры проходил в том же дорогом элитном ресторане. Близился час премьеры, а потому незадолго до того мы покинули один храм, чтобы перекочевать в другой. Конечно же, мне приходилось бывать как «по работе», так и ради собственного удовольствия в разных театрах разных городов нашей необъятной страны, так что меня здесь уже трудно было чем-то удивить, но вот публика… Здесь она была абсолютно другой, и потому мое внимание было приковано именно к ней. Изысканность манер и утонченность вкуса чувствовались буквально во всем, но было и еще что-то. Раскованность и раскрепощенность — вот что было в избытке у этой публики и чего так явно не хватало нашей. Такие характерные особенности поведения людей мог заметить лишь человек, прибывший из «передовой страны развитого социализма», и он обязательно должен быть либо театралом, либо вором-гастролером.

Да, я правильно заметил, именно раскованность и раскрепощенность чувствовались у этих людей буквально во всем. Это и немудрено — ведь им не нужно бояться ЧК и того, что на следующий день их спросят в одной из «контор», с каких доходов приобретена та или иная драгоценность, которая красовалась вчера на груди или в ушах их благоверных дам?

Но как раз таки эти две характерные особенности высшего театрального света Гамбурга и подтолкнули меня к тому, что я задумал. Ну да ладно, все по порядку. Говорить о том, что фойе театра, помимо красот интерьера времен прусских королей, еще и блистало от присутствия здесь прекрасных дам и украшений, пожалуй, излишне. Казалось, что счастливы здесь были все. Мило улыбаясь и раскланиваясь друг с другом, они прохаживались парами по зеркальному паркету огромного вестибюля, а на их

счастливых лицах было написано умиротворение.

Но я решил нарушить их покой. В тот день, когда мои друзья наслаждались Чайковским, я был поглощен собственными мыслями. Впервые за этот вечер я пожалел, что пришел не один. Как хорошо здесь можно было «откупиться», а главное, легавые — их здесь не было вовсе! А что им здесь было делать? Ведь это был театр, а не полицейский участок, в отличие от наших мусоров, для которых и то и другое являлось лишь объектами для слежки.

В антракте я заметил средних лет мужчину приятной наружности, с манерами женского угодника и светского льва, который пытался галантно ухаживать за одной неказистой и дородной дамой. Такой контраст не мог не привлечь моего внимания, и я не в кипеш стал наблюдать за этой парой. К началу второго акта у меня уже сложилось определенное мнение на их счет. В тот момент дали третий звонок, и я специально рассчитал так, чтобы мы с Ларисой вошли в амфитеатр сразу за этой парой.

Мои последние сомнения исчезли в тот момент, когда я услышал речь кавалера. Наряду с самыми галантными комплиментами на немецком в его речи проскользнула одна очень знакомая мне с детства реплика.

Сомнений быть не могло: это был еврей по национальности, марвихер по масти, а самое главное, корни у него были русскими — за это я мог ручаться головой.

Он обладал счастливой наружностью, неотразимой для женщин и неприятной для всех мужчин. Черные волнистые волосы бросали тень на гладкий загорелый лоб, а ровные, широкие, словно нарисованные, брови придавали томность и глубину карим глазам с голубоватыми белками. Что касалось женщины, то она была обыкновенной жертвой.

Марвихеры — давно забытая воровская масть в России конца XIX века. Они обычно специализировались на очень богатых «клиентах», были недурны собой, одевались с определенным шиком, владели иностранными языками и тонко разбирались в людской психологии. Как правило, они присматривались к постоялицам гостиниц и посетительницам дорогих ресторанов и театров. В матушке-России эта «специальность» давно уже вымерла, и лишь только Москва и Питер могли еще как-то похвастаться верностью воровским традициям глубокой старины.

За все мое двухнедельное пребывание в Германии это был первый человек из преступного мира, которому я был в какой-то степени рад. Видимо, оттого, что нас многое роднило. За исключением, впрочем, одного: я не имел ни малейшего пристрастия к тому, чтобы влюблять в себя и обирать состоятельных дам. И теперь, слушая чудесную музыку, я уже

строил воровские планы на ближайшее будущее, которое не заставило себя ждать.

Глава 26

На следующий день, встав как можно раньше, чтобы избежать ненужных расспросов, я улизнул из дому и, побродив по городу, пока не откроются кассы театра, подъехал к нему и стал в очередь. Пробыл я там почти целый день, но зато к вечеру в моих руках были два заветных билета на одну из опер Вагнера, премьера которой планировалась через несколько дней.

Один Бог знает, как я ждал этого вечера, даже моей подруге это показалось странным. Человеку непосвященному понять меня будет непросто. Наконец-то я вновь вступал в игру, выходил на охоту, по которой уже начинал заметно скучать и которой мне так не хватало среди всей этой роскоши и комфорта.

Я не хочу сказать, что деньги для меня ничего не значили, конечно же нет, в моих помыслах они всегда оставались на первом месте, за исключением тех немногих моментов, когда я был в кого-то по-настоящему влюблен. Но в тот момент я жаждал риска. Как воздуха, без которого я не мог жить.

Дурные мысли — самоубийство души. В них-то и заключается отрава. Мечта привлекает вас, обольщает, заманивает, затягивает в свои сети, превращая затем в своего сообщника: она делает вас соучастником в обмане совести. Она одурманивает, а потом развращает. О ней можно сказать то же, что и об азартной игре. Сперва человек становится жертвой мошенничества, затем начинает плутовать сам.

В день премьеры, за несколько часов до начала спектакля я стоял в сторонке от главного входа в сквере напротив, так чтобы в поле моего зрения попадал весь периметр фасада здания вместе с кассами, и, пристально вглядываясь в уже давно образовавшуюся толпу, терпеливо ждал. Я почему-то был уверен в том, что Хаим, как я уже успел окрестить про себя этого марвихера, приедет сюда именно в это время, и моя интуиция не подвела меня и на этот раз.

Уже минут двадцать я наблюдал за тем, как этот пронырливый тип протискивался в толпе шикарно разодетых дам, разглядывая их так, будто приценивался, выбирая покупку, а на самом деле определяя на глаз, кто из них ждет кавалера, а кто и запоздавшего фраера с лишним билетиком. Но все это можно было видеть только натренированным глазом преступника, не иначе. И в тот момент, когда он задержался на какое-то мгновение, по всей вероятности, прицеливаясь к одной из намечаемых им на сегодня жертв, я решил, что пора действовать, и вступил в игру.

Незаметно подкравшись сзади, я тихо спросил его на плохом иврите, который знал немного, но так, чтобы он понял по произношению, откуда я родом: «Слиха, джир дафэн иберике билетик?» Хаим чуть не поперхнулся от неожиданности, услышав такой знакомый до боли диалект советских евреев эпохи развитого социализма, резко обернулся в мою сторону и, видимо, сам того не замечая, ответил мне вопросом на вопрос так, как ответил бы клиенту метрдотель ресторана «Красный» в славном городе Одессе, на чистом русском языке:

— Что вам угодно, милейший? Чем может быть вам полезен бедный еврей?

— От бедного еврея необходима маленькая помощь, чтобы он впоследствии смог купить себе, в виде деликатеса, кусочек ливерной колбаски к чаю, — мило улыбаясь, проговорил я, внимательно наблюдая за его реакцией. Пока он приходил в себя и молча пережевывал информацию, я продолжил: — Мне нужна ваша помощь, только и всего, совсем незначительная помощь, которая к тому же вам ничего не будет стоить, скорее наоборот, вы неплохо заработаете.

— Как это хорошо знакомо: «Ничего не делать и при этом что-то иметь!» Азохенвей, за кого ви меня принимаете? Неужели я так похож на идиота?

— Ну что вы, что вы, милейший, как можно, разве посмел бы я назвать идиотом еврея, да еще и марвихера в придачу? Я же еще не сошел с ума!

С этого момента Хаим преобразился, резко поменяв облицовку, и, вперив в меня пристальный взгляд, молча разглядывал человека, который так неожиданно напомнил ему о самых жутких днях его прежней жизни в СССР.

— Что вам угодно и кто ви такой? — уже тоном делового человека резко спросил меня Хаим после минутной паузы.

— Слишком много вопросов сразу, но у нас мало времени, и поэтому я вам отвечу очень коротко: Заур Золоторучка — карманный вор и особо опасный рецидивист к вашим услугам.

— А не скажет ли сей особо опасный рецидивист, в каких лагерях ГУЛАГа, в какое время он сидел и кто был при нем из порядочных людей?

— Отчего же не скажет, — уже безо всякой иронии продолжал я отвечать на его вопросы, — еще как скажет.

И я рассказал ему вкратце, в каких лагерях и когда я чалился, и перечислил Воров, с кем коротал то незабываемое время, ибо этот хитрец под порядочными людьми подразумевал конечно же именно Урок.

Мой ответ, безусловно, впечатлил его, и он немного

задумался. Время летело неумолимо, но я терпеливо ждал, ибо выбора у меня не было. Наконец Ёся, так в действительности звали этого еврея, заговорил, но уже на несколько тональностей ниже:

— Ви меня должны правильно понять, уважаемый коллега, мы не на воркутинском вокзале, а потому без какой-либо обиды и для большей ясности позвольте мне задать вам еще один вопросик?

— Да хоть два, — с готовностью и не задумываясь ответил я.

— Благодарю вас, ви очень любезны.

И он действительно воспользовался моментом и задал мне не два, а, пожалуй, двадцать два вопроса, пока не убедился в том, что я именно тот, за кого себя выдаю.

— Борух хони, борух хони, — проговорил марвихер, — ви не из Интерпола, ви свой. — Он мгновенно преобразился, приосанился и, как и положено воспитанному человеку, постарался представиться: — Красавчик Моня, или Ёсик Фенерман, к вашим услугам.

«Поистине пути Господни неисповедимы», — в какой уже раз в жизни отметил я про себя. Кого не встретишь на Матросской Тишине или в Бутырском централе в Москве, можно запросто повстречать в оперном театре Гамбурга.

Дело в том, что по ходу пьесы выяснилась очень интересная деталь. Оказывается, мы с Ёсей одновременно чалились в Устимлаге, но находились на разных командировках. Он сидел на Вэжээли, а меня развозили по всей управе и даже за ее пределы. И когда я находился на положении на пересылке, на станции Весляна в Коми АССР, он проходил через нее этапом, слышал, кто смотрит за общаком, но в лицо меня никогда не видел.

— Надо же, такая встреча, Заур, мне кажется, что театр можно на сегодня отменить и вспрыснуть это событие, как и положено, чисто по-арестантски, — сказал мне Ёся после всех своих вшивых промацовок так, как если бы мы сидели на нарах и дело шло о варке кругаля чифиря.

— Ёся, дорогой, — уже совсем по-дружески перебил я марвихера, — сейчас нет времени, вспрыснем чуть позже.

И я подробно объяснил ему то, ради чего затеял всю эту катавасию.

По мере того как я втолковывал ему суть предстоящей делюги, глаза его начинали поблескивать, и в конце беседы он преобразился окончательно. Ему явно понравилась роль, которую я отводил ему в предстоящем спектакле.

Еще бы, ведь главное для него — минимум риска и максимум прибыли, как я и обещал. В принципе с самого начала я на это и

рассчитывал, а как же еще можно было вовлечь в это рискованное предприятие такого человека? Но я никак не мог ожидать того, что этот марвихер окажется в прошлом арестантом ГУЛАГа. Это обстоятельство (имелась в виду воровская доля) круто меняло дело, но не саму его суть.

Билет мой Ёсе был конечно же не нужен, и я отдал его просто так молодой, элегантно одетой даме. Такие подарки здесь не приняты, но я как мог, по-простецки постарался внушить ей то, что этот поступок обусловлен исключительной загадочностью русской души, о которой так любят посудачить в мире.

Глава 27

Ёся, как и любой порядочный еврей, знал толк в драгоценностях намного лучше меня, а потому в этом плане ему отводилась главенствующая роль.

Выбор он сделал почти мгновенно, как только мы оказались в фойе театра. Дама постбальзаковского возраста. Черные как смоль волосы гладко зачесаны, открывая довольно красивое лицо с поблескивающими карими глазами. Она была в вечернем малиновом платье с вырезом, обнажавшим плечи. Два рубина, величиной с голубиное яйцо, висели на мочках ее ушей как сгустки крови. На руке, которой она опиралась на своего кавалера, сверкало кольцо с таким же камнем. Ее шею, уже заметно дряблую и покрытую густым слоем пудры, украшало изумительной красоты колье из сапфиров, обрамленных редчайшими желтыми бриллиантами.

Это было произведение ювелирного искусства, на которое можно любоваться целую вечность, но у меня, к сожалению, на это не было времени. Всего несколько секунд — либо при выходе из зала во время антракта, либо при входе в зал после него. Все зависело от обстоятельств и воровского фарта. Ёся, как я и ожидал, оказался способным малым и мой маленький урок претворил в жизнь с ловкостью старого и опытного ширмача. Благоприятная ситуация настала, лишь когда дама под руку со своим кавалером входила после второго звонка, прозвучавшего в антракте, в зал. Это был худший из вариантов, но других мне больше бы не представилось. Я знал это наверняка и решил работать.

Дело в том, что еще до начала представления мне потребовалось некоторое время на то, чтобы, прохаживаясь неподалеку от этой парочки, изучить застежку на колье дамы. Конечно же, я знал их великое множество, и, как правило, на очень дорогих украшениях все они были одинаково сложны. Наконец, убедившись в том, что я справлюсь с возложенной на себя задачей, я цинканул Ёсе, чтобы он начинал потихоньку заходить вперед, а сам тем временем стал приближаться к терпиле сзади.

Когда она была уже почти зажата между нами, я кашлянул и, вытащив марочку, решил проверить чувствительность этой особы.

— Entschuldigen Sie mir bitte, Frau, — сказал я на всякий случай в никуда, но все равно никто не обратил внимания на мой маневр. Ёсе достаточно было под любым предлогом на миг остановиться перед дамой, чтобы я успел прикрыть несколько

пальцев программкой, которую держал в левой руке, а правой на долю секунды остановить руку с платочком, которую я медленно подносил к своему лицу, возле шеи дамы и умудриться таким нехитрым образом расстегнуть застежку так, чтобы она этого не почувствовала.

И это у меня получилось.

Длинным ногтем мизинца левой руки, который в любых условиях я всегда отращивал по привычке, я поддел замок и чуть повернул палец влево, а двумя пальцами правой руки поддел и надавил на пружинку так, что она с силой оттолкнула замочек в сторону. Лишь чудом, в последний момент, я сумел поймать один конец цепочки и держал его, прижав к шее терпилы, чтобы она продолжала чувствовать привычный холодок золота, потому что проделанной работы было недостаточно.

В следующее мгновение, когда еще только один конец колье был зажат двумя пальцами в правой руке и оно выпрямилось, как гремучая змея, вдоль левой стороны тела женщины, я, как бы споткнувшись ненароком, сделал неожиданный полуповорот и очутился таким образом прямо перед ее грудью, «по ходу пьесы» опуская колье в подставленную для этого ладонь левой руки. Оно упало туда, как шар в лузу. Еще один момент потребовался на то, чтобы я вновь извинился за свою неуклюжесть и растаял в толпе.

Эта операция требовала такой сноровки, которой обладал далеко не каждый. В этом мгновении и заключалось все то, что я чуть раньше пытался объяснить неискушенному читателю: неповторимое ощущение риска, кайф, который был так необходим карманному вору, и, конечно же, жажда прибыли. Кстати, на этот раз она оказалась немалой, даже по меркам Запада.

Глава 28

Неторопливо, с достоинством истинного ценителя прекрасного, которого неотложные дела вынуждают покинуть дивный храм искусств, я забрал в гардеробе свое пальто, кашне и шляпу и, покинув театр, вышел на улицу. Прохаживаясь, как и несколько часов тому назад, в сквере, левой рукой я ощущал в кармане холод драгоценных камней, а глазами рыскал по всему периметру театрального фасада до тех пор, пока примерно через полчаса в дверях не появился Ёсик.

Я окликнул его, и, ничего не говоря друг другу, мы сели в одно из дежуривших возле входа в театр такси. Так же молча, не доезжая до какого-то супермаркета, расплатившись, мы вышли из машины.

— Ну что, с покупкой, что ли, бродяга, — сказал мне, улыбаясь, Ёся, и мы ударили друг друга по рукам, как это делают в американских фильмах.

Ёся потащил меня куда-то в обратную сторону. Миновав квартал, мы перешли через дорогу и, обогнув несколько переулков, очутились возле фасада шикарного пятизвездочного отеля «Хилтон».

— Это моя берлога, — загадочно улыбаясь, успел проговорить мне Ёся в тот момент, когда шнырь открывал нам двери в эту обитель благополучия и благосостояния тех немногих, кто мог позволить себе поселиться в его апартаментах.

— Нехило, — ответил я, когда мы уже шли по цветному паркету огромного зала, залитого множеством огней. Ёся взял ключи у портье, и, поднявшись к нему в номер, мы заказали несколько бутылок шампанского «Монте-Белло» и все то, что к нему полагалось.

Через несколько минут мы наконец-то вспрыснули знакомство и удачно проведенную делюгу чисто по-жигански, как и положено было в наших кругах.

Так непривычно было слышать тосты, один из которых гласил: «За матушку-удачу и сто тузов по сдаче, за жизнь воровскую и смерть мусорскую», другой: «За тех, кто там», в одном из лучших отелей Гамбурга, вдали от суетной России и проклятого всеми ГУЛАГа.

Это надо было видеть, нет, скорее ощутить: вот когда впервые за многие годы заточений и невзгод я наконец-то почувствовал себя белым человеком. Я сидел, закинув ногу на ногу, на шикарном кожаном диване, держа в руке бокал шампанского одного из лучших сортов, молча слушал рассказы своего

подельника и вкушал все прелести, которые нам может предоставить случай.

Когда Ёся немного захмелел, то позволил себе маленькую грубость по отношению ко мне, признавшись, что уже не надеялся увидеть меня больше, поэтому и не спешил из театра, но потом опомнился и извинился. Я его понял и не обиделся, особенно после того, как он рассказал, что пришлось ему пережить, прежде чем он соскочил с Союза в Израиль.

Мы были с ним почти одногодки. Он был марвихером по большому счету, знал, как и положено, несколько языков, поэтому и неплохо ориентировался в разных странах. На этот раз он прибыл в Гамбург из Голландии с одной старушкой-миллионершей, но по приезде у нее разыгралась то ли мигрень, то ли еще какая-то болячка, и она отправилась восвояси, оплатив, правда, счет в отеле на месяц вперед, а он стал искать очередную «благотворительницу», пока не повстречал вместо нее меня. Как я уже успел упомянуть, Ёся прекрасно разбирался в драгоценностях и оценил эту цацку в пятьдесят тысяч долларов, не меньше.

— Ну что ж, ты в курсе этих дел, тебе и карты в руки, — сказал я ему, расставаясь, доверительно кивнув напоследок.

Глава 29

Домой я попал за полночь, слегка пьяным и в прекрасном расположении духа.

— Уж не нашел ли ты здесь себе немочку младую, а, добрый молодец? — с некоторой долей иронии, улыбаясь, спросила у меня Лариса, когда я попытался потихоньку прокрасться к себе в комнату, скрипя новыми лакированными штиблетами. Я даже не обратил внимания на то, что на моей кровати кто-то лежит.

— Фу ты, черт, напугала как! Что, делать больше нечего, как шастать по чужим кроватям? — проговорил я с той же иронией, почти шепотом в ответ, скинул на ходу туфли с клифтом и бросился, как пловец-ныряльщик, в ее теплые объятия.

Где я был и что делал все это время, ее уже не интересовало, потому что мы тут же отдались друг другу, как два голодных леопарда, а в постели любая женщина почти сразу чувствует измену. Так что объясняться не пришлось, хотя у меня на этот счет оставалась на всякий случай давно придуманная красивая легенда.

В последующие дни мы виделись с Ёсей почти каждый день, я даже познакомил его с Ларисой. Колье он выгодно спихнул, и мы поделили деньги поровну.

И вот в один из знаменательных дней этого прекрасного союза — годовщины помолвки Сергея с Наташей, в знак искренней благодарности за внимание и уважение, я подарил хранительнице этого семейного очага изумительной красоты перстень с огромным бриллиантом голубой воды. Наташа, конечно же, была в восторге от такого подарка.

— Боже мой, красота-то какая! Мне таких подарков еще никто не дарил, даже не знаю, как и принять его, Заур, — говорила она, все время меняя положение ладони, любуясь игрой граней бриллианта и сверкая глазами от удовольствия.

— Ну что вы, Наташенька! Вы одна достойны всех драгоценностей на земле, вместе взятых, так что перстень этот — ничто по сравнению с вами.

Комплимент, в отличие от подарка, она приняла уже без лишних слов, но с тех пор Лариса не отпускала меня от себя ни на шаг. Сколько мне при этом пришлось услышать нотаций и наставлений, один Бог знает! Дошло до того, что я пригрозил ей, что уеду куда глаза глядят, если она будет вести себя со мной как рабовладелица.

— Я — вольная птица и делаю все, что хочу. Не нравится — сказала бы сразу, ведь ты знала, что я вор?

После подобных слов обычно следовало возмущение моим необузданным и тупым воровским нравом, затем минуты откровения и слезы. Венчала ссору конечно же постель, где все прощалось и забывалось, но только на время.

Так продолжалось несколько дней, пока все же я не сдался и не согласился на ее круговую опеку. Вскоре я распрощался и с Ёсей, взяв у него израильский адрес, где он жил в Хайфе вместе с сестрой, тетей и племянниками. Он приглашал меня в гости в любое время года, обещая познакомить с очень умными и нужными людьми.

— Приезжай, Заур, обязательно, — напутствовал он меня на прощание фразами из языка горских евреев Дагестана — татов, которому я успел его немного научить: «папа муно», — потом будет что вспомнить, не пожалеешь!

— Приеду, Ёся, обязательно приеду, иншалла, — пообещал я ему уже на аэровокзале у стойки личного досмотра багажа. Так мы и расстались с этим марвихером, надеясь на то, что в недалеком будущем все же бросим вместе якоря в каком-нибудь одном и том же порту.

Уже почти месяц мы гостили в Гамбурге. Сергей в скором времени собирался ходатайствовать о продлении наших виз, действовавших всего в течение месяца. У меня были далеко идущие планы.

Для начала я хотел повидаться с Валерией, но, конечно, не для того, чтобы только напомнить ей о себе. Ее покой и счастье для меня были далеко не безразличны, просто я хотел увидеть сына откуда-нибудь издали, чтобы не травмировать ребенка.

Безусловно, я мог бы это сделать и раньше, исчезнув на несколько дней и съездив в Берлин, но в то время еще существовали две Германии: Гамбург находился в ФРГ, а Берлин — в ГДР, так что возникали многочисленные проблемы, и я отложил предстоящую встречу. Но, как говорится, что Бог ни делает — все к лучшему…

После отъезда Ёси в Израиль я оказался всецело во власти своей подруги. Уже немного раскумарившись в оперном театре, я и не думал пока ни о чем другом. Лариса окружила меня поистине царским вниманием и заботой. Так продолжалось какое-то время, но ничто не вечно под луной. Что касается счастья — крайне самонадеянно быть уверенным в непреходящем блаженстве, тем более что это зависит не только от людей, но и от обстоятельств.

В очередной раз позвонив в Москву, я узнал от Леночки, что Лимпус, находившийся в ЛТП где-то рядом с Тбилиси, порезал какого-то фраера и ожидает раскрутки в тбилисской тюрьме.

Леночке звонил кто-то из братвы и просил, чтобы мы приехали и выручили его.

Требовались большие деньги, а поскольку это Грузия, сумма возрастала минимум вдвое. Конечно, Валера мог бы и не беспокоить меня по этому поводу, поехать сам и сделать все как надо, благо лавэ у него было. Но он лежал в больнице, и ему предстояла сложная операция желудка. Старые лагерные болячки часто связаны с язвой. В общем, мне светило небольшое путешествие к родным пенатам.

Есть встречи, которые ко многому обязывают, есть случайности, которые призывают нас к исполнению долга, — это была одна из таких случайностей. Как мало мы знаем тех, кто любит нас, постоянно бывает рядом и старается сделать все от них зависящее, чтобы отвести от нас беду! И какими мы порой бываем эгоистами и слепцами!

— Едем вместе, друга надо выручать, — сказала, не задумываясь, Лариса, когда узнала, что к чему. — Я с тобой, Заур, до конца, не беспокойся и не думай ни о чем плохом.

Не зная еще, что у меня в загашнике была немалая копейка, она и здесь проявила свойственную ей щедрость.

— Что касается денег, то на этот счет можешь быть спокоен, их у нас будет столько, сколько потребуется. Я люблю тебя, Заур, и сделаю все, чтобы ты всегда оставался таким, какой есть.

В этот момент я понял яснее, чем когда-либо, что преданность и вера — чувства великие и во всей полноте не могут существовать в человеке как бы между прочим. Они — подлинная страсть. Я крепко обнял ее и нежно поцеловал.

Любовь приходит к нам от Бога. Не в нашей власти зажечь ее в своей груди, как зажигают светильник на алтаре. Но в нашей власти сделать все от нас зависящее для того, чтобы тот, кто любит нас, не чувствовал себя ни в чем обделенным. Пусть то, чем я пытался одарить ее за любовь, было не чем иным, как страстью и похотью, но мне казалось тогда, что таким образом я поступаю как порядочный человек.

Ведь один Бог знает, что могло произойти, если бы я сказал ей, что люблю другую. Впрочем, можно ли лжеца назвать порядочным человеком? Конечно нет! Человеку, обманувшему чувства женщины, как правило, впоследствии приходится очень дорого платить за содеянное.

Иногда расплатой бывает и сама жизнь, но чаще всего — это сердечная пустота и одиночество души, а это состояние порой хуже, чем смерть.

Часть III
Вольная птица

Глава 1

На сборы в дорогу времени было затрачено совсем немного, около суток. Лариса привела в порядок кое-какие бумаги, сделала необходимые записи и расчеты: у них с братом был общий бизнес, охватывавший некоторые торговые точки как Гамбурга, так и Москвы. Что же касалось ее работы переводчицей в МИДе, то она была в отпуске, который должен закончиться еще не скоро. Перед нашим отлетом она сделала один звонок в Москву и сообщила, что задержится. Я также позвонил в Златоглавую и предупредил Леночку о том, что в самое ближайшее время буду рядом.

На следующий день водитель Сергея отвез нас с Ларой в аэропорт, который находился прямо в центре города. С хозяевами мы простились еще накануне, так что теперь могли спокойно и без лишней суеты пройти все препоны личного досмотра и сесть в самолет.

Я глядел в иллюминатор на город, который лежал подо мной, мне не было ни грустно, ни тоскливо, как это обычно бывает с теми, кто покидает уже насиженное место, зная почти наверняка, что предстоящий вояж не сулит ему ничего хорошего, кроме сознания исполнения долга. Я покидал этот город безо всяких сожалений, почему-то очень уверенный в том, что скоро вернусь сюда, по крайней мере, если и не в Гамбург, то в Германию уж наверняка, дал бы только Бог здоровья…

Лариса как будто подслушала мои мысли.

— О чем ты так задумался, Заур? Как вновь вернуться сюда?

— Ты угадала, дорогая, именно об этом.

— Дай-то Бог, чтобы все произошло именно так, как мы того желаем, милый, — как-то загадочно проговорила она и, закрыв глаза, углубилась в свои мысли. И только по уголкам ее губ, которые иногда вздрагивали, можно было определить, что она не спит. Но минут через пятнадцать, когда я хотел у нее что-то спросить, Лариса уже мерно посапывала, склонив голову набок и как-то странно обняв руками живот. Я аккуратно поправил ее голову и нежно поцеловал в теплую щеку.

Хотя предыдущая ночь и была для нас по-настоящему бессонной, тем не менее в самолете сон покинул меня начисто. Мысли, одна круче другой, обгоняя друг друга, будоражили мое необузданное воображение. Я думал о друге и представлял, каково ему там сейчас. Вот попал, бедолага, в омут! Не успел от одного кошмара избавиться, так на тебе, еще один!

Находясь в свое время в Баилове и встречая этапы из Грузии, которые шли через бакинскую тюрьму транзитом, я слишком

хорошо знал, что представляли собой грузинские тюрьмы и лагеря конца восьмидесятых, — это был полный ментовской беспредел. Что же касается инцидента, который произошел с моим корешем, то здесь явно просматривалась чья-то подлая и коварная подстава.

Лимпус был, конечно же, по-кавказски горяч и духовит не в меру, что и говорить, но, тем не менее, он никогда не позволял себе ничего, что шло вразрез с воровской этикой, тем более по отношению к человеку, находящемуся вместе с ним в заключении. Я знал это наверняка, а значит, тот, кого он порезал, был либо законченной мразью, либо обстоятельства вынудили моего подельника пойти на самый крайний шаг, который только может совершить арестант.

В дальнейшем, как я и предполагал, так оно и вышло. Но для того, чтобы разобраться в создавшейся ситуации, особого ума не требовалось, ведь это наша общая жизнь.

Вообще, интересная складывалась ситуация. Пройдя такой короткий и жестокий отрезок жизненного пути, мы вновь оказались вместе, но теперь уже в разных ЛТП разных союзных республик, причем и здесь злой рок по-прежнему преследовал нас. Меня, можно сказать вынужденно, легавые заставили уйти в побег, и я по чужим документам скитался по миру, а Лимпуса какое-то ничтожество, опять-таки по наущению тех же легавых, вынудило применить нож, и теперь он находился под раскруткой. «Но что произошло, то произошло», — думалось мне. Я делал все, что мог, и никогда потом не сожалел о случившемся. Я просто ожидал новых поворотов судьбы, сравнивал их с происшествиями, бывавшими со мной ранее, и делал выводы.

Так незаметно в думах и переживаниях пролетело время пути, и через три с лишним часа самолет произвел посадку в аэропорту Шереметьево. Лариса выспалась и была в приподнятом настроении. Прямо с аэровокзала мы поехали на ту же Сережину квартиру, в которой жили перед отъездом.

По дороге я поймал себя на мысли, что уже почти перестал опасаться запала. Я так спокойно проходил таможенный досмотр, что даже Лара удивилась моему спокойствию и старалась не акцентировать на нем свое внимание, чтобы не шугать меня.

Первым делом я звякнул Харитоше домой, узнать, как он там, а Лара договорилась с их семейным адвокатом о предстоящей на завтра поездке на Кавказ, переговорила с какой-то знакомой кассиршей о билетах, затем по междугородке позвонила в Тбилиси и заказала в гостинице «Иверия» два номера люкс. На все про все у нас ушло чуть больше часа, и только после этого мы смогли, наконец, поехать в больницу и навестить нашего друга.

Харитоша чувствовал себя неплохо, ведь рядом находилась такая заботливая няня, как Леночка, так что, если бы не предстоящая послезавтра операция, за него можно было не волноваться. Но и наехать на него чисто по-жигански мне тоже пришлось.

Дело в том, что, зная, что ему предстояла одна из самых сложных операций на желудке, и имея столько денег в гашнике, он без моего ведома не взял из них ни копейки. А ведь действие-то происходило в Златоглавой, и кому, как не ему, было знать, что бесхозных и некредитоспособных бедолаг в таких заведениях, как это, просто списывают со счетов, даже не приступив к операции.

Как тут не злиться и не ругаться?

Я рвал и метал от злости. Давно я так не нервничал.

— Плевать я хотел на твою порядочность, идиот, ведь я твой самый близкий друг! — с яростью кричал я на него, не обращая никакого внимания ни на тех, кто находился рядом с ним в одной палате, ни на наших женщин, но кореш мой молчал и смотрел куда-то мимо меня в окно.

Тут, конечно же, досталось и Леночке, хотя она, бедолага, даже и не знала, что у них дома лежит столько денег. Я попросил Лару, чтобы она тут же навела коны и сама отстегнула хирургам столько лавэшек, сколько они запросят, не забыв при этом и лечащего врача, а сам, уже немного успокоившись, обсуждал с больным корешем предстоявшую мне в самом скором будущем миссию.

Меньше часа хватило моей благоверной, чтобы уладить все финансовые и прочие вопросы, связанные с операцией и дальнейшим выздоровлением моего друга, затем мы простились с обоими дорогими мне людьми.

Я так и не сказал Ларисе, откуда у меня столько денег, но и она с присущим ей тактом не спрашивала об этом. Более того, она, как и обещала еще в Гамбурге, сама раздобыла немалую сумму.

Глава 2

На следующий день после обеда мы поехали в аэропорт, где нас уже ожидал адвокат. Это был невысокого роста толстенький еврей в очках в роговой оправе, довольно-таки приятной и доброй наружности, с тощим портфелем в руке и бородкой клинышком. На вид ему можно было дать за пятьдесят, хотя на самом деле было шестьдесят два года. Приятно картавя и почти не выговаривая несколько букв, он поздоровался с нами, по-деловому и крепко пожал мою цапку, а Ларисе поцеловал протянутую ею с улыбкой руку. Я не выдержал и отвернулся, чтобы не рассмеяться, ибо это зрелище здесь, в советском аэропорту, выглядело не столько смешным, сколько непривычным.

Через несколько часов, пройдя втроем уже успевший надоесть мне досмотр ручной клади, мы сидели в самолете «Внуковских авиалиний», который разворачивался в небе над столицей, чтобы взять курс на Тбилиси. Свой паспорт татарина-москвича я не стал менять на узбекский, потому что, как и прежде, московская прописка действовала на любые правоохранительные органы магически, особенно на Кавказе.

Адвокат наш, закрыв глаза и шевеля одними губами, шепотом читал какую-то молитву на иврите, Лариса мило улыбалась, глядя на него, а я молча благодарил Аллаха за то, что он уже сделал для нас и что еще наверняка сделает.

Когда самолет, набрав нужную высоту, шел по намеченному курсу, Лара, еще недавно казавшаяся спящей красавицей, вдруг открыла глаза, грациозно повернула ко мне голову, как-то по-особенному нежно взяла меня за запястье и, положив руку на свой живот, вновь закрыла свои дивные очи.

Хотя под моей ладонью пока еще ничто не шевелилось, тем не менее нужно было быть идиотом, чтобы не понять: она беременна.

Только сейчас мне стали ясны некоторые странные черты ее поведения в последнее время. Теперь все было упорядочено и стало на свои места. А я уже стал тревожиться за ее здоровье… Но как я мог догадаться? Разве я был добропорядочным семьянином? Или что-нибудь смыслил в этих делах?

Я смотрел на нее и не знал, что сказать. Складывалась такая щекотливая ситуация, при которой любое неосторожно сказанное мною слово, неуместная реплика или даже неверная интонация могли бы привести к непоправимым последствиям, так что я старался быть просто самим собой.

Думать и переживать о судьбе еще не родившегося маленького создания не приходилось, ибо у него, еще не появившегося на свет, было все, о чем только может мечтать человек, в отличие от меня, его отца, у которого, можно сказать, не было ни кола, ни двора, ни флага, ни родины.

Что я мог предложить ему в будущем? Воровскую честь? Или бродяжий дух? Что же касалось женитьбы на его матери, то об этом не могло идти и речи по многим причинам, одна из которых — главная — мой образ жизни.

Лариса была умной женщиной и прекрасно все понимала, но верила в то, что одной ее любви хватит для того, чтобы проложить мосты между моим прошлым, настоящим и будущим. «Ну что ж, — думал я, — пусть будет так, как она хочет, зачем разрушать надежды?» Взяв ее руку в свою, я поднес ладонь к губам и, нежно поцеловав, прижал ее к своему сердцу, дав ей понять этим жестом состояние моей души. Так продолжалось несколько минут, пока она не открыла глаза и не произнесла целый монолог:

— Любовь моя, я понимаю твои переживания и догадываюсь о том, что может ожидать нас в будущем, но поверь мне, лишь только смерть сможет разлучить меня с тобой. Если же это будет тюрьма, то можешь не беспокоиться: где бы ты ни был, я все равно найду тебя там и выручу. Что касается нашего будущего ребенка, то одна только мысль о нем придает мне энергию и силу, которой я смогу свернуть любую гору. Ты ведь знаешь, что воспитан он будет в лучших европейских традициях и, скорее всего, даже не у нас в стране и не будет ни в чем нуждаться. Сбываются все мои мечты, мой родной, и я даже не могу передать словами свою благодарность! Ведь я никогда не рассказывала тебе о том, что много лет назад, после того как я сделала аборт, не желая, чтобы у моего ребенка был такой отец, каким был мой первый и последний супруг, консилиум врачей вынес мне свой безжалостный вердикт — бесплодие. И вот теперь Всевышний решил смилостивиться надо мной и осчастливил Своим поистине божественным подарком! Я знаю, по каким принципам ты живешь, и не хочу навязывать тебе ничего в надежде на то, что когда-нибудь ты образумишься. Так что Бог тебе в помощь, Заур, поступай так, как считаешь нужным, и ни о чем не переживай!

В момент этого страстного порыва и душевного откровения моей подруги мы буквально пожирали друг друга глазами, отчего стали близки еще больше. Но это был салон самолета, а не шикарная спальня ее брата, так что моей принцессе оставалось лишь положить голову на мое плечо и заснуть сном праведницы и будущей мамы, а мне охранять ее драгоценный покой.

Да, не без иронии подумал я в тот момент, когда Лариса мило улыбалась во сне, история, как ни странно, в какой-то степени повторяется. Две лучшие подруги, от каждой из них по ребенку, связующее звено — Германия и все та же ирония судьбы… Вот и загадывай что-то на будущее, строй какие-то планы… Уже в который раз в жизни понял я простую истину: что суждено, того не миновать, и только одному Всевышнему известно все наперед.

Незаметно задремал и я, нежно обняв и прижавшись к этому милому и ставшему с некоторых пор для меня уже поистине дорогим созданию. И только чуть позже я понял, почему она сообщила мне о своей беременности именно в самолете, который, по сути, вез нас в неизвестность, хотя сама узнала об этом намного раньше, еще в Гамбурге. Тогда же мне пришло на память ее поведение и ярость дикой кошки, когда она набросилась на меня, поняв, что я не просто балуюсь, а продолжаю красть и здесь, в Германии, независимо от того, что судьба щедро предоставила мне на блюдечке сдобный крендель с повидлом.

Глава 3

Было уже темно и к тому же очень сыро, в воздухе витал аромат каких-то горных трав и можжевельника, когда мы спускались по трапу на посадочную полосу тбилисского аэропорта. Через несколько минут мы взяли такси, а еще через полчаса уже располагались в шикарных номерах местной гостиницы. Ночью, когда движение на проспекте Шота Руставели, где расположен отель «Иверия», почти стихло, мы с Ларой решили немного прогуляться. У меня было немало друзей-грузин, в том числе и жителей Тбилиси, а среди них, конечно же, и Урки, но к ним я решил обратиться в последнюю очередь.

Я слишком хорошо знал, какую травлю на Воров организовал в то время в Грузии их новый министр МВД. Урки, можно сказать, находились в подполье, и найти того или иного Вора было не так-то просто, тем более приезжему бродяге. Были и другие детали, не допускавшие спешки. Дело в том, что, еще только расположившись в гостинице, Яков Соломонович, так звали нашего адвоката, не тратя драгоценного времени, тут же ночью прозвонил по своим каналам и успел выяснить некоторые подробности предстоящего дела. К счастью, они были обнадеживающими.

Оказалось, что терпила остался в живых и даже уже выписан из больницы. Это неожиданно открывшееся обстоятельство внушило нам уверенность. К счастью, наши предположения сбылись уже через две недели. Был московский адвокат, была куча денег и старые верные друзья, — что еще надо, чтобы вытащить кореша из советских застенков?

Более того, если мой срок уже истек 4 января 1989 года, но еще раньше я ушел в вынужденные бега, то у Лимпуса срок заканчивался лишь 4 января 1990 года, а он тем не менее был уже на свободе. Так что права народная молва: «Нет таких крепостей, которых не взял бы ишак, нагруженный золотом».

Ближе к майским праздникам, когда Абдул находился уже с нами, адвокат, довольный выигранным делом, покинул столицу солнечной Грузии, став намного богаче, чем был, а мы остались здесь еще на некоторое время.

Пока Лариса, любуясь городом, разъезжала на машине с провожатым, которого ей любезно предоставили друзья Лимпуса, мы с ним за несколько дней сделали все то, к чему нас обязывал долг арестанта, покинувшего «родные пенаты», — жиганский грев братве.

Повидались мы и с Ворами, точнее, с одним из них —

Арсеном Микеладзе. Я знал его давно, и даже одно время мы вместе тычили. Если и были на Кавказе в то время пять карманников-универсалов, то одним из них, без сомнения, был Арсен.

Он встретил нас с большой радостью. Пожурил меня за то, что я сразу же не обратился за помощью к нему. Не преминул подчеркнуть уже приобретенный за это время авторитет моего друга. Мне, конечно же, было приятно слышать такие отзывы от одного из авторитетнейших Урок страны. И вообще, у нас было о чем вспомнить и поговорить.

Уже ближе к ночи распрощавшись с Арсеном, мы поспешили в отель, где нас ожидала Лариса и шикарный ужин на троих. Лара, не на шутку обеспокоенная нашим долгим отсутствием, увидев меня, входящего в номер с улыбкой на губах, чуть не лопнула от злости и попыталась напасть на меня как дикая кошка, но Лимпус вовремя объяснил ей все как мог, и она, что удивительно, тут же успокоилась.

Был поздний ужин при свечах, рядом верный друг и не менее верная подруга, в кармане звенела кое-какая копейка, долги отсутствовали. Что еще нужно, чтобы расслабиться хоть на некоторое время?

В начале мая, закончив все необходимые дела и недельку отдохнув от мирской суеты в горах, недалеко от древней столицы Иверии — Мцхеты, мы втроем вылетели в Москву. Ларисе горный воздух пошел на пользу. То ли спящий бутон раскрыл свои лепестки в горах Кавказа, то ли на нее так действовала беременность, но, как бы то ни было, она была прекраснее, чем прежде, сияла счастьем и здоровьем.

Еще из Грузии мы почти каждый вечер звонили Харитоше домой, справляясь о его здоровье. У него все было хорошо, операция прошла удачно, и он выздоравливал.

Прямо из Внукова мы с Лимпусом поехали к нему на квартиру, а Лара к себе, договорившись, что вечером мы встретимся у нас дома. Я тогда поймал себя на мысли, что, сам того не замечая, дом ее брата начал называть нашим общим с ней домом, но не придал этому особого значения, а зря. Чуть позже, кстати, уже не первый раз в жизни, я убедился в том, как правы были старые Урки, издавшие когда-то воровские законы, запрещающие Ворам иметь семьи.

Глава 4

Лариса очень любила и уважала своих родителей, и ей далеко не безразлично было их благословение на тот или иной серьезный шаг, сделанный ею в жизни. Хотя о каком благословении могла идти речь, когда дело касалось рождения ребенка?

Но в данном случае дело было не в нем, а в человеке, от которого он должен родиться. Новость о том, что их дочь беременна от бродяги-вора, могла повергнуть их в шок или, еще того хуже, отнять у них многие годы жизни. Но она должна пройти и через это.

Что касалось меня, то я на их семейном «сходняке» был лишь сторонним наблюдателем: ни на что не претендовал и ничего не требовал. Меня даже не интересовало их общество. Я птица другого полета — куда хотел, туда и летел, ничем себя не обременяя, и делал то, что соответствовало моим понятиям.

Навестив кореша у него дома и убедившись, что он действительно идет на поправку, мы с Лимпусом поехали на квартиру брата Ларисы. Она вот-вот должна была подойти. В ожидании мы приняли душ, привели себя в порядок и, сидя за рюмочкой армянского коньяка, углубились в «прикол», даже не заметив, как летит время. Было уже за полночь, когда мы вдруг услышали шум открываемых дверей, и через секунду-другую моя подруга уже стояла в проеме между коридором и гостиной.

— Ну что, друзья-товарищи, заждались? — с улыбкой проговорила она прямо с порога.

— Да нет, подружка, — стараясь подыграть ей и в то же время пытаясь понять ее настоящее настроение, ответил я. — Мы даже и не заметили, как время пролетело.

— Ну да, ты мне сейчас расскажешь сон пьяной лошади, а то я тебя не знаю. Скажи, Абдул, он переживал?

Лимпус даже не дождался паузы, как будто только и ждал этого момента. Обычно немногословный, он выдал целый монолог, сравнивая нас с Ромео и Джульеттой, и так все это красочно расписывал, жестикулируя и вставляя в свою речь всевозможные цитаты из разных стихотворений и поэм, что мы оба буквально катались от смеха по полу. Честно говоря, неожиданный талант моего друга стал для меня настоящим откровением.

В ту ночь Лариса мне так ничего и не сказала. Но зато на следующий день меня торжественно оповестили о том, что ее родители ждут нас сегодня на ужин. Вот чего не ожидал, того не

ожидал. Я попытался было заупрямиться, но не тут-то было.

— Ну что же ты, отпрыск старого дворянского рода, «блесни своей чешуей», посмотрим, как у тебя это получится в узком кругу людей, равных тебе по происхождению, — с иронией проговорила мне моя подруга.

Под узким кругом она подразумевала свою мать и двоих ее сестер, кстати говоря, очень милых, приятных на вид, интеллигентных и воспитанных дам, которых, к сожалению, мне приходилось видеть далеко не часто. Короче говоря, мне пришлось капитулировать, но с некоторыми приемлемыми для себя условиями. Почти весь оставшийся день у нас ушел на то, чтобы мотаться по фарцовщикам, выбирая себе «мануфту».

Ближе к вечеру мы с Абдулом были при полном прикиде, по дороге завезли его к Харитоше — он решил провести этот вечер с выздоравливающим корешем, а сами отправились к ожидавшим нас родителям Ларисы.

Здесь следует отметить одну очень важную деталь. Я умышленно не называю ни фамилии ее мамы, ни должности отца, ибо эти два, казалось бы, незначительных факта могут и сейчас доставить главе этого дома немало хлопот.

Так вот, войдя в комнату, где нас уже ожидали, я был приятно удивлен, скорее почувствовав, нежели поняв, что оказался не в одном из модных салонов, а в кругу умных, хорошо воспитанных и образованных людей. Впервые за много лет мне пришлось побывать в таком изысканном обществе, и я с нескрываемым интересом и огромным желанием слушал все то, о чем они говорили и спорили.

Почти весь этот вечер и мама Ларисы, и ее несравненные тетушки осторожно, в рамках приличия, пытались понять меня, задавая порой такие каверзные вопросы, которые кого угодно могли бы сбить с метки, но только не меня. В тот вечер я находился во всеоружии, бравируя языком, как шпагой, отражая выпады и контрвыпады с ловкостью интеллектуала и салонного повесы.

В общем, впечатление я произвел довольно-таки приличное.

На следующий день Лариса передала мне приглашение от своей матери, кстати, она и сама была приятно удивлена этим. Ведь она рассказала родителям обо мне почти все, что знала. Разговор наедине был откровенным и честным, но о его деталях я умолчу. Достаточно сказать, что, пообщавшись со мной, эта умная женщина пришла к выводу, что «не так страшен черт, как его малюют».

Теперь, исполнив дочерний долг, Лариса сохраняла спокойствие и могла не спеша заняться улаживанием своих дел,

ну а нам с Лимпусом предстоял вояж к родным пенатам. Для меня поездка в Махачкалу была чревата очередным запалом, и, если бы не было рядом Лимпуса, Лариса ни за что не отпустила бы меня одного.

Но для чего мне нужна была эта поездка? Ведь такое путешествие могло привести к самым что ни на есть непредсказуемым последствиям. Ну, во-первых, и это было определяющим звеном в цепи моих жизненных позиций и убеждений, это клятва, данная самому себе когда-то в одной из тюремных камер Баку: «Если Всевышний когда-нибудь предоставит мне возможность оказаться на свободе в родном городе, то первое, что я сделаю, это побываю на могиле своей матери!»

Я пообещал Ларисе, что, как только отдам дань уважения матери и утрясу кое-какие семейные дела, связанные с дочерью, за которой уже нужен был глаз да глаз, тут же вернусь в Москву.

Но судьба, к сожалению, вновь распорядилась по-своему. Как известно, радость всегда тащит за собой на аркане горе. Перед отъездом в Дагестан я вновь поменял свои ксивы. Теперь я был уже не Русланом, а, как и прежде, Мухтором-ака.

Глава 5

Столица Дагестана встретила нас с Лимпусом штормовым ветром и проливным дождем — нормальной погодой для этого времени года. «Что Бог ни делает, все к лучшему», — решили мы, спускаясь по трапу в аэропорту Махачкалы. Чем меньше будет на улице зевак и любопытных, тем больше уверенности в том, что нас никто не узнает. Впрочем, почти для всех, исключая наших близких и некоторых высокопоставленных мусоров, мы давно уже числились в покойниках.

Придерживая от ветра шляпу левой рукой, держа в правой «дипломат», я быстро миновал расстояние от самолета до пункта выдачи багажа и, выйдя из него, сразу же сел в поджидавшую нас машину.

Еще издали я увидел за воротами человека, который, смешавшись с группой таксистов и стараясь не привлекать к себе внимания, наблюдал из-за ограды за прибывшими пассажирами. Это был старший брат моего друга Дауд. Через несколько минут рядом со мной на заднем сиденье оказался и Лимпус. Всю дорогу от аэропорта до города мы молча разглядывали из окон машины все, что попадалось по пути.

Еще совсем недавно в камере смертников мы лишь во сне могли увидеть то, что открывалось теперь перед нашими глазами. Панораму такого грязного и такого родного нам города: берег моря вдали, замызганные машины, мчавшиеся с немыслимой скоростью навстречу, редких прохожих, тщетно прячущихся от дождя и ветра под своими зонтами…

Приятно было возвратиться на родину после столь долгого отсутствия. Пыль времени припорошила прошлое, мы понимали, что найдутся люди, которые от души обрадуются нашему возвращению, найдутся и готовые отдать очень многое, лишь бы мы вообще не вернулись никогда. В любом случае следовало соблюдать чрезвычайную осторожность.

— Поедем через кладбище, Абдул знает, что делать, — сказал я, не отрываясь от окна, брату Лимпуса, когда мы въезжали в город со стороны Анжи-базара. Немногословный Дауд молча кивнул и повернул машину в нужном направлении. Подъехав к кладбищу, я вышел из автомобиля и направился ко входу, а братья, постояв немного, резко рванули с места и тут же умчались прочь.

Противно воющий ветер с дождем выметал все на своем пути, обрывал листья с деревьев, поднимал с земли какие-то обрывки газет и бумаги, срывал с головы шляпу, но над кладбищем стояли

тишь, да гладь, да Божья благодать, будто оно было частью совсем иного мира.

Прочитав при входе молитву, я выбрал по памяти приблизительное направление и стал ходить вокруг оград и памятников, отыскивая могилу матери. Я не сомневался в том, что сердце подскажет, а ноги сами приведут меня куда надо, но, к сожалению, этого не случилось. Сколько времени я бродил по кладбищу, все более убеждаясь в том, что поиски мои тщетны, не знаю.

Наконец в отчаянии, отыскав могилу своей бабушки, я сел возле нее на корточки, подмял под себя плащ и, обхватив по-каторжански руками обе ноги, положил на них голову и ушел в себя. Просидел я так довольно долго. Дождь лил как из ведра, не переставая. Я уже давно промок до нитки, но не обращал на это никакого внимания.

В какой-то момент чьи-то отдаленные голоса нарушили покой этого тихого, уединенного места, а через минуту-другую показались люди. Я поднял голову и чуть не вскочил от неожиданности, но отекшие ноги не дали мне этого сделать. Не спеша поднимаясь, я не сводил пристального взгляда с человека, который стоял почти напротив. Это был мой отец, а чуть поодаль от него стояли оба брата.

Дождь заливал его лицо. Он стоял в своей излюбленной фуражке «бакинке», которая уже обмякла, пропитавшись влагой насквозь. Маленький листочек приклеился к щеке и, видно, никак не хотел с ней расставаться, но отец ни на что не обращал внимания. Мы молча стояли напротив и не сводили друг с друга глаз. По всему было видно, что отец только сейчас, в эту минуту, увидев меня, убедился в том, что я действительно жив.

Не было ни приветствий, ни даже рукопожатий, и это было нормальным для двух представителей горного Дагестана. Какое-либо проявление чувств среди мужчин всегда считалось здесь признаком дурного тона, независимо от того, кто эти мужчины — безусые юнцы или белые как лунь старцы.

Говоря откровенно, на какое-то мгновение я растерялся, потому что никогда в жизни не видел отца таким жалким и беспомощным, но это состояние длилось всего несколько секунд. В горле першило, и безудержно хотелось пить.

Проглотив слюну и попытавшись взять себя в руки, я не задал, а выдавил из себя вопрос, который мучил меня все это время:

— Где могила моей матери?

— Не знаю, — как будто давно ожидая его, быстро ответил он.

— Как не знаешь, ты что, не был здесь ни разу после похорон?

— Так получилось, что не был.

Впервые в жизни мой тон в разговоре с отцом был таким грубым и дерзким, более того, я уже начал срываться, но, слава богу, кореша находились рядом. Дауд подошел к отцу и бережно увел его в сторону, что-то ему объясняя. Через несколько минут они вместе стали бродить вдали, видимо, разыскивая могилу матери, а Лимпус, взяв меня за плечи, слегка встряхнул и обнял по-братски.

— Ну ладно, будет тебе, очнись. Я понимаю, как тебе сейчас тяжело, но, видать, и через это нужно пройти. Потерпи немного, бродяга! При более благоприятной погоде обыщем все кладбище и обязательно найдем, где лежит тетя Люба. Уверен, что ты хоть немного запомнил это место.

— Да ничего я не запомнил, Абдул, что там можно запомнить? Представь, в каком я был состоянии. Помню только воткнутый в землю маленький камень, перевязанный лоскутом материи, и надпись краской, чтобы ориентир был. Так за это время и краску наверняка смыло…

— Ничего страшного, — продолжал успокаивать меня Лимпус, — все равно найдем, не может быть, чтобы не нашли. Но и отца тоже можно понять, Заур, уверяю тебя в этом. Пока мы ехали сюда, он успел мне столько наговорить, что немудрено было многое забыть. Да он тебе и сам скоро обо всем расскажет.

— Но не мог же он забыть могилу своей жены, Абдул? Могилу женщины, с которой прожил всю свою жизнь?

— Да, бродяга, базару нет, ты прав, но все же он твой отец, а это ко многому обязывает и многое меняет. Да ты сам посмотри, как он постарел, как осунулся и изменился!

Да, отца действительно было не узнать, но в тот момент меня мучила другая мысль и все остальное отодвигалось на задний план. Как мог человек прожить с женщиной чуть ли не полвека и, похоронив, в течение трех лет даже ни разу не побывать у нее на могиле? И если бы не я, вряд ли пришел бы сюда в ближайшее время. Ну а если бы и пришел, что толку? Где она, могила его жены?

Я уже не говорю о том, что он собирался поставить ей достойный памятник и произвести подобающий в таких случаях ритуал поминок. Даже в глухом таежном остроге, проводив друга в последний путь, после своего освобождения каждый из нас, его друзей, считал святым долгом посетить могилу кореша на погосте и, отыскав бирку с фамилией, отдать ему последнюю дань памяти, а здесь?..

Я стоял рядом с другом, погруженный в беспросветное отчаяние, наблюдая за тем, как вдали мимо могил мелькают силуэты отца и Дауда, а дождь скрывал катившиеся по моим щекам слезы. Этот день я запомнил на всю оставшуюся жизнь, так никогда и не простив своего отца.

Глава 6

В этот период своего временного пребывания на свободе мне вновь, к сожалению, довелось столкнуться с низостью и подлостью человеческой души. Хотя души этих иуд от преступного мира назвать человеческими было сложно.

Мне пришлось ненадолго поселиться в хате неподалеку от своего дома, и иногда по вечерам я бывал у себя, пытаясь получше понять дочь и сдружиться с ней. Я бы уже давно покинул Махачкалу, если бы не она. Еще несколько месяцев назад мне и в голову не могла прийти странная, на мой взгляд, мысль, что вот это еще такое маленькое, но уже такое милое и очаровательное создание сможет столь круто изменить мои планы.

Ларисе я все, как мог, объяснил по телефону, и она прекрасно поняла меня.

— Делай все так, как считаешь нужным, Заур, — были ее последние слова.

Махачкала в те годы была относительно маленьким городом, и представители воровского и преступного мира знали друг друга в лицо, знали все хорошее и плохое друг о друге. Так что, как бы я ни хоронился, все равно от людей не спрячешься. Но от них-то я и не прятался, справедливо опасаясь лишь стукачей, и оказался, безусловно, прав.

Но я никак не ожидал, что стукачом окажется один из моих старых приятелей. Век живи, век учись, и дураком умрешь…

Много лет тому назад, заехав на одну из лесных командировок в Коми АССР, я повстречался с земляком, «игровым», о котором все отзывались как о честном и порядочном арестанте. Ну что ж, это, конечно, радовало и было вдвойне приятно. Мы стали тесно общаться, как и бывает между порядочными людьми и к тому же земляками.

И вот однажды произошел случай, который в местах лишения свободы можно было считать банальным до тошноты, но впоследствии сыгравший со мной очень злую шутку. Землячок мой проиграл круглую сумму одному местному катале по прозвищу Хирург. Как правило, хорошие игроки в зоне всегда имеют много врагов, которые так и поджидают, чтобы тот, кто постоянно в куражах, оступился, и тогда уже пиши пропало. Либо проигравший попадал в лагерный гарем после двенадцати часов, либо гнил в камерах, спрятавшись там от должников, либо пахал на них до конца срока с большой меткой на лбу — фуфлыжник. Все зависело от того, как этот человек вел себя, когда еще кем-то был и куражил. А если учесть еще и тот факт, что мой земляк был

«зверем», то жажда крови у этих нечистей взыграла не на шутку.

В общем, у него были проблемы, и, надо сказать, проблемы немалые, но я выручил его, отдав последние деньги, которые у меня имелись, и даже занял еще у одного бродяги.

Но поступок и отличается от проступка тем, что поступок всегда благороден. Мы пробыли с ним в этом лагере недолго. Вскоре меня отправили этапом за пределы управления, но затем, через несколько лет, мы вновь встретились в той же зоне, а потом уже и на свободе, но нигде и никогда я не заикался ему о долге, будто его и не существовало вовсе.

К слову сказать, впоследствии Хирург этот вздернулся, проиграв, в свою очередь, и вкатив при этом фуфло одному недавно прибывшему в зону пацану. Эта лагерная новость прозвучала в то время громом среди ясного неба. Дело в том, что Хирург на протяжении двадцати пяти лет не проигрывал третями ни одному из каторжан. И вот на тебе — сюрприз с финалом, подтверждающим еще раз избитую лагерную истину: в картах нет предела! Вчерашний шулер может быть никем в игре с сегодняшним малолеткой — игровым.

Так вот, приехав домой, я вновь встретился с моим лагерным приятелем. Ну кому же мне можно было верить в тот момент, если не человеку, которого я когда-то спас от бесчестья, а может быть, и от смерти, заплатив за него картежный долг? А эта падаль, оказывается, уже давно пахала на легавых, и со дня моего приезда мусора знали обо мне все, что им нужно было знать, и следили за каждым моим шагом его сучьими глазами.

Много лет спустя один старый и спившийся легавый поделился со мной секретной в то время информацией. Мне она была уже ни к чему — эту мразь завалили в тюрьме за несколько лет до того, но послушать все равно было интересно. Так вот, оказывается, предал он меня лишь из-за того, что боялся, как бы я не потребовал у него старый должок. И все это при том, что на протяжении пятнадцати лет я ни разу даже не заикнулся о нем, ни в лагере, ни на свободе. Пойми после этого людей, хотя, повторюсь, людей всегда можно понять, но ничтожеств — никогда!

Приняли меня легавые сразу же после дня рождения, в тот самый момент, когда, уже попрощавшись с друзьями, я собирался покинуть родину, расположившись в вагоне поезда Махачкала — Москва, в семидесяти километрах севернее столицы Дагестана, в городе Хасавюрте. Хорошо еще, что я вовремя успел скинуть в дальняк майдана ксивы. Это был удар ниже пояса, ведь меня со дня на день ждали в Белокаменной, куда я уже успел позвонить и откуда в самом ближайшем будущем мы с Ларисой собирались

вновь отправиться в Европу.

Глава 7

Того, кто меня сдал с потрохами, я просчитал уже на следующий день в КПЗ Махачкалы на допросе, хотя допросом эту доверительную беседу назвать было трудно. Просто кое-кто из мусоров решил блеснуть передо мной своими знаниями преступного мира, которые на самом деле назывались обычной ставкой правоохранительных органов на агентурную сеть — на ренегатов из среды преступного мира, без которых в то время, как и сейчас, не могло и не может обойтись ни одно из легавых ведомств.

— Ты, видно, еще плохо изучил человеческое нутро, Заур, хоть и прошел немалый жизненный путь и повидал достаточно, — сказал мне один из них. — А человеческая сущность такова, что требует предательства, хотя бы в нем не было пользы, а один лишь задор и соблазн, на собственную погибель.

В какой-то степени он прав, но сука суке рознь, хотя они и родные сестры. Одни рождаются ими, тогда как другие опускаются до их уровня с самой высоты положения в обществе, к которому они принадлежат. Как правило, это общество — преступный мир. И чтобы спустить с высоты человека и обработать его таким образом, чтобы он предавал своих же собратьев, да еще и на свободе, требовалось действительно очень много кропотливой мусорской работы.

«Да, здесь они действительно во многом преуспели», — подумалось мне тогда, и не считаться с этим мог разве что идиот. В махачкалинской КПЗ я провел на этот раз одиннадцать суток, пока за мной не приехали «покупатели» из Чарджоу. За это время я успел послать к Лимпусу парнишку, который просидел со мной в камере несколько суток, с устным поручением.

И вновь, как и несколько лет тому назад, я сидел в купе поезда Ростов — Баку в окружении теперь уже двоих сопровождавших меня мусоров и с улыбкой слушал их инструкции относительно попыток к бегству и прочих возможных дорожных казусов.

Я не успел с ними даже ознакомиться, недалеко отъехав от Махачкалы, как дверь в купе резко отворилась и на пороге появился Лимпус. Чего-то подобного я, откровенно говоря, и ожидал с минуты на минуту, поэтому и улыбался, представляя эту картину.

Менты не на шутку перепугались, ибо подельник мой пришел не один, но я их вовремя успокоил, попросив переждать в тамбуре, пока мы с ним переговорим. Лимпус был с четырьмя

верными людьми, и нам ничего не стоило свалить с этого «майдана», оставив ментов ни с чем, но складывалась такая ситуация, при которой не следует этого делать по двум причинам.

Во-первых, таким образом мы оказывались бы в бегах уже вдвоем, а во-вторых, я сам хотел раз и навсегда покончить с этим идиотским обвинением в побеге. Теперь, когда рядом был друг и появилась такая преданная подруга, как Лариса, я не сомневался в том, что добьюсь справедливости, тем более что уже в Москве я приложил к этому кое-какие усилия.

Теперь о канонах, которых я придерживался всю жизнь и по которым жил. Передо мной стояла отнюдь не простая дилемма.

Дело в том, что по воровским законам, если у босяка появляется возможность побега, он должен ее использовать. Но я решил разложить другой пасьянс, и он, как показало время, у меня сошелся.

Лимпусу не нужно было много объяснять, он меня понял и без лишних слов. Но все же счел нужным задать один вопрос:

— Уверен ли ты, что твои надежды не построены на песке?

— Да, Абдул, уверен.

— Ну тогда Бог в помощь, брат!

Мы договорились обо всем и простились здесь же, в купе. Они вышли в шестидесяти километрах к югу от Махачкалы, на станции Избербаш, оставив мусоров-туркменов в таком недоумении, что до самого конца пути те восхищались их воровской честностью и благородством. Кстати, и вели они себя насколько могли достойно, не то что дагестанские легавые, недавно сопровождавшие меня в ЛТП. И надо сказать, что если бы не обстоятельства, вынудившие их сопровождать меня, то эта поездка могла бы запросто сойти для нас за дружеский вояж на Восток.

Прибыв в Баку поездом, мы улетели оттуда уже самолетом в Ашхабад, а из столицы Туркмении — обычным путем в Чарджоу. К вечеру того же дня я был водворен в тюрьму, где меня ждала приятная встреча, если, конечно, можно назвать встречу в тюрьме с кем бы то ни было приятной.

Здесь я вновь встретился с Вовчиком Армяном и познакомился с еще одним Уркой — Борей, Армяном Бакинским.

Тюрьма в Чарджоу была небольшой, всего в два корпуса — основной и «четвертый» боксик, и располагалось в ней чуть более двадцати камер. В середине тюрьмы, между строениями, находился аккуратный маленький дворик с беседкой посередине, куда нас, бродяжню тюрьмы, вместе с Урками частенько по вечерам, за умеренную плату конечно, выводили мусора-попкари,

чтобы отдохнуть и немного расслабиться.

Нетрудно догадаться, что отравы здесь было море и на любой вкус. Что касается администрации тюрьмы, то лучшей, по-моему, нельзя было и придумать. До своего появления здесь я считал, что самая козырная из тюрем — это Баилова в Баку, но теперь, очутившись в чарджоуской, понял, насколько ошибался в суждениях.

Всегда хороша та тюрьма, в которой мы еще не были, но о которой слышали много лестного. Это, конечно же, вывод старого каторжанина, а не свободного человека, которому, вероятнее всего, понять меня будет ой как непросто…

Стояли невыносимо жаркие дни, и в камерах было не продохнуть. Какие только средства мы не испробовали, чтобы хоть как-то спастись от этой духоты, но ничто не помогало. Днем нас мучили зной и удушье, потому что все были чахоточными, а ночью в буквальном смысле пожирали комары. Тогда еще не придумали таблеток от этих злоехидных насекомых. Но, несмотря ни на что, мы все же умудрялись как-то жить и выживать. Даже глаза приучали к тому, чтобы они спали по очереди.

Вслед за умением каторжанина довольствоваться малым идет умение жить ничем. Это как бы две комнаты: в первой — темно, во второй — непроглядный мрак.

Глава 8

Так прошел почти месяц, в течение которого меня никто не тревожил. Непонятное отсутствие дорогих и близких мне людей предвещало два варианта: или что-то слишком плохое, или очень хорошее. Среднего здесь просто не могло быть, потому что это напрямую касалось меня — человека, для которого в этом мире существовали лишь два цвета: черный и белый.

Еще по дороге менты предупредили, что судить меня будут по статье 188 Уголовного кодекса — побег из мест лишения свободы. Так что, когда в конце июля вызвали «слегка», я не ошибся: меня повезли на суд, и не куда-нибудь, а в ЛТП города Краснозаводска.

Эти идиоты ко всему прочему решили устроить мне еще и показательный суд.

Сто километров по песчаному тракту пустыни Каракумы до профилактория вытрясли из меня всю душу, и, приехав туда, я еле держался на ногах. Много раз и в разных местах я представал перед нашим самым гуманным советским судом с его образованными и высоконравственными народными заседателями (то есть кивалами), всегда проницательным, умным и деликатным прокурором и конечно же судьей — этим эталоном честности, порядочности и неподкупности.

Почти всегда это был спектакль, лучше или хуже сыгранный (чаще всего сыгранный абсолютно бездарно), все зависело от места действия и таланта приглашенных актеров.

На этот раз меня завели в единственный большой кабинет начальника профилактория. За столом, покрытым белой простыней, возле стены с портретом Брежнева сидели двое с виду простых хлопкоробов в длинных восточных халатах и тюбетейках, тянули из «косушек» ароматный зеленый чай и мирно беседовали вполголоса, скорее всего об оросительной системе на полях Туркменистана. Больше никого в кабинете не было.

Мент, узкоглазый молодой туркмен, молча завел меня в помещение, подвел к стене, как для расстрела, и стал рядом как истукан, ожидая приказа.

— Ассаламу алейкум! — поприветствовал я их, как и положено правоверному мусульманину.

— Ваалейкум ассолом! — ответили они, прервав беседу и встав, как по команде, одну руку протягивая мне, а другую приложив к груди. Это, как оказалось позже, оказались народные заседатели, то бишь кивалы, но кивнуть хоть разок, к их сожалению, на этот раз им так и не пришлось.

Я присел на предложенный мне этими гостеприимными хозяевами стул у противоположной стены. Мне также налили чаю в пиалу, стоящую на тумбочке возле меня, и они продолжили прерванную беседу как ни в чем не бывало.

Я, с удовольствием утоляя жажду приятным напитком, следил за этими двумя персонажами предстоящей комедии, когда в зал неожиданно вошла молодая девушка, тонкая как тростник, в длинном, до пят, цветастом платье. Следом шли несколько человек: хозяин профилактория, мой лечащий врач и какие-то легавые.

Они не успели еще устроиться на своих стульях, как девушка провозгласила: «Встать, суд идет!» Все встали, и появилась женщина.

Одно только описание этого действия доставляет мне неслыханное удовольствие. Это была дама неопределенного возраста, потому что с головы до пят ее прелести закрывала цветная восточная мануфактура. Она была в таком же, как и юная секретарша, только более шикарном балахоне до пят, а нежная шелковая накидка, что-то вроде вуали, покрывала ее нос и губы. Даже лоб прикрыт платком, завязанным на затылке. Открытыми оставались только глаза. В тот момент она была похожа по меньшей мере на наложницу великого султана, так гордо она внесла себя в этот кабинет.

Лишь только войдя в помещение, как будто освободившись от суеты мирской и наконец-то попав в обитель своего господина, она скинула вуаль, приподняла одной рукой подол платья на манер великосветских европейских дам и буквально проплыла эти несколько метров, давая понять, что она и есть здесь главная — оплот правосудия Страны Советов.

Я поневоле прыснул от смеха. Такой винегрет, что ни говори, мне довелось увидеть впервые. «Встать», «сесть» и так далее заняли следующие несколько минут, затем зачитали коротенькое обвинение и лишь только потом слово дали мне.

Я уверен, что после моей защитительной речи мне позавидовал бы сам Плевако, доживи он до того дня.

— Ханум, — любезно обратился я к судье, пытаясь сгладить свое бестактное поведение несколькими минутами раньше. — Видит Аллах, перед вами — без вины виноватый преступник! Но преступник ли? По существующему ныне закону лица, страдающие любой формой туберкулеза, не подлежат водворению в ЛТП, но меня, чуть ли не умирающего, наглым образом водворили в это заведение, нарушив тем самым советский закон. А когда я решил покинуть пределы их досягаемости, объявили в розыск, и теперь вы судите меня за нарушение этого самого

закона, через который они переступили много раньше. Так что же получается?

Здесь я сделал маленькую паузу, а затем перешел к юриспруденции вообще и к римскому праву в частности, а в конце своей речи позволил себе даже маленькую дерзость.

— Ваша честь, — резюмировал я сказанное, — справедливость не стоит путать с правосудием, ибо справедливость очень часто борется с юридическим правом. Закон — всегда лишь сумма наибольших строгостей, в то время как справедливость, стоящая выше любого закона, часто отклоняется от исполнения законности, когда в дело вступает призыв совести.

Все время моего выступления я чувствовал по выразительным лицам, по пристальному вниманию, что заворожил их, как змей болотных лягушек. Ощущая неподдельный интерес этого «прайда», я, говоря откровенно, обретал в себе вдохновение ритора. За полчаса я разбил обвинение, выдвинутое против меня работниками ЛТП, в пух и прах, еще и пригрозив им, что за незаконное водворение в профилакторий в самом ближайшем будущем их ждут большие неприятности.

Надо было видеть, как сидящие в этом кабинете отреагировали на мое выступление. Но главным стало резюме судьи, которая, к слову сказать, была довольно-таки привлекательной и оказалась далеко не глупой женщиной. Технику судебного дела и законы она знала неплохо, но понятия не имела о том, что знают мудрые судьи, то есть о подлинной жизни, о неуловимом сплетении обстоятельств, которые взывают к сердцу, опрокидывая все писаные законы, а временами даже свидетельствуя об их полной непригодности.

Порою недостает палачей, чтобы приводить в исполнение приговоры, но никогда не бывает недостатка в судьях, эти приговоры выносящих. Но здесь было все наоборот.

«Отправить дело на доследование» — таков был ее вердикт после нескольких часов чаепития и болтовни с заседателями, то бишь совещания.

Вечером я уже был вновь препровожден в тюрьму и оказался в своей камере, но, как показало время, к счастью, ненадолго. Через несколько дней, ближе к вечеру, меня вывезли из тюрьмы на легковой машине и доставили к прокурору области. Меня редко подводила интуиция, так было и в этот раз.

Уже по дороге из тюрьмы, даже не задавая никаких вопросов конвоирам, я почувствовал, что вокруг витает воздух свободы, а увидев в коридоре прокуратуры стоящих рядом Лимпуса, Ларису и Якова Соломоновича, понял, что не ошибся. Через час разговора

с прокурором я был освобожден из-под стражи прямо в его кабинете.

Нетрудно догадаться, что сыграло главную роль в моем освобождении, но после рассказа Ларисы о хлопотах в Москве очевидным для меня стало одно: не отправь я вовремя жалобу с фотографиями легавых, долго бы мне еще не видать свободы…

Глава 9

Жизнь наша полна самых разных чудес и неожиданностей. Радость и печаль в ней всегда соседствуют друг с другом. Черную полосу, как правило, сменяет белая. После темной ночи наступает яркий рассвет.

Что касается моей жизни, то в ней такой последовательности не существовало. Либо прибьет до кондиции, либо отпустит, но ненадолго, чтобы не успел расслабиться.

Так было и на этот раз. Не успел я освободиться из одной тюрьмы, как в самом скором будущем меня уже ждала другая, но я, конечно, еще не знал об этом. Ведь человеку неведомо будущее, иначе и жить бы было неинтересно. Хотя кто его знает, что в этом мире вообще может быть интересным, а что нет? Все в нем когда-нибудь да повторяется, все — суета сует…

Итак, я вновь оказался на свободе, в кругу дорогих и преданных мне людей. Лариса к этому времени была уже на шестом месяце. Теперь ее было не узнать. Броскую красоту модницы сменило скромное очарование беременной женщины. Лимпус нашел ее в одном из столичных родильных домов, где она находилась на сохранении.

Узнав о том, какая беда постигла меня вновь, она в этот же день выписалась из больницы и начала наводить коны в отношении моего дела, даже не предполагая, что это затянется на целый месяц. Как правило, в те времена такие проволочки тянулись годами, и ей конечно же повезло, вернее, ей повезло с родителями. Чувствовала моя подруга себя неважно, поэтому я и не стал задерживаться в Чарджоу.

Всего за ночь, пока адвокат с Ларисой отдыхали в гостинице, мы с Лимпусом сделали все нужные дела и прямо с утра вылетели в Ашхабад, а оттуда в Москву. Через несколько дней после того, как я оказался на свободе, моя беременная подруга вновь лежала в том же роддоме, который покинула из-за меня месяц назад, успокоенная и удовлетворенная тем, что сделала.

С месяц мы прожили с Лимпусом на квартире у брата Ларисы. Навели прежние коны, с кем надо, и восстановили некогда взорванные мосты через пропасти и реки риска, наживы и алчности. Но не успели мы еще даже пуститься в одно из очередных авантюрных путешествий, уже давно соскучившись по ним, как неожиданное и приятное известие в корне изменило наши планы.

От босоты, приехавшей из Махачкалы, мы узнали о том, что в Дагестане появился Вор в законе. Проверить эту информацию для

нас не составило особого труда, ибо мы почти круглые сутки сами вращались среди Урок. К счастью, сведения подтвердились. Звали этого бродягу Мага Букварь; он только что освободился из крытой тюрьмы города Балашова, и шпана была о нем необычайно высокого мнения.

Ну что ж, долг босяцкий велел нам быть рядом с Жуликом хотя бы первое время, пока он полностью не вступит в свои права и не познакомится со всеми порядочными людьми, которые его будут окружать впоследствии. В общем, наскорячок справившись со всеми неотложными делами в столице, уже через несколько дней мы вылетели на родину, где события разворачивались следующим образом.

Во-первых, и здесь мне придется повториться, в Дагестане около сорока лет не существовало Воров в законе. Во-вторых, такое огромное событие, как появление Уркагана, никак не могло пройти незамеченным не только среди преступного мира, но и в жизни республики в целом.

Прямо из аэропорта, даже не останавливаясь в столице, чтобы не откладывать в долгий ящик неотложные дела, мы поехали в Бабаюрт — город, находящийся в ста километрах к северу от Махачкалы, где и жил Букварь.

Честно говоря, никогда раньше я даже не останавливался в этом населенном пункте. Городок этот был глухим захолустьем даже по меркам такой отсталой республики, как Дагестан того времени. Но теперь это был центр всей его воровской жизни. Вереницы машин, преимущественно иномарок, стояли по обе стороны улицы, когда мы подъехали к дому Букваря. В большинстве своем машины эти принадлежали коммерсантам — просителям и всякого рода лизоблюдам, приспособленцам, прибывшим засвидетельствовать свою покорность и почтение высшей власти, хотя на самом деле ненавидевшим и презиравшим все то, что было сильнее и выше их.

Ни с кем не поздоровавшись, мы с Лимпусом прошли через весь двор и лишь у входа в одну из комнат, где находилась хаза Уркагана, нас остановили, но ненадолго, и, узнав, кто мы, тут же пропустили внутрь.

В огромной комнате на полу, в образовавшемся большом кругу, на толстом ворсистом ковре сидело человек десять босяков, которых мы хорошо знали, так что определить, кто есть кто, нам не составило труда. Хотя для истинного бродяги нет проблем вычислить Урку среди массы босоты.

Глава 10

Букварь был чуть выше среднего роста, худощавый и стройный мужчина чисто кавказской наружности. В то время ему было немного за тридцать. Он отличался вдохновенным мужеством и благородными порывами сердца. Мага был рад нашему приезду, сказал, что много слышал о нас с Лимпусом лестного, и тут же предложил принять участие в очередном базаре, который был прерван нашим появлением.

С этого момента, можно сказать, мы и остались с этим Уркой до тех самых пор, пока легавые не закрыли сначала Лимпуса, а затем и меня. Когда вспоминаю то шебутное время сейчас, почти пятнадцать лет спустя, мне кажется, что трудно переоценить все то, что сделал этот Уркаган для людей на благо всего порядочного и честного, что может быть в преступном мире, да и не только в нем.

Это был перестроечный период, как в Дагестане, так и во всей России в целом. В стране формировалось абсолютно новое общество, но шпане наподобие Букваря хотелось, чтобы в преступном мире оно оставалось таким же, каким и много лет назад. Короче говоря, хоть он и был еще сравнительно молод, но придерживался старых воровских традиций.

Я много раз становился очевидцем того, как простые люди, в том числе многодетные матери и обыкновенные работяги-мужики, необозримо далекие от преступного мира, приходили и обращались с просьбами, которые были совсем не в компетенции Вора в законе, и он никого из них никогда не оставлял без внимания.

Достаточно вспомнить один случай. Однажды у Букваря в Бабаюрте гостил один ростовский Урка Эдик Краснов. Как раз в то же время прибыл гонец от хозяина с малявой, и мы в восьмером — Букварь, Эдик, Алик, Яха, Махтум, Лимпус, Абакар Туземец и я — выехали в Нефтекумск, который располагался почти на границе Ставропольского края и Дагестана.

В то время там находилась туберкулезная зона, и арестанты позвали Уркагана для разрешения кое-какого конфликта.

Мы остановились в одном более или менее приличном кафе у обочины дороги, чтобы поужинать, а ехали на двух машинах. В первой — Махтум с Лимпусом и Яхой, а во второй — я с Букварем и Туземцем. Пока мы разворачивались, чтобы припарковать машину, ехавшие впереди нас Лимпус с товарищами уже были внутри и заказывали ужин. Не успели мы выйти из автомобиля, как к нам подбежали два маленьких чумазеньких существа —

мальчик и девочка, приблизительно трех и четырех лет от роду, и с протянутыми грязными ручонками стали читать айаты из Корана, обычно произносимые просителями подобного рода.

Эта картина для всех нас давно привычна. С некоторых пор Дагестан заполонили целые тухумы турок-месхетинцев, выходцев из Таджикистана. От цыган они отличались лишь тем, что они просили милостыню по-арабски. Наполнив ладошки этих оборванцев всей мелочью, какая оставалась у нас в наличии, мы зашли в кафе, где нас ожидали друзья и заказанный ужин.

За трапезой, как обычно, велась непринужденная беседа, в которой Букварь не принимал участия, думая о чем-то своем, как вдруг, подозвав официантку, спросил у нее, показывая на кого-то в окно:

— Где живет это семейство?

— А нигде, — тут же ответила совсем еще молоденькая девушка в накрахмаленном переднике и с милой улыбкой. — Они жили во дворе напротив кафе, вон там, — показала она в противоположную сторону от Букваря, — но хозяин их выгнал за неуплату. Да и отсюда гонят, не дают попрошайничать, где же им прокормиться такой оравой? К тому же и муж у нее серьезно болен, даже ходить не может.

Только после ее слов все мы обратили внимание на окно, куда устремился внимательный взгляд Уркагана. На огромном, высушенном жгучим южным солнцем бревне восседало почти все семейство: шестеро детей мал мала меньше и мать, грудью кормившая самого маленького.

Рядом с ней на куске фанеры, брошенной прямо на землю, лежал мужчина, хотя от главы этого семейства уже вряд ли что-то оставалось. Даже издали можно было определить: это был живой труп. Он был болен чахоткой и почти не поднимался.

Закончив ужинать, мы вышли на улицу и подошли к ним. Букварь стал расспрашивать у женщины о ее горе с таким участием, будто она была его старой знакомой. Узнав все, что нужно, мы разыскали хозяина того сарая, где беженцы «притухали» последнее время и откуда их выгнали. Нам, правда, пришлось поубавить немного спеси и гонора с этого подонка, прежде чем у нас получился какой-то более или менее конструктивный разговор.

Раз уж эту падаль не интересовало то, что на дворе было начало сентября, а он выгнал на улицу женщину с умирающим мужем и целой оравой ребятни, то о чем вообще можно было с ним говорить?

Если бы хоть кто-нибудь из нас смог впоследствии проконтролировать то, что здесь будет происходить, мы вообще

выгнали бы эту мразь отсюда, швырнув ему на лапу обглоданную кость, но, к сожалению, это было почти исключено. Так что нам все же пришлось договариваться с этой гнидой.

Сумма, которую они задолжали и которую заломил этот подлец за то, чтобы они смогли прожить здесь до следующего лета, была внушительной. Всех денег, которые у нас были, не хватило. Тогда Букварь поднес чуть ли не к носу этого демона левую руку, на одном из пальцев которой блистал изумительной красоты перстень с бриллиантами в несколько каратов, который был подарен ему на день рождения буквально несколько недель назад бригадой залетных домушников из России, и спросил у этого подонка, во сколько он его оценит.

Хозяин жилища не верил в то, что происходило. Поначалу он подумал, что его разыгрывают, но, увидев наши серьезные лица, а особенно пристальный взгляд Жулика, вовремя спохватился и, тут же извинившись за заминку, решил продолжить торг.

Конечно же, он оценил перстень в несколько раз дешевле, чем тот стоил на самом деле. Букварь снисходительно улыбнулся, взглянув так, что эта мразь тут же потупила взор, снял перстень с пальца и бросил его под ноги этому шакалу с таким презрением и гневом, что тот задрожал как осиновый лист и не знал, что ему делать: то ли наклоняться и брать, то ли стоять и ждать. Но алчность взяла верх, и, потихоньку согнувшись, искоса поглядывая на нас, он нашел в пыли цацку и, сжав ее в ладони, прижал кулак к груди.

Пока эта псина рыскала по земле, Букварь подозвал несчастную мать семейства и наблюдавших эту картину нескольких работниц кафе.

— Сейчас ты пойдешь в кафе и напишешь бумагу о том, что тебе уплачено сполна и твоя халабуда до лета принадлежит этим людям, а эти добрые женщины, если потребуется, подтвердят все увиденное, не правда ли? — уже совсем другим тоном обратился Мага к двум стоявшим в белых фартуках женщинам.

— Да, конечно, не беспокойтесь, мы все здесь друг друга знаем, да и живем все рядом, так что в обиду их не дадим. Всевышний все видит и вас вот послал в такой момент! Дай Аллах всем вам здоровья и вашим семьям тоже, — не умолкали они, пока не высказали все, что хотели.

Уркаган поблагодарил их от души за добрые пожелания, а затем вновь обратился к этому подонку:

— Остаток денег, которые ты должен нам с этого перстня, отдашь этой женщине. Сейчас же, при нас. Понял?

— Да, да, понял, я все понял и сделаю все, как вы сказали, клянусь вам белым светом и всем святым!

— Не клянись, ибо клятвы таких ничтожеств, как ты, ничего не стоят. Просто хорошенько запомни одно: через неделю мы будем возвращаться этой же дорогой, и, если ты не исполнишь к тому времени все, что должен, я тебе тогда не позавидую…

Затем мы переговорили с хозяином забегаловки, которому не надо было объяснять, кто есть кто, о том, чтобы он не мешал этим людям здесь побираться и сам помогал чем мог. А так как кафе это находилось на территории Дагестана, в нескольких километрах от Южно-Сухокумска, Букварь пообещал ему переговорить с кем надо о том, чтобы с него снизили налог на уплату в общаковую казну. Хозяин харчевни несказанно обрадовался неожиданно подвернувшемуся фарту, пославшему ему таких добрых клиентов, и также пообещал помочь несчастным.

Задержавшись таким образом возле этой забегаловки, мы только затемно тронулись в путь. Ровно через девять дней мы возвращались той же дорогой и остановились у того самого кафе. Семейства не было видно на улице, и это нас насторожило.

Позвав хозяина харчевни, Букварь сообщил ему радостную для того весть о снижении налога и спросил о несчастных. У них все было неплохо, мы убедились в этом, пока обедали.

Уже рассаживаясь по машинам, мы увидели бегущую в нашу сторону женщину.

Запыхавшись, она подбежала прямо к Букварю, отдышалась несколько секунд, а затем, приподняв как-то неуверенно голову, спросила его с таким страданием в голосе, что у меня, стоявшего рядом, пробежали по телу мурашки:

— Прости, брат, ты уехал, столько сделав для нас, а я впопыхах даже не спросила, как тебя зовут, за кого мне молиться, какое имя произносить перед Всевышним?

Повисла довольно длинная пауза. Видно, и Уркагана ее тон задел за живое. Букварь о чем-то вновь задумался, потом обвел всех взглядом и, мило улыбнувшись ей, ответил:

— Молись, сестра, за бродяг и за их удачу на этой грешной земле, и да поможет тебе Аллах!

Уже закрывая свою дверцу, я услышал шелест купюр, которые Мага вложил в руку этой несчастной женщины, у которой по обеим щекам ручьем текли слезы. Думаю, этот поступок Букваря в немалой степени характеризует его внутренний мир, его душу истинного бродяги и глубоко порядочного человека.

Глава 11

Прошло несколько месяцев с тех пор, как мы с Лимпусом прибыли на родину и почти неотступно следовали за нашим братом, но в один из приездов в Махачкалу произошел неприятный инцидент с перестрелками, после которого мои кореша Лимпус с Махтумом оказались в тюрьме. Но и я ненадолго задержался на свободе.

Перед Новым, 1990 годом меня в буквальном смысле слова выкрали из туберкулезной больницы Махачкалы, где я успел пролежать всего несколько дней, и водворили в тюрьму. Но каким бы деспотом ни был тогдашний начальник СИЗО-1 Назаров, но и он отказался принимать меня в таком виде. Так что мусорам ничего не оставалось делать, как закрыть меня в четвертую туберкулезную зону, которая находилась в черте города, недалеко от моего дома, где шпана уже давно ждала меня, а больше всех, наверное, мой кореш Махтум.

Но это произошло не сразу. Я вновь стоял на краю могилы и в последнее время даже не мог самостоятельно передвигаться, больше недели пролежав в сырой одиночной подвальной камере тюрьмы. Я почти ничего не ел, и ко мне не подпускали даже вшивого лепилу, пока решалась моя судьба. В конечном итоге я был этапирован в зону.

Счастье и несчастье не предопределены заранее — человек вызывает то или иное своим поведением. Награда за добро и зло следует, как тень, за человеком. Что касается махачкалинской «четверки», как везде в ГУЛАГе называли махачкалинскую всесоюзную туберкулезную зону номер четыре, то для любого арестанта достаточно будет сказать, что из всех лагерей некогда могучего и нерушимого Советского Союза это была одна из двух самых лучших туберкулезных зон в стране. Первой по праву считалась «Ксани» — туберкулезная зона в Грузии, но после распада Союза прерогатива принадлежит махачкалинской зоне.

Думаю, нет надобности углубляться в жизнь этого «райского уголка ГУЛАГа», описывая режим его содержания и жиганские понятия арестантов. Достаточно сказать, что зона, куда меня водворили в санчасть, была чисто воровской, и за положением здесь смотрел мой друг Махтум.

Легавые не трогали меня до тех пор, пока не поняли, что я не умру. Заботами босоты я выжил, и только через два месяца прибыл следователь. Это был самый натуральный черт, каких великое множество числится в следственных отделах милиции. Не знаю, чем эти дегенераты платят за учебу, заканчивая

юридические курсы вузов, — деньгами или натурой, почему им впоследствии доверяют судьбы людей, но лично я не доверил бы им даже найденного в подворотне котенка.

На вопрос, что же правосудие инкриминирует мне на этот раз, этот идиот спокойно ответил:

— Угон.

— Что-что? — не понял я сразу.

— Угон, — невозмутимо повторил он, — угон автомобиля. Вот, пожалуйста, — открыв на нужной странице УК, продолжал он, тыча пальцем в книгу. — Статья двести двенадцатая, часть первая, до трех лет.

В палате кроме нас со следователем находились человек десять босоты. Всем стало любопытно, за что же на этот раз меня «хапнули», выкрав из больницы? И от такого ответа все, в том числе и я, буквально покатились со смеху. Ничего более оригинального легавые придумать не могли.

«Да, мельчают, мельчают их ряды и ползут вниз по наклонной», — начал я философствовать, издеваясь над этим придурком.

— Ну а вы, наверное, числитесь у них редким профессионалом, раз вам поручили вести такое запутанное дело?

— Ну, запутанного здесь, пожалуй, немного, — он ехидно улыбнулся, — нет вашего признания.

Возникла пауза, но этот придурок не обращал на нее никакого внимания, он даже не мог заметить, с каким остервенением смотрят на него, и продолжал нести всякую чушь. В оконцовке его чуть не поколотили. Он еле унес из лагеря ноги, больше ни разу туда не возвратившись.

После этого визита меня окончательно оставили в покое, и еще несколько месяцев я находился в зоне, пока весной не вывезли, наконец, на суд.

За это время в лагерь пришел Лимпус, его босота перетянула на «четверку» из мордовских лагерей, где он учинил бунт с местной «отрицаловкой». Буквально через неделю после этого пришел этапом из крытой Жулик.

Меня же освободили прямо в зала суда, ибо даже тупым кивалам стало ясно, что я невиновен. Но никто по-прежнему не отвечал за это. «Подумаешь, посадили одного из тысяч? Нужно было, и посадили, а если понадобится, посадим и всю тысячу», — вот так приблизительно и мыслило правосудие тех времен.

Глава 12

Освободившись, я застал на свободе не одного, а сразу трех Урок. Двоих из них я знал хорошо, а с третьим мне еще предстояло познакомиться. Незадолго до моего освобождения был подход к Алику и Богдану. Алик был моим соседом, и я знал его с самого детства, Богдан же в основном жил в Сургуте, но частенько наведывался в родные места. Вообще за то время, что я провел тогда на свободе, с 1990 по 1996 год, всего в Дагестане был подход к семи Жуликам. Это были: Букварь, Алик, Богдан, Заур Дербентский, Пайза, Лабаз и Зява. Всех их я хорошо знал и почти со всеми общался, но больше всего, конечно же, с Аликом.

В каких только лагерях и крытых тюрьмах не побывали мы с ним и другими достойными босяками Дагестана, привозя российской шпане воровские гревы и приветы от Урок из всех регионов нашей страны.

Это был в высшей степени добрый и отзывчивый человек, прямой и честный. К сожалению, ни Алика, ни почти половины из Урок Дагестана больше нет в живых, а некоторые уже и не «при своих».

Ну что ж, такова жизнь, и никуда от этого не деться. Но, вспоминая о многих из них, мне бы хотелось подчеркнуть, исключительно в целях воспитания тех пацанов, которые в той или иной степени склонны к криминалу. Не берите в руки оружие, не ведите себя так, как ведут себя оголтелые бандиты и насильники! Если вы хотите стать похожими на настоящих бродяг, которыми гордились многие тысячи босяков, и не только в нашей стране, будьте всегда благородны к людям и безжалостны к нечисти. Тогда вас будут уважать, и вы всегда найдете свое место в жизни.

Итак, я вновь обрел свободу, на этот раз, к счастью, на долгих шесть лет. По воровским меркам это была целая вечность, но об этом я конечно же еще даже и не подозревал. Жизнь моя в то время протекала среди Урок Махачкалы, и, пока оба моих кореша находились в лагере на «четверке», я со свободы смотрел за зоной.

Глава 13

Дело в том, что время было очень шебутным и неспокойным. Каждый день преподносил сюрпризы. Но самым страшным было то, что сюрпризы эти люди ожидали от тех, кто стоял у кормила власти, кто управлял всем и вся. Смена денежных знаков в стране и полный подсос с куревом чуть не свели меня в могилу. А напряги с продуктами питания и баснословные цены на них?

Я был на грани нервного срыва. Чего мне только стоило тогда поменять все общаковые деньги, ходившие в зоне, на равное их количество, но в новых купюрах? А курево? Чай? Глюкоза?

На свободе пол-литровая банка обыкновенных окурков, продаваемых стариками, стоила рубль — так же как и из-под полы пачка сигарет «Прима», при государственной ее стоимости 14 копеек. А теперь представьте себе, как умудриться сделать так, чтобы на протяжении целого года, пока был подсос, зона курила, чифирила (хоть и не от вольного), но курила и чифирила, и, видит Бог, это не было моей заслугой.

Ни у кого в городе, кто имел хоть какое-то отношение к лагерю, не все так плотно увязано с мусорами, как у меня. В день по нескольку раз я подъезжал к зоне с гревом для своих друзей, и его хватало не только для них. Не считаясь с тем, что грев личный, Лимпус с Махтумом в первую очередь делились им с теми, кто был «под крышей» и «на кресту».

Но в зоне находились еще и мужики, у которых никого из родных не осталось, да «залетные» арестанты, но которые тоже хотели курева и чифиря — единственных радостей в жизни арестантов любых острогов, что было делать с этим? Вот тогда Воры и порешили все заботы и тяготы, связанные с зоной, доверить мне, и я оправдал их доверие.

Всего лишь раз покинул я Махачкалу, пока Лимпус с Махтумом сидели в зоне, да и то ради того, чтобы поехать с Ворами к Лабазу в зону, в город Салават, что в Башкирии. Он добивал там дикашку, и ему нужно было встретиться с Жуликами по одному серьезному вопросу. Однажды я уже навещал его там с Яхой и Махтумом, а теперь мне предстояла поездка с Аликом и Джони Кутаисским, который гостил в то время у нас в Махачкале. Лабаз в то время еще не состоял в семье, но был в большом авторитете не только среди земляков. Один тот факт, что двое Урок приехали к нему чуть ли не за тридевять земель, говорил о многом.

Так прошел еще один год, и, когда все мои друзья оказались на свободе, я покинул Махачкалу и вновь переселился в

Первопрестольную.

Вокруг Лимпуса тогда собралось столько молодежи, которая смотрела на него, как на отца родного, что он никак не мог бросить их на произвол судьбы, ибо в воровском плане это могло бы быть очень опрометчивым шагом. То же самое касалось и Махтума, только он «работал» в другом районе города.

Что касалось меня, то я был вором, и меня никогда не прельщали все эти стрелки, разборки и тусовки по саунам с выпивкой и проститутками. Я любил тихие и укромные места, шампанское и танго в объятиях если и не любимой женщины, то уж наверняка не проститутки. Так что на этот раз я отбыл в Златоглавую один.

Это было время больших перемен, как во всей стране, так и в преступном мире в частности. Выросший на улице, с детства воруя и гастролируя по разным городам и республикам нашей необъятной страны, я слишком хорошо знал преступный мир. Его тупики и глухие закоулки для меня всегда являлись открытой книгой, и кому, как не мне, сразу понятно, что в моей вотчине произошла настоящая криминальная революция.

И это не громкие слова. Если раньше никому и в голову не могло прийти ослушаться Урку, то теперь это было даже не простое неповиновение, а открытое противостояние. И кем? «Лохмачами» — этими беспредельными рожами — либо выходцами с Кавказа, либо «быками» из преступных группировок России, у которых не было ничего святого.

Им ничего не стоило пустить пулю в затылок любому, кем бы он ни был и какого бы авторитета ни заслуживал. Они не обременяли себя комплексами воровской этики, им было безразлично, кто их оппонент — Вор в законе, преуспевающий бизнесмен или такой же, как и они, подонок. Количество денег — вот что определяло поведение, становилось мерилом дружбы, любви и жизни.

Столица была поделена на районы, где действовали разные бандитские кланы. Приехав в Москву, я пытался найти хоть кого-нибудь из старых ширмачей, чтобы продолжить работу в паре, но, стыдно признаться, их уже не было и в помине. Точнее, некоторые из них все же находились на свободе, но как они зарабатывали на жизнь? Их именами прикрывались барыги, они собирали дань с торгашей на рынках, выезжали на стрелки, разводили и сводили мосты, но лазить по карманам уже никто из них не хотел.

Как-то по телевизору я увидел криминальный репортаж. Старый карманник, мой лагерный кореш, лежал в луже крови, расстрелянный автоматной очередью неизвестными. Честно сказать, я здорово напился в тот день. И каждый раз, когда я

вспоминал наши с ним беседы, мне приходили на память его слова:

— Сколь ни люби шербет, а пить его не станешь каждый раз, как мучит жажда, — опротивеет.

— Но ты же пил его всю жизнь, — попробовал возразить я ему.

— То было другое время, бродяга, а сейчас я не хочу быть хуже других и выглядеть глупее кого-то.

Говоря откровенно, и мне не однажды предлагали что-то подобное, но все это не по мне. Я был вольной птицей и слишком дорожил своей свободой и репутацией старого карманника, не замаранной никакими темными делишками, наподобие рэкета и ему подобным. Хотя к людям, предлагавшим мне все эти, с их точки зрения, блага, всегда относился с уважением, ибо знал наверняка, что желали они мне только хорошего. Да и люди те были людьми с большой буквы, уж я-то знал это точно.

Правда, почти никого из них не осталось сейчас в живых. Вражеская пуля, и всегда из-за угла, в затылок, настигала их в самый неожиданный момент. Когда в борьбу за обладание материальными ценностями вплетается борьба идей, жизненные столкновения приобретают особый драматизм.

Глава 14

Вобщем, к тому времени я остался один. Выгнав с утра свою видавшую виды «шестерку» из Серегиного гаража, я подъезжал после девяти часов к какой-нибудь автозаправочной станции и ждал в сторонке клиента, открыв капот машины, будто ремонтируя поломку, но так, чтобы с того места хорошо просматривалось окошко кассы. И как только я выпасал жертву с тугим гомоном в каком-нибудь из карманов, я следовал за его машиной на определенном расстоянии и пас до тех пор, пока он где-нибудь не припаркуется. В такое время, как правило, фраера на работу не ездили, так что вероятность того, что, поставив машину на стоянку, он зайдет в офис и затаится там до конца рабочего дня, была минимальной.

На этот раз фраер припарковался возле «Березки», что на Ленинском проспекте, возле универмага «Москва», и зашел в валютный магазин походкой преуспевающего бизнесмена. Через несколько секунд после того, как двери за ним закрылись, они отворились для меня, и я последовал за ним в отдел, где продавался антиквариат. Еще у окошка заправки я обратил внимание на забитый до отказа долларовыми купюрами лопатник этого фраера, который он посадил в скулу, в левяк, так что я знал, где работать.

Обстановку я промацал мгновенно, еще только войдя в магазин, так что, окажись там тихушники, я бы тут же их вычислил. Интуиция в последние годы стала у меня феноменальной. Легавого я чувствовал затылком за километр.

Я подкрадывался к терпиле, не спеша выбирая благоприятный момент для «покупки» и, как только он взял какую-то вазу в руки, тут же приблизился к нему слева и тоже стал у прилавка, рассматривая серебряный канделябр. Рядом с нами не было ни одного покупателя, поэтому мне приходилось быть очень осторожным. Выудив мойло из-под губы и чуть подогнув колени, став таким образом ниже ростом, я просунул левую цапку под свою правую, в которой держал канделябр и, отогнув полу клифта фраера и добравшись до скулы, расписал ее углом.

Затем, положив канделябр на место, я отошел к самому узкому месту в магазине и стал ждать терпилу. Через несколько минут, как только он попытался протиснуться между покупателями, чтобы выйти, мне не составило особого труда, чуть пихнув его в бок, выудить заветный гомон со скулы, расписанной минуту назад, и исчезнуть.

Но это не было концом, с этого момента как раз и начиналось самое главное в этой истории. Не успел я подойти к дверце своей машины и взяться за нее, как ко мне с разных сторон приблизились три человека, с виду кавказцы. То, что это не менты, я понял сразу, поэтому и не принял обычных в таких случаях контрмер.

— Ассаламу алейкум, земляк! — улыбаясь и играя красивым брелком с несколькими ключами, проговорил старший из них.

— Ваалейкум вассалам, — ответил я не спеша, «кубатуря» в эти доли секунды, кто они такие и к какой нации принадлежат. И, еще не закончив приветствия, я уже понял, что это — чеченцы, но вот кто они, для меня пока еще было загадкой. «Ну что ж, — подумал я, — это, по крайней мере, лучше, чем если бы они были ментами».

— Садись, земляк, в свой лимузин, — улыбаясь с некоторой долей иронии, проговорил старший, — там и потолкуем.

Я открыл машину и сел за руль, двое из присутствующих расположились на заднем сиденье, а старший, который разговаривал со мной, — впереди. Это оказался человек средних лет с худым бледным лицом, редкими волосами, высокий, но несколько сутуловатый. У него были невыразительные, как бы стертые черты, глаза близорукие, но взгляд наглый. К остальным присутствующим в машине можно было относиться как к статистам.

— У тебя неплохо получается выуживать из чужих карманов кошельки, — продолжил он прерванный на улице разговор.

— А этот фраер, он что, ваш друг или знакомый? — решил я не в кипеш промацать почву.

— Он нам ни тот и ни другой, — невозмутимо ответил мне тот же персонаж.

— Тогда что вам от меня нужно, если вы не из милиции и терпила вам никто? — спросил в лоб у этого нагловатого черта, на лбу которого уже вырисовывалось большими буквами слово «беспредел».

— Долю.

— Долю? Какую долю? — не понял я сразу. — Вы, наверно, ошиблись и не за того меня принимаете.

— Нет, дорогой, мы не ошиблись. Долю с кражи. Ты что, такой непонятливый, что ли? — подняв тональность, проговорил «чех».

Несколько минут я не мог вымолвить ни слова. Меня буквально ошарашило услышанное. Я — карманник, придерживающийся старых воровских взглядов, должен платить долю с кражи не менту, который меня хапнул с поличным, а

какому-то лохмачу! И за что, спрашивается? За то, что он возомнил себя всесильным землевладельцем, требующим арендную плату?

«Ну и времена пошли, ну и дела творятся в столице», — промелькнуло у меня в голове. Но, понемногу придя в себя, я понял, что с этими быками нужно быть хитрее.

— Ну что ж, раз вы хотите долю, вы ее получите, пожалуйста. Не драться же с вами.

Я достал бумажник, «купленный» у фраера, вытряхнул на сиденье все банкноты и стал их невозмутимо пересчитывать. Все трое пристально следили за моими руками.

— Здесь тысяча семьсот восемьдесят два доллара и четыреста пятьдесят марок, — быстро посчитав купюры, проговорил я. — Сколько же из них ваших?

— Половина, — даже не задумываясь, проговорил все тот же «мотыль».

— Ну что ж, половина так половина, — так же невозмутимо проговорил я и, отсчитав ровно столько, сколько он просил, отдал ему деньги.

На несколько минут воцарилась неприятная пауза. «Чех» смотрел куда-то вперед и о чем-то напряженно думал, потом, повернув ко мне голову, сказал:

— А ты ко всему прочему еще и неглупый малый. Как тебя зовут, и откуда ты родом?

— Заур Золоторучка из Махачкалы, — коротко ответил я.

Он опять задумался на несколько секунд, затем сказал что-то по-чеченски своему другу, сидевшему сзади, и тот, выйдя из машины, отошел в сторону и стал куда-то звонить по мобильнику.

Пока он вновь не сел в машину, стояла мертвая тишина. Ее разорвал его басистый голос все на том же чеченском, после чего «мотыль», сидевший рядом со мной, сказал уже спокойней, чем прежде:

— Давай, Заур, прокатимся до Южного порта, там кое-кто хочет тебя увидеть.

Я молча завел машину, и, не говоря ни слова, мы тронулись в путь. Лишь однажды, подъезжая к кафе в Южном порту столицы, этот демонюга прервал тишину, обращаясь ко мне:

— Смотри, если ты не тот, за кого себя выдаешь, то живым отсюда не выйдешь!

«Да пошел бы ты!» — чуть не вырвалось у меня, но я сдержал себя и продолжал выруливать, стиснув челюсти от злости, чтобы не сорваться, пока он не приказал остановиться.

Одна-единственная мысль в тот момент неотступно преследовала меня: каким образом они меня выпасли? Но ответа

на нее я так и не получил, потому что забыл спросить их об этом.

Выйдя из машины, мы вошли в приличное кафе, которое почему-то в это обеденное время было закрыто. За небольшим столиком на четверых, прямо у окна сидели двое — русский и кавказец. Как только мы оказались на пороге, они повернулись в нашу сторону, и через мгновение, хорошенько разглядев меня, оба встали.

«Зверя» я узнал сразу — это был Хоза, которого мы с Лимпусом много лет назад выручили из большой беды, русака же я видел впервые. Хоза был хитер и осторожен, как старая лисица с отгрызенной лапой, и злобен, как барс, побывавший в капкане, но с друзьями был честен и уважал смелых людей. Я слишком хорошо изучил его за время нашего недолгого общения.

— Салам, Заур, салам, бродяга, — улыбаясь, проговорил Хоза, выходя из-за стола, подавая мне руку и заключив в свои объятия. — Сколько лет, сколько зим? Как жизнь, что нового, когда откинулся? Как там Лимпус?

Вопросы сыпались один за другим, я не спеша и с достоинством отвечал на них, внимательно наблюдая за обстановкой, пока официант накрывал наш столик.

Я давно уже все понял, но молчал. Три будалома, которые привезли меня сюда, сидели в сторонке, тихо о чем-то беседуя за бутылочкой трехзвездочного дагестанского коньяка.

Хоза тоже не сводил с меня глаз. В какой-то момент он резко повернулся, оборвав базар на полуслове, и что-то сказал длинному «чеху» по-своему. Через минуту тот подошел к нам и, вернув мне все деньги, извинился, сказав, что рад знакомству с таким человеком, как я. Я молча забрал деньги и, даже не удостоив его ответом, повернулся к Хозе.

Тогда еще я многого не знал о нем, а спустя некоторое время его пристрелили. Но неоспоримым было то, что все «Березки» в Москве, Южный порт, самые «козырные» станции технического обслуживания и многое-многое другое находилось под патронажем чеченцев, одним из руководителей которых был Хоза.

В подобные передряги я попадал не единожды, но почти всегда из них меня выручали Урки, и каждый раз я дивился происходящему, пока, наконец, не решил работать, как и прежде, «по вызову».

Глава 15

Душевное состояние и дух смелой предприимчивости толкнули меня на поиски новых приключений. Теперь у меня были особые клиенты. Один из них сделал мне паспорт с шенгенской визой, но уже на мое настоящее имя, и теперь мне чаще приходилось шнырять по бесконечным вокзалам и аэропортам самых разных городов Европы, нежели гоняться за фраерами по дорогам Москвы и выуживать у них в супермаркетах лопатники и гомонцы.

Несчастье похоже на время дождей: оно прохладно, безотрадно, недружелюбно как для людей, так и для животных. Однако в эту пору зарождаются цветы и плоды, финики, розы и гранаты. К тому времени, когда я прибыл в Златоглавую, Лариса уже родила мне сына и назвала его Александром, в честь своего деда. Но жили мы врозь, потому что ее постоянно навещали родственники, никак не налюбуясь на единственного внука, а круг моего общения был принципиально иным, чем у них. Но виделись мы почти ежедневно, и я все больше и больше чувствовал, что проникаюсь к ней чувством, которое испытывал уже не один раз в жизни.

Блажен человек, который может назвать своим сердце любимой женщины! Я до такой степени привык к ее опеке, к ее поистине материнскому участию в моей жизни, что чувствовал это даже тогда, когда Ларисы не было рядом.

Однажды меня командировали в Польшу. Это был обыкновенный для меня вояж. Что Польша, что Белоруссия — в то время это почти одно и то же. Работал я тогда с одной хипесницей Наташей по прозвищу Мальвина. Она была молода и замечательно красива, но ее молодость преждевременно поблекла, а красота стала мрачной и роковой.

При знакомстве с ней сразу же бросались в глаза непослушная копна кудрявых волос цвета воронова крыла, черные цыганские глаза, широкий чувственный рот, загорелая кожа и стройная длинноногая фигура. На мизинце у нее красовался дивный рубин, который казался каплей крови днем, а по вечерам он горел как раскаленный уголь. Выйдя из бездонных глубин социального мрака, она носила на своем челе какую-то странную печать мук и страданий.

Но для меня главным было то, что она была умной напарницей и неподражаемой актрисой. Она очаровывала фраеров с такой скромностью, прелестью, вкрадчивостью и множеством иных очаровательных ужимок, которые могли бы

свести с ума самого разумного мужчину и ослепить самого прозорливого.

Мы познакомились с ней в Подмосковье, в мотеле «Солнечный», на дне рождения у Жулика Захара, куда кроме нас было приглашено много достойных людей, в том числе и Урки: Петрик, Роспись, Савоська, Слива, Гога Ереванский. Почти всех нас тогда приняла контора, но после нескольких дней прожарок на «Петрах» меня отпустили, и я тут же разыскал ее.

О многом мы не успели переговорить с ней у Захара — менты помешали, теперь же у нас для этого было время. В общем, с того дня мы стали работать в паре, но сразу оговорюсь, что никакого интима у нас с ней не было. Она любила одного старого домушника Диму Хохла, и, видит Бог, любила по-настоящему и оставалась ему верна. Половину от своей доли она отправляла ему в Краслаг, где он чалился уже больше трех лет, а впереди у него был без малого двушник.

Скорее всего, именно эти обстоятельства и сыграли для меня главную роль в выборе партнерши, а мне нужна была именно женщина. С годами я понял, что верность и преданность — это не тот товар, который вообще можно где-либо купить, даже и за очень большие деньги.

Ко всему прочему Наташа была еще и очень честным человеком, так что мы подходили друг другу по всем параметрам воровского сообщества. После очередной удачно проведенной операции она любила повторять: «Женщина должна быть настолько умной, чтобы казаться дурой».

Но, что характерно, воровкой она никогда не была. В этой связи напрашивается вопрос, зачем же вообще она мне нужна? Дело в том, что, каким бы я ни был высокопрофессиональным карманником, при специфике моей тонкой работы могли случаться и осечки, и непредвиденные обстоятельства, что-то вроде воровского форс-мажора, а на ошибку я не имел права. Хотя такие моменты почти не случались, но полностью исключать их нельзя, и тогда в игру вступала Мальвина.

Всякая перемена в человеческой жизни опасна. Тот, кто ни в чем не нуждается, кто не может роптать на настоящее, того только безумие может заставить поменять образ жизни, отказаться от собственных привычек. Быть может, в моем положении и не было ничего завидного, тем не менее оно осталось стабильным, а это давало мне передышку перед неизвестным будущим.

Глава 16

Поезд Москва — Варшава, в котором мы с Мальвиной пересекали границу Белоруссии с Польшей, в Бресте стоял недолго. С некоторых пор пограничники уже приноровились к процедуре таможенного досмотра, да и ехали-то в нем почти всегда одни и те же люди — челночники.

Некогда могучий Советский Союз распался как карточный домик и в связи с этим во всех странах «социалистического совражества» грянули большие перемены. Несколько лет тому назад была разрушена Берлинская стена, фактически разделявшая человечество на две части: социализм и весь остальной мир.

Канули в Лету уголовные наказания за спекуляцию. Теперь почти любой вид торговой деятельности назывался бизнесом и стал почти абсолютно легальным. Для наших сограждан, пересекавших границы Польши, Германии, Чехии, Турции, Финляндии, Арабских Эмиратов и некоторых других стран, это было единственной возможностью хоть как-то прокормить семью. Народ голодал, несмотря на то что «железный занавес» был разорван и границы открылись почти нараспашку. Инфляция катастрофически стремилась вверх, и никто ничего не мог с этим поделать.

Со стороны складывалось такое впечатление, что в стране живут одни только воры, бандиты и аферисты. В какой-то мере так и происходило. Власть была почти полностью коррумпирована.

Все в стране продавалось и покупалось с таким размахом, транжирилось и обменивалось с такой наглостью, будто каждый день эти власть имущие преступники ожидали конца света и боялись не успеть потратить награбленное.

Что же оставалось делать простым смертным? Я имею в виду честных людей. Во время одного из своих «рабочих турне» я держал путь в Германию и ехал в одном купе с пожилой женщиной — москвичкой, которая направлялась в Чехию для покупки подержанной машины. Она зарабатывала на хлеб, перепродавая их в России. Так вот, с собою в Чехию она везла две новенькие пластмассовые двадцатилитровые канистры. Меня буквально жгло любопытство: что же в этих канистрах? При расставании я все же не выдержал и поинтересовался у нее содержимым емкостей, и что, вы думаете, там оказалось? Бензин. Да, да, не удивляйтесь, обыкновенный 93-й бензин.

Оказывается, в Чехии покупать горючее было весьма

накладно, а нескольких канистр как раз хватало, чтобы доехать до границы с наименьшими затратами. Вот такое время… Каждая копейка у людей была на счету и попросту не транжирилась.

На этот раз я тоже ехал в купе, но в нем, к сожалению, женщин не было. Мужчина моих лет сопровождал своего племянника на операцию в Варшаву, а четвертый — старый питерский флегматик еврей — всю дорогу выказывал свое недовольство и постоянно бурчал что-то себе под нос.

Наташа следовала в купе рядом. В вагон мы сели порознь и не общались на людях, поэтому никто даже не догадывался, что мы знакомы. С самого начала мы разработали план действий и старались придерживаться его.

Так вот, задача перед нами стояла следующая.

Еще в Москве ко мне через одного моего старого кореша обратился очень крутой бизнесмен с просьбой, которую он мне изложил в тот же день в довольно-таки откровенной форме в одном из уютных и тихих питейных заведений. Звали его Александр.

Обычно меня никогда не интересовала обратная сторона медали: сделал дело, получил деньги и гуляй, рванина, от рубля и выше!

Но здесь было все не так, как обычно. Здесь имела место измена и, как правило для людей такого уровня, последующая за ней жестокая месть. Это обстоятельство круто меняло дело, да еще, ко всему прочему, с недавнего времени его имя предоставляло ему немалые преимущества. Я даже денег за услугу запросил меньше, чем обычно, но Саша не хотел и слышать об этом и впоследствии уплатил мне все вовремя и сполна.

Вперед я денег не брал никогда, даже аванс — это мой принцип. Лавэ мне нужны только на необходимые расходы. Полная расплата производилась лишь только тогда, когда делюга была успешно завершена. Если же я прокалывался, хотя такого не случалось никогда, то и копейка мне была ни к чему. Я был профессионалом, и этим все сказано.

Предыстория же этой делюги такова. Александр, пребывая на пике благосостояния, в свое время, видя, как тяжело живется его школьному товарищу, подтянул того в свой бизнес, создал все условия для процветания, и тот зажил не хуже кореша. Если бы не извечный порок человечества — зависть, то что еще можно было желать двум друзьям детства на этой грешной земле?

Но — увы…

Этому ничтожеству показалось мало быть в пае с другом, причем, заметьте, в доле почти «с воздуха», ибо начального

капитала у него не имелось, поэтому Саша и одолжил этому демону крупную сумму под честное слово. Так он, скотина, решил присвоить себе все, и вот каким старым и весьма банальным способом.

На одной из вечеринок он знакомит кореша с одной милой и очаровательной дамой, которая впоследствии становится любовницей Александра. Но тот не мог и представить себе, что его любимая и кореш — это клубок из двух змей. Впоследствии они крадут из сейфа доверчивого друга и любовника необходимые им бумаги и делают дяде ручкой.

Александра сажают в тюрьму за невозвращенные многомиллионные кредиты, взятые в банке, и за что-то еще, от него уходит жена с двумя детьми, продав квартиру в престижном районе столицы.

Сам он был детдомовцем, родственников не имел, и, если бы не один благодарный еврей, которого Александр когда-то выручил по пустячному поводу, гнить бы ему на нарах лет пять, не меньше.

Но это была лишь половина истории. Освободившись из Матросской Тишины, он узнает, что его бывший кореш преспокойно наслаждается жизнью на Кипре, а любовница заражает на панели СПИДом залетных фраеров. Ей он мстить не стал: ее уже и так судьба покарала, а вот кореша своего бывшего он решил наказать, и не просто наказать, а уничтожить, но сделать это по уму. Ведь месть — это блюдо, которое всегда подается холодным.

Глава 17

И вот что он задумал. На Кипре, где в тот момент притухал этот подонок и где у него был процветающий бизнес, отдыхала некая юная супруга одного из влиятельных в России политиков, единственный недостаток которого заключался в том, что он был уже достаточно стар. Но на свою молодую жену, как обычно бывает в таких случаях, денег не жалел, а она разъезжала по курортам всего мира, соря его деньгами, и отрывалась по полной программе.

Во время одного из таких круизов она и познакомилась с подонком, который, не так давно засадив своего кореша на нары, перебрался на Кипр, и стала его любовницей. Но проблема Александра заключалась в том, что он слишком хорошо знал: ему есть что терять — и был предельно осторожен. Единственным доказательством любовной связи была фотография, которую эта мразь сделала не в кипеш на яхте при весьма пикантных обстоятельствах и которую он постоянно носил с собой в портмоне.

В погоне за жизненными благами этот гад не брезговал ничем. Это его в конце концов и сгубило, как и многих ему подобных сгубили жадность, подлость и предательство.

Кстати, за эту информацию Александр выложил кругленькую сумму в зеленых.

Так вот, мне нужно было выкрасть эту фотографию, но так, чтобы терпила не заподозрил того, что мне нужна была именно фотография, а не его кошелек. То есть нужно было красть ее вместе с лопатником или барсеткой.

В Польше я должен был получить кое-какие дополнительные инструкции, а также, по поручению ряда доверенных лиц из преступного мира, информацию о недавнем выходе пятидесятитысячных купюр, но не в российском Гознаке, а в его тайном «филиале» в Кракове, и уже из Варшавы вылететь в Никосию.

Ни самого клиента, ни настоящей цели операции Наташа не знала. Так хотел Александр, так я и поступил, хорошо его понимая, как мужчина мужчину. Но ей это было и не обязательно знать. Главным как для нее, так и для меня оставались наши отношения, то есть порядочность буквально во всем, с чем бы ни столкнула нас жизнь.

В Польше мы провели около недели и после получения нужной информации, подождав очередную группу туристов, отправлявшихся на Кипр, вылетели из Варшавы.

Никогда не забуду то время. Даже за границей Российской империи я не мог спокойно себя чувствовать и забыть хотя бы на время об этой варварской стране, о ее легавых и деградировавших чиновниках, ибо в то время у всех на устах была только Россия.

Ни один из блоков новостей ни в Польше, ни на Кипре не обходился без сенсационных заявлений российских политиков, кровавых разборок с расстрелами криминальных авторитетов какой-нибудь из московских группировок или Воров в законе.

Многие процессы в российском обществе регламентировались в то время силой мышц и отсутствием рефлексии. Опытному преступнику, хорошо знающему черные ходы и выходы в своем отечестве, нетрудно было догадаться, что в России идет настоящая гангстерская война и торопиться возвращаться туда нет никакого смысла.

Туристическая путевка по Кипру была рассчитана на 22 дня, так что времени у нас было более чем достаточно для того, чтобы успешно провернуть операцию.

Глава 18

Итак, в один из солнечных мартовских дней 1993 года я вместе с группой туристов из разных стран бывшего СССР выходил из аэровокзала столицы Кипра Никосии, таинственно переговариваясь с дамой бальзаковского возраста, и ни на минуту не сводил глаз со своей подельницы. Она тоже времени зря не теряла, весело переговариваясь с пожилым донжуаном из Львова, и, по ходу пьесы, также пробивала все вокруг. У выхода группу туристов, в которую входили и мы, ожидал автобус, на котором через несколько минут мы благополучно добрались до трехзвездочного отеля «Афина Паллада».

Кипр еще в 1974 году разделился на две части — греческую и турецкую, но это обстоятельство не играло какой-нибудь заметной роли для иностранцев, передвигавшихся по острову. Были бы баксы…

В Никосии разделительная полоса шириной в три метра была выкрашена в зеленый цвет и проходила прямо посреди города. Зная наперед, куда предстоял наш путь, я заручился в Москве рекомендациями некоторых Урок-грузин, да и сам знал здесь кое-кого и, как показало время, с некоторыми из них даже чалился у хозяина.

Здесь, в древней стране эллинов, выходцев из России, Казахстана, Молдавии и Грузии называли понтийскими греками. И надо сказать, в то время не только на Кипре, но и во всей Греции их было более чем достаточно, что, безусловно, упрощало нашу задачу.

Прекрасно понимая, что в данном случае не следует действовать наудачу и встречать опасность (а фактор риска был велик, ибо у терпил на карту было поставлено очень многое, если не сказать — все), как следует не подготовившись к ней, мы почти на всю ночь заперлись у Наташи в номере и обдумывали план действий, а следующим утром начали претворять его в жизнь.

Для начала Наташа взяла напрокат почти новый трехсотый «мерседес»-кабриолет.

Эта мразь жила в 120 километрах к югу от Никосии, прямо на берегу Средиземного моря, в городе Лимасол. Место тихое и достаточно живописное. Здесь всегда много туристов, особенно «новых русских», так что и в этом плане удача сопутствовала нам. Главное — правильно сыграть свои роли.

Договорившись со старшим группы, как делали многие, мы покинули отель в Никосии и, чтобы не привлекать лишнего внимания, расположились в маленьком домике у одинокого

рыбака на мысе Гата, в нескольких километрах от Лимасола. Он отказался брать с нас плату, зато мы, в благодарность за его доброту, во время каждой поездки в город пополняли его запасы в погребе несколькими бутылками «Зивиании» отличного качества или при случае покупали в каком-нибудь баре русскую водку, от которой он был в особом восторге.

«Хижина дяди Тома», как ласково прозвал я дом этого простого и доброго человека, был потрясающим местом, настоящей идиллией для влюбленных. Здесь было все для того, чтобы окунуться в пучину неги и сладострастия: рыбацкая лачуга на берегу лазурного моря, величественные скалы, силуэты сверкающих огнями в ночной дали кораблей и поистине райское благоухание из маленького лесочка поблизости.

Киприоты — очень благодушный и гостеприимный народ, впрочем, как и все южане, населяющие Средиземноморское побережье, и принимают все сказанное вами за чистую монету. Им нет надобности сомневаться в ваших словах, проверять ваши документы или быть слишком любопытными. Этот народ чист и открыт для любого порядочного человека.

Я это к тому, что сезон наплыва туристов, по большому счету, еще не начался, а в городе с населением в несколько десятков тысяч человек и окрестностями, в сотни раз меньшими окрестностей Москвы, затеряться оказалось не так-то просто. Поэтому и приходилось изворачиваться и лгать направо и налево.

Эту падаль мы выследили на следующий же день по прибытии на мыс Гата и в течение нескольких следующих суток были у него на хвосте, периодически меняясь у руля и импровизируя, как только можно, но все наши ухищрения не приносили нужного результата.

В рестораны и бары он никогда не заходил, в магазины и лавки тоже. Несколько раз побывал в банке в Никосии, через день ездил в пригород, на виллу к старому немцу-антиквару, остальное время проводил либо у себя дома, либо с проститутками на яхте какого-то бобра.

Я уже было занервничал, но вовремя взял себя в руки и решил использовать запасной вариант, который предусмотрительно разработал еще в первый день, как будто сердцем чувствуя, что именно он принесет нам удачу.

Глава 19

Это, так сказать, «сухумский вариант». Почему именно «сухумский»? Да потому, что первыми, кто начал его применять на столичных автострадах, были выходцы именно из этого города.

Какое-то время и я был в доле в одной из таких бригад, но потом понемногу отошел от них. Не знаю почему, но мне этот вид воровской деятельности был не по душе, хотя он и приносил большие доходы.

В чем же заключалась эта работа? Ну, во-первых, для ее осуществления нужен был надежный автомобиль, отличный водитель, хорошо знающий город, сноровка и подельник или подельники, так как одни предпочитали работать вдвоем, а другие — втроем.

Разъезжая по престижным и «хлебным» районам города, бригада подыскивала подходящего клиента (на хорошей машине и обязательно с барсеткой в руке), а вычислив такого потенциального терпилу, тут же падала ему на хвост.

Как только тот останавливал где-нибудь свой автомобиль и отлучался на какое-то время, один из преступников следовал за ним, а второй не спеша проходил мимо его машины. Он незаметно доставал из рукава либо нож, либо хорошо отточенную отвертку и «на полусогнутых» мгновенно прокалывал правое заднее колесо автомобиля.

Через несколько минут вся бригада вновь была в сборе, им теперь оставалось лишь ждать. Как правило, фраер щекотился лишь тогда, когда, отъехав на какое-то расстояние, чувствовал, что машину заваливает на правый бок.

Ничего не подозревая, он останавливал ее у обочины и открывал капот. Пока он доставал запаску, домкрат и прочие принадлежности, чтобы поменять колесо, машина с преступниками подъезжала и, поравнявшись с ним, когда он не мог видеть, что происходит впереди, из нее, согнувшись в три погибели, мгновенно выпрыгивал один из пассажиров.

Резко и без шума он открывал дверцу со стороны водителя, забирал барсетку или портфель, таким же образом возвращался, слегка прикрыв обе двери — свою и потерпевшего, и крадуны исчезали так же быстро, как и появлялись. На все про все на эту операцию уходило меньше минуты, так что игра стоила свеч.

Но было и одно но, которое могло испортить задуманное мной. Дело в том, что в Европе вы редко увидите, что водитель сам меняет спущенное колесо. Тем более если он преуспевающий бизнесмен, а дело происходит в черте курортного города.

Но мы предусмотрели и этот вариант и детально разработали все возможные непредвиденные обстоятельства, с которыми могли столкнуться «по ходу пьесы».

Для осуществления своего плана мне пришлось съездить в Никосию и взять там напрокат еще одну машину. Мне нужна была любая японская марка с правым рулем. Когда я заполучил крохотную «хонду», мы решили действовать без промедления.

С раннего утра, поставив машины на пригорке, мы пасли этого черта неподалеку от его виллы на единственной дороге, по которой он мог проехать, вооружившись морским биноклем, который мне любезно предоставил наш хозяин-рыбак, и ждали, когда эта мразь высунется наружу.

Первый день, к сожалению, не принес желаемых результатов: он даже не выезжал из дому, но мы не отчаивались. Я нутром чувствовал, что в самое ближайшее время нас ждет удача, а чуйка меня никогда еще не подводила.

На следующий день мы вновь расположились на своем «командном пункте» и не отрываясь наблюдали за виллой. Через несколько часов ожидания из ворот особняка выехал спортивный «ауди»-кабриолет светлого цвета — это, безо всякого сомнения, был он, гусь наш лапчатый.

Наташа тут же тронулась за ним, а я, выждав минуту-другую, последовал за ними, выдерживая необходимую дистанцию. Выехав на автобан и взяв курс в сторону Никосии, этот демон надавил на газ, и меньше чем через час, двигаясь в прежней последовательности и без каких-либо остановок, мы прибыли в столицу Кипра.

Теперь оставалось только гадать, зачем же он сюда приехал? Но очень скоро, как только он припарковал машину на стоянке напротив банка и вошел внутрь, все стало ясно: нам, безусловно, как следует подфартило.

Подождав немного, Наташа подъехала к его тачке и остановилась на несколько секунд почти перпендикулярно по отношению к «ауди». Она открыла свою дверь и, буквально согнувшись до земли и не выходя из машины, продырявила шилом правое заднее колесо «ауди». Тут же, проехав квартал, развернулась и подъехала на прежнее место, откуда минуту назад трогалась.

Я сидел в своей «хонде» и внимательно наблюдал за всем, но, слава богу, операция прошла спокойно. Теперь оставалось осуществить главную часть нашего плана.

Через какое-то время терпила вышел из банка, сел в машину и рванул с места. Мы неотступно следовали за ним. Даже мне на приличном расстоянии было видно, что его автомобиль чуть

наклонился на правый бок. Видно, водителем он был таким же, как и другом, — никуда не годным. Проскочив несколько кварталов на бешеной скорости и почти на спущенном колесе, этот чертополох все же остановился.

В игру вновь вступала Мальвина. Когда он еще только выходил из машины, она, подрулив к ней сзади, остановилась и, грациозно выйдя наружу, направилась в его сторону походкой, о которой говорят: «Смотри, как идет: одной ногой пишет, а другой зачеркивает!»

Когда она подошла к нему, мило улыбаясь и о чем-то расспрашивая, я рванул с места и, поравнявшись с его тачкой, на доли секунды остановился возле нее. Еще мгновение мне понадобилось на то, чтобы открыть свою дверцу, выскочить наружу в маленький проход между машинами и схватить барсетку с сотовым телефоном в придачу, лежавшим на сиденье. Не прошло и минуты, как я уже завершил операцию.

Удаляясь с места преступления не суетясь, стараясь вписаться в поток движущихся параллельно машин, я, улучив момент, посмотрел в зеркало заднего вида. Этот черт, ничего не подозревая, все еще беседовал о чем-то с Наташей, определенно пытаясь ей понравиться. Он, видно, так любил хорошеньких женщин, что и смерть ему была уготована Всевышним именно с их подачи.

Да, вот как бывает порою в жизни. Знал бы этот демон, что в виде этой нежной кокетки с ее плохим английским и манерами истинной леди выступает не кто иная, как известная всем покойникам старуха с косой… Бог все видит и знает — кого, когда и как наказать.

Итак, дело сделано. Оставалось лишь отдать фотографию заказчику и получить деньги. Говоря откровенно, снимок был более чем откровенным и впечатляющим. Но главным в нем была не его сексуальная направленность, а изображенная дама. Видит Бог, она была красавицей и сложена как Венера.

Можно было не глядеть на этот эротический дуэт, запечатленный в самый разгар сладострастной неги. Пред моим воображением в тот момент предстали оба любовника, и я был просто не в силах понять, как могла эта молодая, красивая, богатая, а главное, влиятельная женщина польститься на этого черта? Неужели у нее отсутствовало обыкновенное природное женское чутье?

Не уверен. Скорее всего, ее достоинств было все же маловато: не хватало как минимум одного — ума. Ну что ж, так зачастую и бывает в жизни. Бог с избытком дает одному то, чего лишает другого, и наоборот. Уж такова жизнь, господа…

Глава 20

В тот же день, когда нужная фотография была уже у нас, я позвонил Александру на мобильник. Он тогда находился в Вене по делам своей фирмы. Нашей работой он остался доволен и обещал через несколько дней подъехать.

Чтобы не искушать судьбу, в тот же день, когда мы уперли у этого фраера барсетку, мы распрощались с добрым рыбаком и покинули его гостеприимный дом, перебравшись в Никосию.

Еще когда мы только прибыли на Кипр, в холле отеля я встретил одного старого знакомого грузина Автандила, с которым мы вместе отбывали срок еще в Уссурийске. Нас и вывезли тогда с этой командировки вместе с ним и с остальной шпаной зоны. Так вот, Авто был от души рад нашей встрече и даже не хотел отпускать меня. Я ему вкратце объяснил, что к чему, он понял и не стал противиться, но взял с меня слово, что я обязательно навещу его, прежде чем покину Кипр. Случай был более чем подходящий, и я им воспользовался. В общем, мы направились к старому бродяге.

Авто был несказанно рад нашему приезду, накрыл хороший стол, созвал порядочных людей, и нескольких Урок в том числе, так что в тот день я почувствовал, как над его домом витал босячий дух, а в моем сердце — душевная благодать. У Авто на хате мы и оставались до самого отъезда. На всякий случай мы сделали копию с фотографии и затырили их в разных местах.

Как у туристов, прибывших на Кипр, у нас оставалось еще почти две недели отдыха, так что мы воспользовались этим — расслабиться было где. Александр прибыл через несколько дней, поблагодарил за проделанную работу, забрал фотографию, расплатился и в тот же вечер улетел. Вскоре и мы, примкнув к нашей группе туристов, вылетели в Варшаву. Здесь я думал на некоторое время расстаться с Наташей, тем более что она после удачно проведенной делюги собиралась на свидание в зону.

Прежде чем тронуться в путь, я позвонил из Польши в Москву и Махачкалу. И если в столице все было о'кей, то в Дагестане меня ждал удар, от которого я отошел не сразу. Всевышний наказывал меня за грехи через моих же детей, но тогда я еще не задумывался над этим.

Я был сражен той новостью, которую сообщила мне жена. Да, да, не стоит удивляться, именно жена. Дело в том, что еще в 1990 году, освободившись из четвертой туберкулезной зоны в Махачкале, я познакомился с очень доброй, интеллигентной и порядочной женщиной — Людмилой, полюбил ее и через

несколько месяцев женился на ней.

У нее к тому времени был двенадцатилетний сын. Много лет назад она была разведена и воспитывала его одна, работая секретарем-машинисткой на махачкалинской автобазе. Общение с дочерью-подростком открыло мне глаза на многие аспекты семейной жизни, но я не был склонен к домашнему очагу. Меня все время тянуло в дорогу, а оставлять дочь с больным и старым дедом было по меньшей мере непорядочно, хотя она и прожила с ним вдвоем долгое время. Но тогда она была еще ребенком, а теперь в самом скором будущем ей предстояло стать девушкой, и ей нужна была именно женская опека.

Была и еще одна причина, по которой я вступил в брак со своей новой женой. Мне очень хотелось, чтобы именно она родила мне дочь и чтобы я назвал ее в память о своей матери.

Все произошло именно так, как я того и хотел. Дочь родилась в марте 1992 года, но в родильном доме девочке при родах повредили голову, и позже врачи обнаружили у нее гидроцефалию и микроцефалию мозга. Проще говоря, она была парализована. Жена узнала об этом лишь тогда, когда ребенку было уже больше года. Эту печальную новость она и поведала мне по телефону.

Первой моей мыслью в тот момент было приехать и уничтожить всех этих акушеров и гинекологов, вместе взятых, но потом здравый смысл все же взял верх над безрассудством и горем, да и всегдашнее уважение к белым халатам не позволило мне совершить страшный грех.

Я не мог оставить жену наедине с таким горем, что, кстати, делали на моем месте очень многие ничтожества, посылая какие-то средства к существованию, а сами вновь отправлялись на поиски приключений.

Если все мои дети, волею судьбы разбросанные по белому свету, были, слава богу, живы и здоровы, то дочь в Махачкале нуждалась во мне, так что я спешно возвращался домой…

Глава 21

После написания предыдущей главы я долго не мог прийти в себя, с тоской и болью в сердце вспоминая свою покойную дочь. Покойную, потому что через семь лет после рождения на свет для того лишь, чтобы перенести столько мук и страданий, она умерла.

Видит Бог, даже самому ярому своему врагу — легавому, который когда-то пытал и мучил меня, подводя под вышак, я не пожелал бы такого горя. Некоторое время я пребывал в нерешительности — описывать ли на страницах этой книги все те мытарства и мучения, которые пережили мы с женой в связи с болезнью и смертью нашей дочери?

Но в конце концов, посоветовавшись с супругой, я решил написать все как было, но вкратце, ибо человек никогда не сможет рассказать, а тем более выразить на бумаге все то, что было связано со смертью его собственного ребенка. Хоть и спустя многие годы, это все же выше родительских сил, поверьте мне.

Не успел я приехать домой, как умер мой отец. Это был еще один удар судьбы, удар ниже пояса, который мне необходимо было пережить, чтобы не сойти с ума. Прошло то положенное время после похорон, во время которого, по мусульманскому обычаю, исполняются необходимые обряды по усопшему, прежде чем мы с женой начали предпринимать какие-то меры по отношению к безнадежно больной дочери.

Больше двух лет я постоянно находился рядом с ней, куда бы ни забрасывала нас судьба. Куда только мы с женой не возили ее: по разным врачам, по всевозможным знахарям, и в святые места, и, наконец, привезли ее в Москву. Больше месяца каждую неделю мы возили ее на сеансы какого-то мудреного массажа в клинику «Прима-медиа» возле метро «Семеновская», где нам и посоветовали положить ее в больницу, которая находилась на Ленинском проспекте, напротив гостиницы «Спутник», на операцию.

Думаю, нет надобности объяснять, каких денег и связей стоит родителям положить ребенка вместе с матерью в одну из самых престижных клиник страны, когда на одну койку здесь всегда претендует не один десяток больных. Тем более если больница эта находится в Москве.

Через несколько месяцев интенсивного лечения ей сделали операцию, после которой хирург, и он же лечащий врач, сказал нам прямо и без всякого стеснения, как я его и попросил, что если она проживет до семи лет, то будет жить, если же нет — значит,

умрет.

Такие операции на головном мозге, тем более детям, наши нейрохирурги после соответствующей практики в США еще только начинали делать у нас в России, поэтому ему сложно было говорить что-то более определенное, вот он и был столь категоричен. Но тем не менее оказался прав: она прожила 6 лет и 7 месяцев.

Семнадцать дней я провел с ней в больнице с самого первого дня и до того, как ее выписали домой, и клянусь Богом: в своей жизни я не видел и не переживал ничего более страшного.

А если исходить еще и из того, что и до, и после этого кошмара я плотно сидел на игле, то искушенному читателю, думаю, нетрудно будет себе представить, в каком состоянии я пребывал. Но, видя, как страдает моя дочь, я сознательно обрек себя на эти муки, пытаясь хоть таким образом быть ближе к ее боли. Правда, я принимал трамал, но исключительно для того, чтобы быть хоть как-то полезным своей жене, ибо наркоман на кумаре был бы для нее источником дополнительных проблем.

Почти каждое мгновение на моих глазах страдали и умирали дети, так же как и моя родная дочь. Боль и ужас в глазах матерей сменялись стонами и плачем погибающих детей.

Жестокие удары судьбы обладают той особенностью, что, до какой бы степени совершенства или черствости мы ни дошли, они извлекают из глубины нашего «я» истинную человеческую природу и заставляют ее показаться на свет.

Порой во время бессонной ночи я размышлял, вспоминая всевозможные казино и дома терпимости, рестораны и скачки. Если хотя бы сотую часть тех денег, которые транжирились там людьми на кайф и развлечения, обратить во благо, то есть отдать в помощь таким вот заведениям, как это, какое бы это было богоугодное дело, сколько бы детей были спасены, сколько бы женщин-матерей молились бы за таких людей, а не проклинали, как проклинали всю жизнь меня как вора!

Многое тогда я передумал, многое переосмыслил, но к свету так до конца и не дошел. Но я не имел права расслабляться, потому что должен был поддерживать жену, которой, откровенно говоря, диву давался. Откуда в этой худенькой, хрупкой и нежной женщине было столько мужества и терпения? Столько сил и материнской любви? Лишь только после этих кошмарных семнадцати дней я действительно понял, что настоящая женщина намного сильнее мужчины и во многих вопросах превосходит его.

В то время когда мне приходилось безбожно воровать, рискуя больше, чем когда-либо, чтобы оплачивать счета врачей и покупать дорогостоящие лекарства для дочери, я многого не

понимал. Я предполагал, что Бог не дает мне спалиться лишь из жалости к моему больному ребенку, но это было далеко не так. Всевышний испытывал меня, постоянно давая почувствовать и тем самым вразумить, что на чужом горе счастья не построишь…

Остановись, пока не поздно, как бы предупреждал Он меня, но куда там! Сейчас, спустя годы, многое осознав и обдумав, я абсолютно уверен в том, что мои выводы правильны.

Неизменными спутниками в моих похождениях в то время были Наташа и ее супруг, который успел уже к тому времени освободиться. Втроем мы крали и в столице, и за ее пределами, то по карманам, то по хатам, до тех пор, пока не расстались уже почти навсегда.

После операции, а ее провели в день моего рождения, мы вылетели с женой и прооперированной дочерью в Махачкалу. Нам оставалось только одно: ждать. Ничто так не гнетет человека, как неизвестность, тем более когда дело касается здоровья ребенка, и обычно он скорее ожидает дурных вестей, чем хороших. К тому же вестники несчастья скачут всегда быстрее, чем вестники добра. Но каждый ждет по-разному. Я не собирался сидеть сложа руки, тем более что поле деятельности было необозримым.

Купив подержанный «жигуленок», чтобы не светиться понапрасну, я каждую субботу и воскресенье выезжал на разные базары Дагестана и Чечни: Хош-Гельды, Хасавюрт, Ая-базар, Дербент и прочие. Помимо «трудов праведных» я жил активной воровской жизнью, общаясь как с местными, так и с залетными Жуликами. Ездил с ними к шпане в крытые тюрьмы и лагеря. Жизнь воровская отвлекала меня от житейских невзгод, свалившихся на мою голову так внезапно.

Но и легавые не кукурузу охраняли. В конце концов мне предъявили ультиматум. Или я покидаю город в любом направлении, или меня через несколько дней после предупреждения сажают в тюрьму. Но легавые, правда, сделали оговорку, что на эту уступку они пошли исключительно из-за моего семейного положения. Смерть отца, на руках у неработающей жены крохотная дочь-инвалид, несовершеннолетний сын и дочь-студентка.

В общем, легавые почти не оставили мне выбора, если не считать того, согласно которому я должен был вновь оказаться за решеткой, так что мне пришлось снова покидать отчий дом и пускаться в странствия.

К этому времени мои подельники-супруги спалились на одной из хат и теперь чалились в Бутырке. Узнав эту печальную новость, я вспоминал, как не хотела Наташа лазить по квартирам, как ей это не нравилось, но, увы, выбора у нее, к сожалению, не

было.

Глава 22

В тот раз я покидал Махачкалу поездом. Эти несколько дней пути мне требовались для того, чтобы разобраться в сложившейся ситуации, по возможности предугадать события и постараться сделать правильный следующий ход.

По сути, обладая веселым нравом, я готов был рассмеяться жизни в лицо, несмотря на окружавшие меня печаль и горе. Ведь человеческая жизнь полна противоречий, и даже самая сильная натура не выдержала бы, подобно мосту, по которому солдаты маршируют в ногу, если бы ей доводилось непрестанно испытывать на себе всю тяжесть горьких мыслей и чувств.

Близился к концу этот кошмарный и суетный 1995 год. Несколько лет подряд мы с женой даже и не помышляли о праздновании какого-нибудь события, даже и самого любимого праздника всех моих домочадцев — Нового года. Поэтому, если судьба распорядилась так, а не иначе, рассуждал я, почему бы Новый, 1996 год мне не встретить в кругу дорогих и близких людей, которых я не видел целую вечность. Правда, тогда я еще не мог предвидеть, куда забросит меня судьба, но точно знал, где и с кем мне хотелось бы его провести. Единственным исключением для меня была моя младшая больная дочурка. С ней я готов был до конца дней своих встречать и провожать Новый год, рассветы и закаты, да и саму жизнь мне хотелось бы провести с нею рядом, но — увы…

Правда, Всевышний позже немного смилостивился надо мной и все же позволил мне проводить ее в последний путь.

Именно в то время я начал понемногу понимать, что человек, который произвел на свет хотя бы одного ребенка, себе уже не принадлежит. Все его помыслы и желания должны быть направлены на благо своего чада. Так что мне было над чем задуматься.

Пятеро детей, и почти все от разных женщин, — это, согласитесь, давало пищу для размышлений, тем более что я уже не пацан, мне шел пятый десяток. Так что для начала я решил навестить троих из них, тех, которые были дальше всех. И если Александра я мог увидеть уже через сутки в Москве, то старший сын жил в Германии, а дочь — в Самарканде, куда добраться было не так уж и просто, но не это было главным. Нужны были средства, чтобы пуститься в такой длительный вояж, а их пока еще не было.

Вот какую я поставил перед собой задачу, но главным для меня была помощь младшей дочери. Все, что можно было сделать

для ее выздоровления, я сделал, и мысль об этом хоть как-то успокаивала меня.

Москва середины девяностых, конечно же, резко отличалась от начала перестроечного периода, но тем не менее до относительного порядка и спокойствия ей было еще далековато. Что касалось преступного мира, то здесь так же, как и везде в России, грянули большие перемены, но основных воровских постулатов они не коснулись. Общество для нас по-прежнему делилось на три масти: вор, мужик и фраер, ну а разного рода лохмачи и беспредельные рожи немного охладили свой пыл. Правда, в тюрьмах, особенно столичных, еще чувствовалось некоторое противостояние, но это было скорее конвульсией умирающей гидры, нежели борьбой двух противоположностей. Ну а в самой столице уже чувствовалось относительное спокойствие.

Первым делом я поехал на Дорогомиловский рынок, где меня почти все знали так же хорошо, как и я их. Отоварившись ханкой, продуктами питания и всякого рода бытовухой, я двинулся в сторону Бутырки, чтобы передать перелом своей подельнице Мальвине. Что же касалось ее супруга, то необходимых для передачи данных я, к сожалению, не знал. Почти полдня мне пришлось простоять в тюремной очереди, так что домой я попал лишь к вечеру.

Проведя несколько дней с Ларисой и маленьким Александром, к концу недели я узнал новость, которая меня обрадовала и огорошила одновременно. Оказывается, Лариса с сыном переезжала в Гамбург, но слов «Поедем с нами» при этом произнесено не было.

Мне это было на руку. Я принял обиженный вид, хотя прекрасно понимал, что она не сказала их, подразумевая конечно же и отца ее ребенка, то есть меня, тоже.

— Ну что ж, насильно мил не будешь, — проговорил я на прощание тоном оскорбленного супруга и, не дав сказать что-либо в оправдание, покинул ее квартиру, сильно хлопнув дверью.

Я оставил последнее слово за собой. Это конечно же подло, но самым прискорбным стало другое: я сделал все это умышленно. Воспользовавшись тем, что у матери на первом плане всегда находится ребенок, я как бы разыграл сцену ревности и невнимания к себе, хотя сам умудрился за время нашей разлуки жениться и обзавестись еще одним ребенком.

Она, естественно, об этом ничего не знала и любила меня по-прежнему, настолько сильно, насколько это позволяло ей ее благородное сердце. Ну а что же я? Увы, в неожиданной схватке между эгоизмом и долгом, когда мы отступаем шаг за шагом от наших, казалось бы нерушимых, идеалов, растерянные,

ожесточенные, в отчаянии сдавая свои позиции, отстаивая «каждый клочок земли», надеясь на возможность бегства, ища выхода, — какой внезапной и зловещей преградой вырастает позади нас глухая стена!

Глава 23

Даже не помню, как я очутился в тот день на Ленинградском вокзале. Ноги сами привели меня туда. Ну что ж, это судьба, решил я и, взяв билет до Северной столицы, стал искать свой вагон. И пусть меня украдут, если, располагаясь в купе «Красной стрелы», я знал, зачем покидаю Москву и что буду делать в Питере!

Но «по ходу пьесы» мои мысли стали принимать более определенное направление, и на следующее утро, выходя из вагона на перрон Московского вокзала, я уже точно знал, куда я отсюда поеду и что постараюсь предпринять далее.

В своей второй книге я уже как-то вскользь упоминал о том, каким весом к тому времени пользовался мой старый лагерный знакомый Арон, когда Лимпус пытался сбагрить ему «рыжую цепуру». Так вот, Арон действительно многого достиг.

Служа консультантом по приобретению недвижимости в одном из центральных банков Северной столицы, он был еще и хозяином совместного российско-турецкого предприятия по производству полиэтиленовых пакетов и имел маленький заводик в пригороде Питера по производству минеральной воды боржоми. К тому же он держал свою финскую баню на Васильевском острове.

Это заведение было настоящим земным раем, который предоставлялся только избранным, а кроме того, здесь была настоящая штаб-квартира для многих деловых людей Питера, в чем я сам смог убедиться.

Найти особняк, где жил сей предприимчивый бизнесмен, было намного проще, чем туда попасть. Владения Арона находились в одном из живописных мест Гатчины, примерно в тридцати километрах от Санкт-Петербурга.

— К сожалению, трудно застать хозяина в это время дома, — сказал мне в домофон вежливый и приятный голос дворецкого, — но, если вы назовете свое имя, мы тут же свяжемся с ним и сообщим все, что вы пожелаете.

Я конечно же назвал не имя, а кличку, да и то несколько завуалированно, чтобы догадаться смог именно старый каторжанин, а не кто-нибудь посторонний. Зачем зазря палить малину?

Сколько лет прошло, может, уже и позабыл часом, стал подумывать я, с неприязнью наблюдая за движущейся видеокамерой внешнего наблюдения, чем-то напоминающей мне зоновскую вахту. Было холодно, шел снег, но ветра не было. Уже

несколько минут я прохаживался по аллее вдоль этих хором, как вдруг массивная железная дверь отворилась, из ворот выскочил огромный детина под два метра ростом и не пошел, а побежал в мою сторону. Снег хрумкал у него под ногами так, будто бежал не человек, а ехала легковушка. Такая ретивость была хорошим знаком, решил я и не ошибся.

— Простите, что заставили вас так долго ждать, господин Зугумов, — проговорил молодой человек, теперь уже не казавшийся мне отморозком с бритой шеей, как показалось сначала.

«Ага, значит, все же не забыл меня старый жид, даже фамилию мою запомнил», — тут же промелькнуло у меня в голове.

— Ну что вы, что вы, — попытался я сделать вид искушенного во всех вопросах человека, — ничего страшного не произошло. Я ведь понимаю: безопасность в наше время абсолютно необходима.

— Прошу вас, — продолжал суетиться молодой человек, показывая рукой на особняк. — Дом Арона Давидовича к вашим услугам, а сотрудники — в вашем полном распоряжении.

— Ну, полноте вам, молодой человек, полноте! Мне нужно просто немного отдохнуть с дороги, а для этого необходимы всего лишь камин да кресло.

— Не беспокойтесь, они уже ждут вас в гостиной.

Вот таким образом, беззаботно любезничая с этим, по всей вероятности, отставным офицером некогда могучего КГБ, мы вошли в дом, а затем и в небольшую, но уютную гостиную, где в камине, построенном в стиле барокко, весело потрескивало несколько поленьев сухих дров. Я расположился в уютном кресле и через несколько минут уже потягивал вприкуску ароматный чай, с интересом рассматривая богатую и со вкусом обставленную гостиную и картины, висевшие на стенах.

Описывать этот особняк нет надобности, одно слово — хоромы. Арон «притухал» здесь лишь в выходные, а в остальные дни недели он жил на питерской квартире почти в центре города, вместе с семьей.

Глава 24

Я прибыл в будний день, поэтому встретились мы с ним только к вечеру. Арон познакомил меня с некоторыми из своих деловых партнеров и в какой-то степени друзей, которые остались с ним то ли после совещания, то ли после удачно проведенной сделки.

Вскоре наш разговор перешел совсем в другое русло. Да, четырнадцать лет прошло с тех пор, как мы расстались после освобождения из зоны в Коми. Много воды утекло за это время, так что нам было о чем вспомнить и что рассказать друг другу.

— Арон, мне нужна работа, и под Новый год я должен быть в Берлине, — начал я разговор по существу после того, как мы вспомнили добрым словом порядочных людей и недобрым — негодяев.

— Ну что ж, работа для тебя будет, Заур, такие люди, как ты, всегда нужны и на дороге не валяются. Насчет Берлина не знаю, но вот в Дрездене на Новый год ты будешь, это я могу тебе почти обещать. Кстати, как насчет ксивоты, бродяга?

— С правилом все в порядке, Арон, не беспокойся.

— Ну, тогда отдохни пару дней, пока я позабочусь о твоей скорой поездке в страну колбасников и пивоваров. Попарься в баньке, с девками поамурничай да водочки попей русской. В общем, отдохни по-барски; по глазам вижу, ты, старина, подустал немного.

— Да, есть маленько.

— Ну, вот видишь, Арон еще способен отличить по глазам уставшего босяка от бешеного фраера.

Ну что ж, я внял совету старого приятеля, только вместо водочки по моим жилам потек героин. Почему именно Дрезден? Думая над этим вопросом, я и заснул в ту ночь, а уже следующим вечером Арон объяснил мне все и ввел в курс дела.

Оказывается, в Дрездене вот уже около десяти лет жил двоюродный брат Арона, Михоил. Одаренный художник и реставратор, он занимался скупкой старинных художественных ценностей, реставрировал их и перепродавал. Бизнес его процветал, а клиентами были очень богатые люди — от управляющих банками до титулованных особ Европы.

Для некоторых операций, кстати, вполне законных, но связанных с доставкой крупных сумм денег в ту или иную страну, ему нужен был верный человек. А на ловца, как говорится, и зверь бежит. Рекомендации Арона было более чем достаточно для его предприимчивого и делового брата, поэтому, договорившись с

ним обо всем по телефону, Арон стал готовить меня в дорогу. И то, с каким рвением он взялся за дело, давало мне основание предполагать, что он в доле со своим братом, но меня это не интересовало. Я всегда умел быть благодарным человеком.

Звонок в Берлин застал Валерию врасплох. Она никак не могла поверить в то, что звоню именно я. Позже я узнал, что до нее дошли слухи о моем расстреле и она уже было похоронила меня в своей душе, как вдруг я объявился в Германии, и не с кем-нибудь, а с ее лучшей подругой.

После этого ни слуху ни духу, и вот вдруг неожиданный звонок из Питера, сообщающий ей о том, что я скоро должен буду приехать в Германию.

По тому, как Валерия спросила у меня о Ларисе, я понял, что она ничего не знала о нашем сыне. Ну и слава богу, решил я.

Объяснив ей, что в самом ближайшем времени я буду в Дрездене по делам фирмы, в которой работаю менеджером по маркетингу, я попросил ее о том, чтобы она хоть издали показала мне сына, тем более что путь от Берлина до Дрездена был недолгим: на машине около двухсот километров.

— Зачем же издали, Заур? — услышал я неожиданный ответ Валерии. — Он знает, кто его настоящий отец.

Я был поражен этим, но что можно сказать по телефону? Мы договорились о том, что как только я прибуду на место, то позвоню ей, и там уже все будет видно.

Через несколько дней, имея на руках билет в Дрезден и бумаги эксперта-искусствоведа и поблагодарив Арона за все, что он сделал для меня, я выехал в Москву и по прибытии, прямо с Ленинградского вокзала направился в аэропорт Шереметьево, нигде при этом не останавливаясь. Деньги, которыми любезно «взгрел» меня Арон, я предусмотрительно перевел в одном из банков Питера в дорожные чеки American Express.

Еще в мой первый приезд в Германию я убедился в том, что дорожные чеки за границей весьма удобны. Их даже не нужно декларировать на таможне, хотя, безусловно, за безопасность тоже приходилось платить.

После того как в октябре 1994 года в Москве хапнули Владимира Свитковского, немцы стали более разборчиво подходить к системе пропуска на свою территорию наших сограждан, тем более судимых. Малейшее нарушение паспортного режима — и путь в страну Шиллера и Гёте любому из них был навсегда заказан.

Больше того, после наплыва в страну нашей братвы немецкая полиция создала спецподразделение по борьбе с русской мафией со специфически русским названием «Тайга».

Ну а мытищенский киллер оставил после себя длинный кровавый след, расстреляв осенью 1994 года в Берлине на Ансбахер-штрассе известного и богатейшего коллекционера старинных икон Владимира Ляховского, забрав у него уникальную коллекцию и немалую сумму в марках. Но этого ему показалось мало, и буквально несколько дней спустя, в том же Берлине в собственной картинной галерее на Курфюрстендам, он умудрился пристрелить в затылок коллекционера Алексея Глезера, сорвав и там немалый куш в валюте и иконах.

Так что мне нужно было быть более чем осторожным, прежде чем я не пересеку границу Фатерлянда. Но слава богу, некоторый опыт, связанный с пребыванием в этой стране, у меня уже был, да и объясниться я мог с любым немцем, а это обстоятельство было очень немаловажно в моем положении, если не сказать больше. Ибо исход любого дела в чужой стране в первую очередь зависит от знания языка, на котором говорит ее народ.

В Дрезден я прибыл холодным декабрьским утром, за день до Нового года. Я поселился в недорогом отеле «Саксония», почти в центре города, но позже переехал на квартиру к одному пожилому немцу. Эту хату посоветовал мне Михоил, который оказал мне впоследствии помощь, выказав необыкновенные великодушие, деликатность и щедрость.

Правда, единственным неудобством, связанным с моим новым местом жительства, была железная дорога, которая проходила совсем рядом, но я не собирался долго задерживаться в этой берлоге, поэтому и не обращал на такую мелочь особого внимания.

Знал бы старый педант домовладелец, предупреждая меня об этом неудобстве, при каких условиях мне приходилось порой засыпать, — диву бы дался, это уж точно.

В самое ближайшее время меня вновь ждала дорога: сначала в Берлин, а куда затем — оставалось только гадать. А пока, после звонка из отеля «Саксония» в Берлин Валерии, еще только прибыв в Дрезден, я с трепетом в душе ждал встречи с сыном, наверно, так же, как и с его красавицей матерью, с которыми не виделся ровно пятнадцать лет.

Глава 25

В самолете я раздумывал о предстоящей встрече, однако ничего более подходящего для этого свидания, чем знаменитая на весь мир Дрезденская картинная галерея, мне в голову почему-то не пришло. Я вообще ничего не знал об этом городе, кроме того, что Дрезден — это столица Саксонии. Что касается туристического проспекта, то я купил его уже на аэровокзале.

В тот день я прогуливался по коридорам второго этажа галереи, как-то рассеянно рассматривая развешанные на стенах шедевры старых мастеров, и нервно поглядывал на часы. Я опоздал немного, поэтому и переживал, как вдруг абсолютно неожиданно услышал за своей спиной некогда дорогой и любимый голос Валерии, произнесший всего два слова: «Здравствуй, Заур!» Страшась реальности и в то же время мечтая о ней, я не спеша повернулся. Предо мною стояла все та же богиня, какой она была много лет тому назад, казалось бы, ничуть не изменившаяся за это время.

Она напомнила мне картину Ренуара, которую я только что разглядывал. Отливающие светящимся агатом, высоко зачесанные волосы, пряди, вьющиеся у глаз, ложащиеся на нежную шею. Крохотные морщинки в уголках миндалевидных изумрудных глаз только придавали ласковость ее улыбке. Она не нуждалась в косметике, и было видно, что почти ей не пользовалась, ибо ее лицо все еще хранило свежесть и мягкие тона молодости.

Не сводя с нее взгляда, который мог бы расплавить любой металл, я сделал ей навстречу несколько шагов, и, приблизившись, мы, как когда-то в столыпинском вагоне, утонули в жарких объятиях друг друга. Через какое-то время разомкнув руки и немного отстранив ее от себя, я увидел, что Валерия тихо плачет, подняв голову и глядя мне прямо в глаза.

Она была по-прежнему хороша и желанна! Мой взор был прикован к ней, как к чему-то божественному и невероятно прекрасному. Я не мог вымолвить ни слова, лишь поднося ее руки к своим губам, целовал по очереди каждый палец и не сводил взгляда с ее изумительных глаз.

Наконец я пришел в себя и постарался произнести слова приветствия, вложив в эти несколько фраз весь огонь своего сердца:

— Здравствуй, Валерия, здравствуй, любовь моя!

Откровенно говоря, я даже не догадывался раньше, как сильно любил эту женщину, как не хватало мне ее все эти годы.

Неожиданные повороты судьбы, неистощимой на дьявольские

выдумки, зачастую превосходят самые вычурные замыслы людей. Действительность порой творит настоящие чудеса. Познакомившись в тюрьме пятнадцать лет тому назад, мы расстались с ней после личного свидания на далекой северной командировке, куда она приезжала ко мне с двухлетним сыном, и никогда больше не виделись.

И вот, по сути, первая наша встреча на свободе, да еще и при таких обстоятельствах. Я находился в тот момент как бы в другом измерении. Да и она, я это чувствовал, очень переживала и нервничала. Потихонечку мы начинали обретать ощущение реальности. Валерия взяла меня под руку, и мы стали ходить по коридорам этого храма искусств, тихо разговаривая и делясь впечатлениями о пройденном этапе нашей жизни.

Есть два свойства, к которым неустанно стремится душа человека: сердечная доброта и смирение. Нечасто встречаешь их в нашем суровом мире, среди людей холодных и полных гордыни, однако именно доброта и смирение говорили устами Валерии.

Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как мы встретились, час или два? Но она успела поведать мне очень многое. Прежде всего, как нетрудно догадаться, она рассказывала о нашем сыне.

— Твои откровения, моя дорогая пропажа, я выслушаю чуть позже. Думаю, это сходится и с твоими желаниями, не правда ли? — улыбаясь с хитринкой во взгляде, проговорила Валерия, не отпуская мой локоть и в то же время тихонечко подталкивая меня к выходу.

— Да, конечно, милая, это не к спеху, тем более что жизнь моя так предсказуема, что ты почти и так все о ней знаешь.

— Ну не скажи, дорогой, не скажи, — вновь загадочно продолжила она. — Ну да ладно, с этим повременим немного.

Так, перекидываясь маленькими, не договоренными до конца фразами, мы оказались на улице. Кругом было удивительно тихо и белым-бело, хотя снег и не шел. Я полной грудью вдохнул морозный воздух и, повернувшись к Валерии, замолк. В этот момент говорили лишь мои глаза. Она поняла меня без слов, улыбнулась и, показав рукою куда-то вдаль, повела меня под руку к сосновой аллее, которая начиналась в нескольких сотнях метров от нас.

Наконец мы вошли в аллею. Мягкий пушистый снег, еще не успевший слежаться, хрустел у нас под ногами, и у меня было такое ощущение, что все это уже где-то было. Вероятнее всего, это мои собственные представления о нашей предстоящей встрече, посещавшие меня в разное время и в разных местах, оказались так схожи с действительностью, что я на какое-то мгновение

утратил чувство реальности.

Пройдя еще немного в глубь аллеи, мы остановились неподалеку от молодой одинокой парочки, стоявшей рядом у красивой и стройной королевской сосны. Совсем еще юный кавалер нежно прижимал к себе свою не менее юную девушку и отогревал своим дыханием ее руки, которые она поднесла к его лицу. Над ними вился легкий парок от их дыхания, поэтому и лиц было не разобрать.

Валерия не дала мне даже опомниться.

— Заур, — обратилась она к молодому человеку по-русски, — подойди, пожалуйста, сюда.

Юноша что-то сказал своей подруге и, видимо извинившись, не спеша подошел к нам.

— Позволь представить тебе, мой мальчик, Заура Магомедовича Зугумова — артиста по профессии, авантюриста по призванию и твоего отца по крови.

Я не мог вымолвить ни слова.

Передо мной как на экране промелькнули события пятнадцатилетней давности, когда почти так же Валерия велела привести его в кабинет начальника колонии и сказала: «Заурчик, посмотри туда, — это твой папа!»

Только тогда он был двухлетним малышом, а здесь передо мной стоял уже довольно взрослый и, по всему видно, хорошо воспитанный молодой человек.

Он оказался красив какой-то женской красотой: нежная, цвета слоновой кости кожа, темные, как у матери, волосы, шелковистые и кудрявые, необычайно длинные, загнутые ресницы, а под ними — изумрудного цвета глаза.

— Здравствуйте, — вежливо проговорил Заур и протянул мне свою тонкую, изящную руку так, будто я был простым знакомым, а не его родным отцом. Но хоть и в гневе, а я все же успел отметить, что руки у него мои.

Меня будто обдали холодным душем, правда, я тут же пришел в себя, и волнения как не бывало. Позже я благодарил Бога за эту встряску.

— Ну, здравствуй, здравствуй! — крепко пожал я протянутую руку и повернулся к Валерии, будто он меня вовсе и не интересовал. Она как ни в чем не бывало улыбалась и смотрела на нас обоих ласковым взглядом, словно говорившим мне: «Ну что, нашла коса на камень?» Затянувшуюся паузу разорвал я сам, обратив внимание на одинокую фигурку девушки, стоящей за спиной у матери с сыном.

— Может, представишь меня этой юной леди? — обратился я к сыну почти безразличным тоном.

— Да, конечно, — как-то рассеянно ответил он, не сводя взгляда с матери. — Светлана, — тихо позвал он девушку.

Когда малышка подошла ближе, я не поверил своим глазам. Передо мною стояла маленькая проказница, которая когда-то запомнилась мне своим не по годам острым умом и милыми проделками избалованного ребенка. Это была дочь Сергея и родная племянница Ларисы. Только теперь это была высокая и статная девушка, молчаливая и даже слегка робкая, вот только взгляд серо-голубых глаз плохо сочетался с застенчивостью и сдержанным немногословием.

Теперь я понял, отчего с первых же минут отношение сына ко мне было таким холодным и безразличным, но виду не подал. Как ни в чем не бывало я пригласил всех в ресторан, отпраздновать нашу встречу, а затем, ближе к вечеру, встретить Новый год в шикарном зале отеля «Саксония», где я заблаговременно заказал места, но у них на этот счет было другое мнение.

— За приглашение, Заур, спасибо, — уже чуть ли не официальным тоном и все с той же неотразимой улыбкой на губах стала посвящать меня Валерия в их планы, глядя на меня в упор взглядом голодной тигрицы. — Дело в том, что нас уже ждут к вечеру дома в Берлине.

— Ну что ж, в таком случае не смею вас задерживать, — обиженно проговорил я.

— Нет, нет, ты не понял меня, Заур. Всех нас.

— И меня тоже? — недоверчиво переспросил я.

— Ну конечно! А зачем же мы сюда приехали? Мой муж давно хочет увидеться с тобой, и такой случай, как этот, просто подарок судьбы, да и только.

— Я согласен, — проговорил я после показного минутного колебания. — Мне только нужно предупредить кое-кого. Я думаю, ты меня понимаешь, Валерия?

— Да, конечно, Заур, давай заедем куда надо и побыстрее отправимся в путь.

— А к чему такая спешка?

— Видишь ли, по дороге сюда мы слушали по радио прогноз погоды, синоптики обещали к вечеру снег с пургой.

— Ну что ж, это меняет дело, — с некоторой долей иронии проговорил я, и, тут же расположившись в новеньком джипе, мы заехали в отель, где я обосновался только вчера.

Я снял заказ на столик в новогоднюю ночь и позвонил Михоилу, предупредив его о том, что уезжаю в Берлин на несколько дней. Он пожелал мне счастливого пути, прекрасно меня понимая, и спросил, не нужно ли мне еще денег. Они мне не помешали бы, но я не хотел делать лишний крюк, который

задержал бы нас на целый час, тем более что дело шло уже к вечеру, к новогоднему вечеру.

— Нет, спасибо, — искренне поблагодарил я доброго еврея. — Все в порядке.

Глава 26

Буквально через полчаса красный «мерседес»-джип, рассекая снег на автобане, сыпавший, как и прогнозировали синоптики, большими хлопьями и подгоняемый сильным встречным ветром, уносил нас в неведомую мне даль. За рулем сидела Валерия, а это значит, что если бы мы и доехали до места назначения, то лишь на следующий Новый год, не раньше.

— По-моему, ты слишком быстро едешь, Валерия, тебе не кажется? — прервал я гнетущую тишину в салоне. — Может, уступишь место за рулем?

Удивительно, но, не сказав ни слова, она остановила машину, и мы поменялись местами. Даже в это короткое время было заметно, в каком напряжении она вела машину и как устала. Я включил скорость, джип плавно взял с места, и мы тронулись в путь.

Через несколько минут я услышал сзади реплику сына, которая, как я понял, была предназначена мне.

— Ну, слава богу, Светик, теперь, пожалуй, хоть вовремя домой доберемся.

— Не надо язвить, дорогой: тише едешь — дальше будешь, — попробовала осадить его мать. — Ты еще отца своего не знаешь. Надо будет, он на этой машине умудрится еще и в космос взлететь, а то и куда подальше. С него станется!

Все дружно рассмеялись. Я внимательно следил за дорогой и как бы не обращал внимания на то, о чем говорили в салоне автомобиля, в то же время весь превратившись в слух. Боковым зрением старого кошелечника я видел, как Валерия следила за каждым моим движением, чувствовал, как сзади еще две пары глаз тоже не прочь были понаблюдать за мной, но старался не отвлекаться на них и не обращать внимания. К сожалению, у меня это плохо получалось.

Пурга тем временем усилилась не на шутку, и снег буквально заваливал лобовое стекло автомобиля так, что щетки еле успевали его отгребать, порою было не видно ни зги. В какой-то момент я ясно увидел чуть в стороне от дороги еле-еле светящийся комок. Нетрудно было догадаться, что это был салон застрявшей в снегу машины, которая, судя по тому, как она стояла, заехала туда на большой скорости. Я потихоньку притормозил и стал подавать назад до тех пор, пока не поравнялся с ней.

— Что случилось, Заур? — спросила взволнованно Валерия.

— Посмотри вон туда, дорогая, — показал я рукой на еле

светящийся в ночи огонек.

— Боже мой! — услышал я тревожный голос Валерии. — Там же, наверное, есть люди. Заур, они ведь могут замерзнуть!

— Да, скорее всего люди там действительно есть, но замерзнуть мы им не дадим, не таких отогревали!

Я внимательно и многозначительно посмотрел на Валерию, а она, тут же поняв мой намек, приободрилась.

— Так, а теперь все успокоились, — скомандовал я тоном, не терпящим возражений, — и слушайте то, что я вам скажу.

Видно, в тот момент Богу угодно было, хотя и таким вот странным образом, «пробить меня на вшивость» и тем самым определить мои дальнейшие отношения со старшим сыном и его матерью.

— Заур, ты пойдешь со мной, а вы, дамы, оставайтесь в машине. И чтобы до тех пор, пока мы не вернемся, вы и носа не высовывали на улицу. Все поняли?

— Да, конечно, дядя Заур, мы все будем делать так, как вы говорите. Правда же, тетя Валерия? — испуганным голоском проговорила Света.

— Да, конечно, дорогая, ничего не бойся: дядя Заур знает, что делает. На российских дорогах такие заносы — частое явление зимой, — проговорила Валерия, перебравшись на заднее сиденье и прижимая по-матерински Свету к себе.

Я выключил уже почти остановившиеся щетки, но двигатель оставил включенным и даже немного прибавил обороты. Резко выскочил из машины, обойдя ее, помог выбраться сыну, и, проваливаясь почти по пояс в рыхлый снег, под вой вьюги мы тронулись в сторону выброшенной в поле машины.

Метров двадцать нам пришлось преодолевать десять минут, не меньше. Когда же, открыв машину, мы увидели там живых и невредимых мужчину и женщину, счастью нашему не было предела.

Но мы просто возликовали, когда на заднем сиденье обнаружили еще двух малышей, укутанных в плед. Надо было видеть, как радовались и благодарили нас эти люди!

Но для разговоров времени у нас не было. Общение с ними я поручил сыну, ибо говорить по-немецки так, как он, я конечно же не мог, да и недосуг было. Пока он объяснял им порядок перетусовок из одной машины в другую, я взял самую маленькую девчушку, укутал ее хорошенько и понес к нашему джипу.

Дамы наши чуть с ума не сошли от радости, когда увидели, какой подарок на Новый год я принес им за пазухой в буквальном смысле этого слова. Пока они успокаивали испугавшегося и уже достаточно замерзшего ребенка, я пошел за другим.

Вторым был пацаненок, но такой же испуганный и продрогший, как и его сестренка. Лишь в последнюю очередь мы с Зауром помогли их родителям перебраться в наш автомобиль.

Пока в салоне Валерия оказывала им первую помощь, я очистил лобовое стекло от снега и, сбавив обороты, вновь тронулся в путь. На часах было около девяти, а до Берлина оставалось всего километров сорок.

«Успеем», — решил я и не стал применять вариант погони, тем более что в машине было четверо детей, не считая их родителей, и некоторые из них нуждались в медицинской помощи.

Почти всю дорогу до Берлина я ехал с улыбкой на устах. Было ощущение, что я попал в театр или в немецкий балаган, но один момент мне все же запомнился надолго. Когда молодая женщина, мать этих двоих очаровательных малышей, спросила у Валерии, кто этот молчаливый мужчина, та не успела даже рта открыть, как Заур опередил ее, сказав, что это его отец, вчера прилетевший из России. Я был вознагражден щедрее, чем мог рассчитывать. Все остальное было уже второстепенным.

В Берлин мы прибыли вовремя, даже успели заехать в больницу, но с нашими попутчиками все обошлось, хотя это было видно уже через полчаса после их избавления из снежного плена. Но я находился в Германии, а это были немцы, и этим все было сказано.

Знакомство с человеком, который заменил моему сыну на долгие годы отца, все же состоялось, как мы и планировали, в новогоднюю ночь. В предыдущей книге я уже упоминал о том, что это был очень порядочный, добрый и интеллигентный человек, поэтому повторяться не буду, а лишь опишу его внешность.

Он был человеком средних лет, несколько выше среднего роста, чрезвычайно стройный, с лицом серьезным, но симпатичным, с волосами, начинающими седеть и отброшенными назад.

Несколько дней, проведенных в их доме, открыли мне глаза на многое в жизни. Узнал я и о будущем своего сына. Оказывается, в самом скором времени он собирался жениться на Светлане. А пока они оба учились на первом курсе Берлинского университета.

Отношение его ко мне резко изменилось в ту новогоднюю ночь, когда, волею случая, нам вместе пришлось спасать семью учителя.

Он очень гордился этим первым в своей жизни по-настоящему благородным поступком. А я в, свою очередь, старался показать его значимость и гордость за сына.

С Валерией у нас тоже было время объясниться. Я рассказал обо всем, что произошло со мной за эти пятнадцать лет нашей разлуки. Она внимательно слушала меня, порой смахивая с глаз набежавшую слезинку, а иногда, закрыв лицо руками, не стесняясь, плакала, употребляя при этом в порыве откровения столь приятные мне слова: «родной» и «дорогой»…

Знала она и о том, что у Ларисы от меня тоже есть сын, но не осуждала нас за это.

— А какое я имею на это право? — спрашивала она. — Ведь у тебя была своя жизнь, да и тому, что ты подарил ей прекрасные мгновения счастья, я могу быть только рада.

Это обстоятельство, кстати, и послужило поводом к тому, что наша встреча с сыном была такой холодной. Чуть позже я постарался объяснить некоторые вещи, которые ему еще не были понятны.

Через несколько дней, проведенных в этом Эдеме, мне пришлось проститься и вновь отправиться в путь. Меня ждал в Дрездене старый еврей Михоил, чтобы поручить одно очень деликатное дело.

Так что уже в начале января 1996 года мне пришлось побывать в Голландии.

Глава 27

Описать более подробно все странствия по европейским странам в качестве доверенного лица этого в высшей степени порядочного человека я решил в следующей моей книге, «Записки карманника», которую пишу, можно сказать, параллельно с этой. Здесь же мне хотелось бы остановиться на последнем моем вояже, который состоялся в Афины.

Я прибыл в столицу Греции в конце марта 1996 года и сразу же из аэропорта направился домой к человеку, который должен был ждать меня, чтобы передать маленькую, но изрядно покоцанную статуэтку Аполлона из своей личной коллекции.

Лошадь торопится к дому, уповая на овес в своих яслях. Но разве знает она, что везет в торбах? Мир устроен разумно! И не чувства правят миром, а интересы. Но ожидал меня там, к сожалению, Интерпол.

Михоил вел честный бизнес и с законам ладил так же, как и почти любой из евреев, так что через сутки после задержания меня освободили, но тут я уже оказался в лапах своих, родных российских мусоров. Им нужна была информация, которой я не владел.

Дело в том, что чуть ранее, в 1992 году, в Афинах был убит Вася Стилидис по кличке Грек Сухумский. Эмигрировав в 1988 году, он занялся контрабандой антикварных ценностей. Но в начале девяностых, в связи с запалом его немецких коллег на одном из картинных аукционов в Лондоне, ударился в бега, а еще через некоторое время в Интерпол поступила информация о том, что он убит.

Человек, который ожидал меня в Афинах, чтобы передать статуэтку, был когда-то связан с покойным и все это время находился под пристальным наблюдением Интерпола. Я прибыл на эту встречу в неудачное время и в недобрый час. Так иногда бывает в нашей жизни, поэтому я и не отчаивался. Главным было выпутаться из этой истории, ведь на меня у них ничего не было, но тем не менее я уже был «под опекой» легавых.

Меня любезно препроводили в аэропорт и не оставляли в покое до тех пор, пока не увидели, как я сажусь в самолет, следовавший в Москву, помахали ручкой и удалились. Ну а в Шереметьеве меня уже ждал конвой, который не менее любезно, чем их коллеги в Греции, доставили на «Петры».

Здесь около недели меня со всех сторон пробивали на вшивость, но, ничего не найдя, отпускать не спешили. Я уже давно понял, что тюрьмы мне все же не миновать, и легавые меня

в этом не разочаровали.

Из Петровки, 38, меня перевели в 35-е отделение милиции на Таганке и, вы не поверите, предъявили обвинение в карманной краже у какого-то грека. Это уже был абсолютный бред. Забыв обо всем, я до слез смеялся над этим горе-следователем, а точнее, над выражением его лица.

Мусорок был молод и, видно, не привык еще к профессиональному беспределу и наглости своих коллег. Вечером следующего дня меня уже отправили в Бутырку, где мне пришлось отсидеть около двух лет, прежде чем состоялся суд, а затем и этап в лагерь во Владимирской области.

Эти неумолимые тюремные двери, однажды замкнувшись, распахиваются уже не скоро: они кажутся окаменевшими, навсегда неподвижно застывшими во мраке острогов. Они с трудом поворачиваются на своих петлях, особенно когда приходится кого-нибудь выпускать. Войти — легко, выйти — дело другое…

Часть IV
Бутырка

Глава 1

Время — вор. Сегодня ты богат, как арабский шейх, а завтра счастлив, если можешь позволить себе горсточку риса, так что искателям приключений я бы советовал занимать место где-то в центре колеса Фортуны: если вы и не сможете подняться достаточно высоко, то, по крайней мере, не сможете и опуститься слишком низко.

Итак, я вновь оказался в Бутырке. Только вор способен задержать вора, и только закон может освободить его, как говорили древние греки. Но узников Бутырского централа этот закон почему-то не жаловал. По три, пять, а иногда и по семь лет люди в буквальном смысле слова гнили здесь — в переполненных и вонючих камерах этого мрачного, таинственного и человеконенавистнического каземата, еще лишь только находясь под следствием и даже не имея представления о том, когда же, наконец, предстанут пред судом.

В начале апреля 1996 года, после нескольких суток, проведенных «на сборке», меня «подняли на аппендицит», в общую хату 164-А. К тому времени я уже начал подкумаривать и чувствовал себя неважно. Дело в том, что все время, проведенное на свободе, я плотно сидел на игле, а те запасы малясы, которые я затарил при запале в надежный гашник, подошли уже к концу.

Бутырка образца 1974 года, когда я впервые «заехал» сюда, и та же тюрьма, в которой я находился теперь, были схожи меж собой как небо и земля. Я сравниваю в первую очередь основу всех исправительных учреждений ГУЛАГа — режим содержания заключенных, ну и, безусловно, местную администрацию.

Без этого основного (после воровского) органа тюремной власти любое сравнение будет неполным. Как и подобает истинному бродяге, хотелось бы в первую очередь вспомнить о Жулье, находившемся в то время на централе. Это были: Дато Ташкентский, Дато Какулия Тбилисский, Тимур Кутаисский, Робинзон, Валера Тбилисский, Мераб Бахия, Тенгиз Кучуберия, Славик Паки Гудаутский, Якутенок, Маис, Степа Мурманский, Богдан Махачкалинский, Гоча Мамаладзе, Боквер, Бадри, Гиви Црипа, Авто Сухумский, Руслан Осетин, Гриша Серебряный, Гуча Тбилисский…

Думаю, нетрудно догадаться, что при постоянном пребывании в любой тюрьме такого количества урок там должен быть порядок. Несмотря на то что условия содержания почти во всех камерах были абсолютно невыносимыми, а работа следственных органов и судов, мягко выражаясь, оставляла

желать много лучшего, тем не менее законы везде были чисто воровскими: строгими, но справедливыми. Ни одна мелочь не могла укрыться от зоркого глаза положенца или вора, потому что из этих мелочей в общем-то и складывается жизнь арестанта.

Что же касалось администрации, то на смену бывшему музыканту Орешкину, который был, относительно предыдущих своих коллег на посту начальника СИЗО, понятливым, справедливым и по большому счету неплохим человеком, пришел Волков, фамилия которого говорила сама за себя, да еще и со своей свитой, включая одного из своих заместителей — Ибрагимова.

Кстати, это был единственный человек в тюрьме, с которым мне постоянно приходилось вступать в разного рода конфронтации, но не потому, что он был таким уж непримиримым мусором, нет, он просто всем хотел таким казаться. На самом же деле это был натуральный дегенерат с очень ограниченным уровнем мышления, да к тому же еще и тупорылый осел, кавказской национальности в придачу.

В камере 164-А, где мне пришлось провести немало времени, рассчитанной на тридцать шесть человек, находилось чуть больше ста, но точная численность людей зависела от очередной килешовки, которая в плановом порядке проходила по нескольку раз в месяц, а то и больше. В хате я никого не знал, но встретили меня, как и было положено, по-каторжански, включая некоторую долю опаски и недоверия. Но после того как, поинтересовавшись присутствием Урок в централе, я отписал некоторым из них малявы и получил на них ответ, в кругу братвы меня безоговорочно признали своим.

Хотя о какой там братве могла идти речь? Так, пара-тройка фраеров, нахватавшихся верхушек, да их окружение, «очка ниже», но мнящие из себя блатных или игравшие в эту опасную игру.

Об обиде на людей, даже игравших в блатные игры, само собой, не могло быть и речи. Они в любом случае поступали правильно. Сколько сухарей и блядей плавало во все времена по московским централам, даже несмотря на постоянное присутствие там воров, я знал не понаслышке.

Да и война с разного рода нечистью — беспредельными мордами — еще не была закончена. Кое в каких камерах они еще поднимали головы и старались диктовать что-то свое, но все, конечно же, в таких случаях зависело от камерного контингента, точнее, от понятий и позиций, которые занимал этот самый контингент. Так что процедура приема была такая, какой и должна была быть, и бродяге к ней не привыкать.

Я знал нескольких Воров из тех, что находились в тюрьме,

когда я заехал на Бутырку. Это были: Якутенок, Богдан, Дато Какулия и Маис. Руслана Осетина к этому времени уже вывезли на Матросскую Тишину. С ними я первое время и общался через малявы, через них и узнавал все тюремные и прочие новости, которые мне положено было знать.

Через две недели после водворения в централ, то есть первого мая 1996 года, меня неожиданно выдернули из хаты и, продержав сутки в 139-й тубхате Бутырок, отправили на Матросскую Тишину, на больничку.

Дело в том, что во время кумара у меня вновь открылся чахоточный процесс и я уже начал харкать кровью. А в связи с тем, что по всей стране, но особенно в заключении, с этой бедой уже начали бороться не на шутку, то и меры принимали экстренные.

Глава 2

«Тубанар», куда меня поместили после «прожарки», представлял собой двухэтажное здание из двадцати шести камер. Здесь, так же как и в Бутырке, да и в основных корпусах Матросской Тишины тоже, камеры были забиты под завязку. Но если в переполненных камерах московских тюрем находились здоровые люди, то в камерах-палатах «тубанара» Матросской Тишины на одно место приходилось по три чахоточных арестанта, которые спали так же, как и все и везде, — по очереди.

Можете себе представить квадратное помещение, приблизительно 6 х 6 метров, в котором установлено три двухъярусных шконаря на шесть человек, а в камере постоянно находится больше двадцати?! Как умудриться приспособиться к таким условиям больным людям?

И ведь приспосабливались же и жили, но… Условия содержания были не просто невыносимыми, они были убийственными. Почти каждый день кто-то из больных арестантов отдавал Богу душу, а иногда — и по несколько человек в сутки. В почти непроветриваемых камерах-палатах постоянно стоял запах пота, гноя, сырости и смерти.

Увидев весь этот кошмар, поневоле можно было задаться вопросом: зачем же еще судить и приговаривать к каким-то срокам заключения арестантов, находившихся здесь? Больше того, любому из уже осужденных и отбывавших срок в этом земном аду, будь моя воля, я бы засчитывал день за месяц, не менее.

И видит Бог, это не простые слова сочувствующего. За все то время, которое я провел на Матросской Тишине, — с первого мая по одиннадцатое сентября 1996 года, мы вместе с моим корешем Колей Сухумским, с которым были на положении в «тубанаре», сделали столько добра на благо людей, чалившихся здесь, что безо всякой скромности смею утверждать: его трудно переоценить.

Когда я прибыл на «тубанар», в этом централе было тоже немало урок. Это в первую очередь недавно прибывшие сюда из Бутырки Руслан Осетин и Боквер, а также Мегона Зугдидский, Каха Кутаисский, Вардан, Гриша Казанский, Рафик Бакинский, Георгий, Петруха, Миша Питерский…

Но не только они, а ни один из предшествующих им урок, даже серьезно больных туберкулезом, на самом «тубанаре», насколько я знаю, никогда не был. Здоровые воры находились в корпусах, а больные — на «Кресту», который располагался прямо

напротив корпуса тубиков.

Думаю, читателю будет интересно узнать, почему все было именно так, а не иначе? Что ж, попробую это объяснить. Начну, пожалуй, с того, что «тубанар» Матросской Тишины был в то время единственным такого рода местом для всех, как московских, так и некоторых областных тюрем. Даже для того, чтобы объявить массовую голодовку именно на этом «тубанаре», желания лишь одного урки было маловато.

Точнее, если рядом не было воров и ни с кем из братьев нельзя бы было посоветоваться, любой из жуликов мог объявить ее сам, но все же для этого нужны бы были очень веские основания. Такие серьезные, чтобы ни у кого из урок на первом же предстоящем после голодовки сходняке не возникло подозрения, что «замутивший голодовку» вор превысил свои полномочия, и чтобы этого урку, не дай Бог, не «тормознули».

И такое серьезное отношение к «тубанару» было не только со стороны жуликов, но и исходило от мусоров с большими погонами. Как ни странно, а вместо «пресса» и «беспредела» администрация Матросской Тишины, наоборот, закрывала глаза на полное отсутствие режима на «тубанаре». Больше того, вырулить от них что-либо для чахоточных больных: продукты питания или лекарства — положенцу здесь было намного проще и почти всегда удавалось, в отличие от некоторых других подобных заведений.

Дело было в том, что «тубанар» определял влияние на режимы всех московских тюрем, да и областных тоже. Малейший кипеш на «тубанаре» — и произошла бы цепная реакция, последствия которой трудно было бы даже представить.

Казалось, почему бы каторжанам не воспользоваться этим обстоятельством и не дать оторваться легавым, заставив их побегать и поволноваться, пусть даже и ценой собственных мучений? Но зачем? Что бы мы от этого выиграли? Арестантская же сдержанность чахоточных приносила немало пользы не только им самим, но и еще многим вокруг.

Думаю, в общих чертах мне удалось охарактеризовать нравы, царившие в туберкулезном корпусе в те годы. К сожалению, для блага тех, кто и сейчас находится в заключении на «тубанаре» Матросской Тишины, во избежание нечистоплотности легавых, я не могу поведать обо всем, что там было, но кое-что все же расскажу.

Глава 3

Итак, первого мая 1996 года я прибыл на «тубанар» и был водворен в 609-ю камеру. Я тут же отписал маляву Руслану Осетину, которого знал и с которым когда-то вместе чалился на особом режиме в Коми АССР, «на Крест». Также я поставил в курс дела положенца «тубанара», еще не зная о том, что он умирает, и прилег отдохнуть с дороги.

Но мне этого сделать не дали, и кто бы вы думали? Буквально через полчаса после моей малявы дверь в хату открылась, и я услышал давно знакомый и почти забытый голос моего старого друга Женьки Ордина, которого давно уже кличили Колпак.

— Где вновь прибывший?

— Да вон, в углу лежит, замаялся с дороги. Видно, процесс у бедолаги катит. Еле отдышался, пока поднимался по лестнице, — ответил ему один из моих новых сокамерников хриплым, прокуренным голосом.

Я потихоньку открыл глаза и чуть приподнялся на локтях, чтобы убедиться, что не ошибаюсь. Да нет, такие ошибки — редкость. В дверях действительно стоял Женя.

Трудно передать, что почувствовали мы в тот момент, когда наши взгляды встретились. Как сильно изменился мой кореш с тех пор, когда мы виделись с ним последний раз! Видно, и его жизнь здорово потрепала за это время. А разве могло быть иначе? Ведь мы с ним были одной масти.

Перекинувшись парой-тройкой дежурных приветствий, не подавая конечно же и вида, как мы взволнованы и что для нас значит эта встреча, Женька повел знакомить меня с босотой.

Мент-ключник был при этом ручным. Что ему говорили, то он и делал. Мы подошли к 611-й камере, которая вообще была открыта, и вошли внутрь. Это была воровская хата «тубанара». Так повелось, как бы по традиции, что именно в этой самой хате и собирался постоянно общак, да и положенцы «тубанара» сидели всегда именно в этой хате.

— Вот, познакомьтесь, братва, это тот самый Заур Золоторучка, о котором я вам рассказывал.

Я поздоровался с каждым из присутствовавших в хате и, присев на шконарь, огляделся. Камера эта была такой же, как и та, из которой я только что вышел, но, в отличие от нее, где располагалось больше двадцати арестантов, здесь их находилось в пять раз меньше.

Думаю, нет надобности особенно подчеркивать, как меня

встретили? Встретили, как и подобает, чисто по-жигански!

Еще только войдя в хату, я сразу обратил внимание на человека, который лежал на полу под единственным окном, заботливо укутанный домашним одеялом и обложенный пуховыми подушками со всех сторон. Это был положенец, с которым меня тут же познакомили, совсем еще молодой босячок-грузин, который медленно угасал прямо на наших глазах.

Я присел возле него на полу и не счел нужным говорить ему разные банальности, которые произносят в таких случаях, а как родному сыну в нескольких словах рассказал, как я вот так же много раз умирал, но всякий раз возвращался к жизни вновь, потому что слишком сильно хотел жить, но все было напрасно. Он уже оказался в холодных лапах смерти, и финал его жизненного пути был лишь делом самого ближайшего будущего, уж на этот счет у меня был богатый опыт.

Забегая немного вперед, скажу, что, к сожалению, я ошибся ненамного, ибо через пять дней после моего прибытия он упокоился с миром. Царство ему Небесное!

Мы справили ему достойные поминки, собрав со всех хат «тубанара» босоту, а мент с «хроники» принес фотоаппарат, с помощью которого мы и запечатлели на память столь скорбную картину.

Глава 4

К тому времени я уже перебрался в 611-ю хату, со всеми перезнакомился, понемногу входил в курс дела, вел ежедневную переписку с Русланом Осетином и другими ворами, в общем, жил полноправной босяцкой жизнью. Я не буду описывать тех арестантов, с кем мне довелось познакомиться в первое время моего пребывания в «тубанаре», не из-за того, что они не заслуживают этого, а просто потому, что вскоре их почти всех отправили на этапы и я больше почти никого из них не видел.

Но все же не вспомнить о некоторых из них было бы большой несправедливостью с моей стороны. И одним из них был Коля Сухумский. Можно сказать, что с первых же минут нашего знакомства на «тубанаре» мы тут же прониклись друг к другу большим уважением и симпатией. Коля был не только одной со мной крови, но и жил почти такой же жизнью, что и я.

Почему почти? Дело в том, что он был калекой. Кусочек позвоночника ему заменяло одно из его ребер, и без палочки он уже давно не мог нормально передвигаться. Ко всему прочему у него еще был и туберкулез костей, а этот диагноз, смею заметить, посерьезней любого другого.

Еще намного раньше тех трагических событий, о которых я рассказал, когда уже было ясно, что положенец долго не протянет, Коля был единственным кандидатом на его замену (исключая Женьку, потому что у него бывали частые приступы из-за травмы головы). Но после моего прибытия на «тубанар» Урки посчитали, что вдвоем нам будет сподручней справляться с этим ответственнейшим воровским поручением, и это было действительно так.

Если в начале этой главы я постарался рассказать читателю о том, что из себя представлял туберкулезный корпус Матросской Тишины, то теперь я постараюсь описать его в деталях. Начну, пожалуй, с нашей 611-й камеры.

Она была как бы сердцем всего «тубанара». Сюда стекались все сведения о жизни как в нашем туберкулезном корпусе, так и во многих других, также шел «общак» не только с Матросской Тишины, но и со всех московских и областных тюрем.

В боковых стенах и в полу были пробиты огромные «кабуры», возле которых постоянно сидели люди, встречая и отправляя грузы или корреспонденцию. Ту же картину можно было наблюдать и возле решетки, откуда все то же самое шло в камеры на первом этаже и оттуда разгонялось по сторонам.

Почти половина нашей хаты была забита мешками с сахаром

и чаем. Стояли коробки с сигаретами, махоркой и табаком. Под нарами не было свободного места даже для тапочек. Там лежала уйма разных лекарств, мыло, тетради, зубные щетки, полотенца, носки, трусы, майки и много того, что необходимо в тюрьме в первую очередь.

Вот представьте себе такое положение. Отправляют человека на этап, а он, как говорится, гол как сокол. Ну нет у человека никого, кто бы мог принести ему передачу или послать посылку, если он залетный мужик или вообще бродяга. Он сообщает нам об этом малявой, и его собирают на этап так, как если бы это сделали его родные и близкие.

Даже самый последний лагерный педераст и тот не обходился без грева перед отправкой на этап. Больше того, все то время, что он находился здесь, по первому же требованию ему отправлялись курево, чай, глюкоза.

Все без исключения арестанты должны были чувствовать воровскую заботу, не забывая даже о самых незначительных вещах (с точки зрения вольного человека, конечно, ибо в тюрьме незначительных вещей не бывает).

Случалось и так, что кто-то хотел отметить свой день рождения. А такое торжество, как правило, на Руси никогда не обходится без спиртного, и «тубанар» тоже не был исключением. Но здесь все делалось по уму. Имениннику заранее давали из общака все необходимое, чтобы накрыть стол, в том числе конфеты или сахар на брагу, из которой впоследствии гнали самогон, и уж только потом справляли именины.

Я не припомню случая, чтобы во время или после подобного рода торжеств был хоть малейший кипеш. Если бы не посвященного в некоторые тюремные тонкости человека можно было подвести к камере и сказать, что за ее дверьми справляют день рождения десять, а то и больше человек с огромным количеством самогона и что у каждого из них минимум по три судимости за плечами, не уверен, что кто-нибудь поверил бы в сказанное, пока не увидел все это собственными глазами.

Ну а что касалось самогона, то он был здесь такого качества, что иногда, придя поутру на смену, надзиратель с похмелья просил налить ему чуток. Для этих целей десять литров первача всегда стояли на «общаке».

Почему не налить больному? Пожалуйста! Больше того, бывало, и мусора-надзиратели после вечерней проверки, закрыв все наружные двери и пригласив к себе друзей из других корпусов, напивались самогоном и вырубались намертво, прекрасно зная наперед, что во власти положенца на «тубанаре» все будет ровно.

По утрам мы всегда давали им каждому по двадцать рублей, чтобы они могли опохмелиться по дороге домой. Вообще каждая смена, отдежурив, получала по своей законной, заслуженной двадцатке.

Что касается «кума», то тот вообще сидел у нас на зарплате и почти не появлялся на «тубанаре», боясь заразиться. Чтобы поймать этого неуловимого мусоренка для разрешения тех или иных проблем, которые без его участия решить было практически невозможно, мы в буквальном смысле слова караулили его у самого входа в «тубанар».

Его кабинет у нас был чем-то вроде аптеки и склада одновременно. Грев, который братва присылала со свободы в виде медикаментов, чая, курева и глюкозы, мы хранили именно в нем.

У всех камер кормушки на дверях были открыты круглые сутки.

Именно в то время, когда мы с Колей были на положении, нами вместе с босотой «тубанара» был разрешен вопрос о снятии всех козырьков с решеток камер, и вскоре они были отпилены.

Насколько это облегчило существование больных людей в переполненных под завязку камерах, думаю, говорить нет надобности.

Что касалось некоторых полномочий «положенца», то по его требованию надзиратель открывал дверь любой из камер, даже женской. Лишь одна камера была недосягаема для нас — это камера «блядей».

У положенца «тубанара» был непререкаемый авторитет и почти неограниченные возможности, как по разбору любого рамса, так и по передвижению на территории корпуса. Все эти нюансы были согласованы непосредственно с «хозяином», так как польза от этого была не только арестантам, но и с мусорами тоже. То есть и здесь нашлись точки соприкосновения.

Какую же пользу давало свободное передвижение положенца тем и другим? А вот какую. Дело в том, что по законам преступного мира, то бишь по воровским законам, любая разборка «на Кресту» запрещена. Исключением может служить лишь «блядь», которую при возможности нужно уничтожать везде, где бы она ни появилась. Вплоть до того, чтобы даже выдернуть у этой нечисти капельницу из вены, чтоб он сдох в муках!

Что же касалось «тубанара», то в отличие от больнички, где люди редко лежали больше месяца, здесь они находились годами.

Мало ли что могло произойти между ними за это время? Или вдруг этапом кто-то из недругов пришел, или еще что-нибудь произошло на бытовой почве?

Ведь туберкулезники, и это следует отметить особо, очень

агрессивны, в отличие от других больных, тем более в таких нечеловеческих условиях.

В общем, кругом нужен был воровской глаз: любой кипеш мог обернуться непоправимой катастрофой. А представьте, сколько нужно времени и бумаги, а главное — тонкого знания эпистолярного тюремного творчества, которым не всегда владели положенцы, чтобы вразумить поссорившихся и прекратить ссору?

Так что самым эффективным способом было побывать в той камере и словесно, включая доводы разума, основанные на воровских канонах и своем личном авторитете бродяги, довести до ума поссорившихся, все возможные пагубные последствия их горячности и невыдержанности.

В каждой камере находились тяжело больные арестанты, которые буквально доживали последние дни. Для такого человека, отдавшего всю свою жизнь во благо всего светлого и чистого, что может быть в нашем мире, общение перед смертью с Вором или положенцем было лучшим из успокоительных лекарств. Так что иногда с раннего утра и до глубокой ночи мы с Колей никак не могли добраться до своей хаты, а когда падали на шконари, то вырубались мгновенно, порой не имея во рту даже маковой росинки за целый день.

Я помню, как однажды врач, приехавшая поздней ночью на машине скорой помощи, констатируя смерть одного из бродяг, сказала мне равнодушным тоном, разжав деревянной палочкой полный золотых зубов рот упокоившегося:

— Я надеюсь, что при необходимости вы подтвердите, что мы не трогали его зубы, а то приедут родственники, и хлопот не оберешься, ведь в морге их все равно снимут.

Задумавшись над сказанным, я долго не мог вымолвить ни единого слова, поражаясь цинизму врача, а затем спонтанно ответил:

— Не беспокойтесь, у него нет ни одной живой души на всем белом свете.

До сих пор не знаю, почему я сказал именно так, а не иначе. О нас, укравших кошелек с мелочью, говорят, что мы воры и паразиты. Кто же тогда они, которые с трупов несчастных бродяг, у которых не осталось ни одной родственной души на свете, вырывают с корнями золотые зубы?

Эх, Россия-матушка, до чего дошли твои дети?

В тот день, а я его запомнил на всю жизнь, только за ночь умерли четверо бедолаг. Мы с Колей не спали и не ели почти двое суток, провожая каждого в последний путь, как могли. Но это была наша жизнь, и мы поступали так, как велели нам наши сердца.

На первом этаже «тубанара» были две крохотные камеры-«шестерки», одна напротив другой. На одной из них Руслан Осетин поставил крест, и даже мы с Колей не могли туда зайти, а в другой сидели женщины, и туда, наоборот, мы были вхожи и желанны в любое время дня и ночи.

Все они были бедолагами, чахоточными «мамками». Но если кто-то предположил что-то дурное, то зря. Мы не имели права даже подумать об этом. Помогали по силе возможности всем, чем могли, вели себя при этом благородно и честно, поэтому и были с радостью принимаемы в любое время суток.

Большая дорога, которая соединяла «тубанар» с внешним миром и, в частности, с больничкой, проходила через 616-ю хату и была целым инженерным сооружением, которое работало круглые сутки в разных направлениях. Это была дорога жизни в полном смысле этого слова. К сожалению, о подробностях ее функционирования я не могу распространяться из-за боязни нанести вред тем, кто сейчас там находится. Хотя уверен на все сто процентов: менты знают обо всем, что происходит в данный момент в любой из тюрем или лагерей, даже лучше, чем кое-кто это может себе представить. Времена пошли другие, а с ними и контингент резко поменялся, ну да ладно, об этом как-нибудь в другой раз.

Глава 5

В то время начальником Матросской Тишины был подполковник Баринов, а режимником — его заместитель Рязанов. Инцидент, который однажды произошел между этими власть имущими маклерами и мною, был первым серьезным сигналом для этих легавых к моей отправке из «тубанара», вновь на Бутырский централ, хотя процесс у меня все еще не утихал.

Это случилось как раз на следующий день, как в Берлине, в районе Вильмерсдорфа завалили старого Уркагана — Шакро Какачию, или, как его еще называли, Шакро Старого. В то утро к Осетину подъехала шпана со свободы и помимо этой печальной новости цинканула еще и о том, что через подставную фирму в Штатах на банковский счет Матросской Тишины на нужды тюрьмы Урками было переведено триста тысяч долларов, но денег этих в тюрьме никто пока еще не видел.

У Матросской Тишины валютного счета в банке не было, и зеленые были переведены в «деревянные» по тому курсу, который назначил на тот день Центробанк. Так вот, огромные ежедневные проценты, которые шли с этих денег, хозяин клал себе в карман, не спеша пускать этот капитал на тюремные нужды. А так как Руслан в это время был сильно болен и почти не мог подниматься со шконаря, то он попросил меня пробить на вшивость кого-нибудь из «козырных» мусоров и узнать хоть что-нибудь.

С лета это сделать не удалось, потому что Баринов на «тубанар» поднимался очень редко, а если и заглядывал, то лишь в составе какой-нибудь заезжей комиссии. Что касалось Рязанова, то он был в отпуске, но, как только вышел на работу, у нас с ним состоялся серьезный разговор. Он вообще любил иногда со мной «поприкалываться». Думал, что и на этот раз разговор пойдет о древнегреческой мифологии или римском праве, но жестоко ошибся. Я же решил сыграть на его самолюбии.

— Ладно бы вы вместе хавали это лавэ, еще куда ни шло, тебя-то мы уважаем, ты справедливый. Но он же тебя, Рязанов, через борт швыряет, — пытался я разжечь в этом мусоре зависть и ментовскую злобу.

— Ладно, Зугумов, я постараюсь как-нибудь разобраться с этим казусом, а уж потом и продолжим наш разговор, — сказал он мне в тот раз на прощание.

На том и порешили. Но не прошло и суток, как, дежуря ночью по тюрьме, он пришел на «тубанар» под утро, поднял меня с постели и потребовал, чтобы я отписал кому следует на свободу и чтобы ему лично были представлены бумаги, удостоверяющие

отправку денег.

Я написал Руслану о нашем разговоре, и он передал мне, что этого пока достаточно, лед тронулся и теперь пусть они сами щекотятся и отдают наши деньги тюрьме.

Слова Уркагана означали: ремонт камер, приобретение недостающих медикаментов и операционного оборудования, договоры о закупках по самым низким ценам картошки, капусты, моркови, свеклы и разного рода крупы (тем более что на местах все было уже давно обговорено) и многое другое.

Ну как тут было не щекотиться за порядочность и честность легавых, когда мы знали, что возле тюрьмы вот уже почти две недели стоят трейлеры из США, полностью загруженные всякого рода медикаментами и новым оборудованием для больницы Матросской Тишины, а им не разрешают заехать в тюрьму из-за каких-то бюрократических формальностей?

Дело в том, что таких прецедентов до этого не было, и каждый из высокопоставленных легавых боялся взять ответственность на себя и запустить машины в тюрьму. Они прекрасно знали, что все это послано ворами из-за кордона через подставные фирмы в виде гуманитарной помощи через Красный Крест. Водителям со стороны московской шпаны были предоставлены номера в гостинице, где они, ни в чем не нуждаясь, прожили две недели, прежде чем этот вопрос не разрешился на самом высоком уровне.

Мне потом рассказывали, как простые американские водилы недоумевали по этому поводу. Прекрасно информированные о бедственной ситуации в нашей стране, а тем более о катастрофическом положении заключенных, они никак не могли понять, почему государство ставит такие бюрократические препоны на пути гуманитарной помощи? Людоедский менталитет советских чиновников оставался таким же, что и до перестроечного периода, — идиотическим, злобным и иррациональным.

Что касалось Рязанова, то к этой теме мы с ним больше не возвращались, да и видел-то я его после этого разговора всего лишь раз, зато Баринов запомнил мою каверзу и сказал мне, как-то заскочив на «тубанар» с очередной комиссией из Германии:

— А ты, Зугумов, не так прост, как кажешься. Смотри, не ошибись!

После этого мы с ним больше никогда не встречались, но его влияние и давление на окружающую среду, на медицинский персонал больницы я чувствовал.

Глава 6

Подчеркивать то, что только мы с Колей Сухумским старались делать на «тубанаре» все, что могли, на благо больных и умирающих людей, значит сказать неправду. Очень много людей, то есть все, в ком мы видели бродяг, внесли свой весомый вклад в это поистине богоугодное дело.

В частности, это был мой старый кореш Женька Колпак. Все то время, что я был на «тубанаре», он, как и прежде, в наши молодые годы, был рядом и делал много добра людям.

На «тубанаре» существовал такой порядок. Когда больной доживал свои последние минуты, его выносили в коридор, и там он доживал, а точнее, догнивал свои последние дни или часы. К этому уже все давно привыкли, и никого это не удивляло, да и не трогало почти. Вот мы и решили втроем — Коля Сухумский, Женька Колпак и я — воспользоваться (в хорошем смысле этого слова) одним из таких умирающих бедолаг, чтобы достучаться до общественности в лице разных иностранных гуманитарных обществ, которые так часто посещали в последнее время наш «тубанар».

Дело в том, что ни разу ни один из представителей этих комиссий не то что не вошел ни в одну из камер «тубанара», но даже не прошелся по его территории. Так, помнутся ради фартецалы в процедурке, вызовут одного-двоих более или менее больных и отправляются восвояси.

Правда, после таких посещений медицинский персонал начинал продавать импортные одноразовые шприцы, которые вместе с медикаментами привозили члены этих самых комиссий, чтобы хоть как-то отметиться, по всей тюрьме. Мы же покупали и то и другое у этих барыг в белых халатах на общаковые деньги и раздавали потом больным бедолагам.

Не буду рассказывать, каким образом Женька затянул на «тубанар» фотоаппарат-полароид, который мы несколько дней прятали от всех без исключения в надежном гашнике, пока однажды ночью не представился удобный случай его использовать.

Из 612-й хаты уже несколько дней назад вынесли умирающего, залетного мужика, который, кстати, и отдал Богу душу наутро следующего дня. Но прежде чем ему упокоиться, мы, написав большими буквами рядом с ним его фамилию, имя и отчество, сфотографировали его в разных ракурсах, а заодно и некоторые места «тубанара», по которым можно было составить некоторое представление о том, в каких условиях содержатся

больные туберкулезом люди и как они умирают в российских тюрьмах.

Теперь оставалось переправить фотографии, которых было около двадцати штук, на свободу, а оттуда — за рубеж, в какую-нибудь из правозащитных организаций.

К сожалению, здесь мы с Колей немного просчитались и поплатились за это отправкой из «тубанара». Но что такое были наши удобства или неудобства по сравнению с тем, что с нашей помощью где-то будет услышана и доведена до сведения мирового сообщества наша общая мольба о том, чтобы люди этой страны, те, кто в больших погонах, широких лампасах и на самых верхах власти, повернулись наконец-то лицом к насущным проблемам больных заключенных, содержащихся в невыносимых условиях? Чтобы не прятали эти проблемы за тяжелыми засовами камер в казематах Бутырки, Матросской Тишины и других мест, а решали их на нормальном, цивилизованном уровне.

Начальником всей больницы, включая и туберкулезный корпус, была женщина-майор. К сожалению, фамилию ее я запамятовал, но помню, что это была невысокого роста, средней упитанности, интересная, можно было даже сказать симпатичная, дама. Вот с ней у нас и произошел тот разговор, после которого сначала меня, а затем и Колю развезли по разным местам заключения, чтобы не мутили воду, как сказал мне в тюремном дворике перед тем, как меня сажали в «воронок», дежуривший в тот день ДПНСИ.

В ее кабинете на третьем этаже «тубанара» нас было трое: она и мы с Колей. Показав ей фотографии, мы заранее предупредили, что точно такие же уже переправлены на свободу и люди там ждут только нашего цинка, чтобы отправить их куда надо. (Это действительно соответствовало истине.)

— Что вы хотите, чтобы я предприняла? Каковы ваши требования? — спросила она нас после того, как внимательно и задумчиво изучила все переданные ей фотографии.

Все наши требования, заранее и очень грамотно изложенные на бумаге, мы вручили ей вместе со снимками и, пожелав ей и ее начальству здравого смысла, вышли из кабинета и спустились к себе.

Она прекрасно понимала, что у нас было очень много возможностей, но мы не воспользовались ими, а пытались выправить положение больных на «тубанаре» другим путем — путем переговоров, имея несколько козырных тузов на руках, но не в рукавах. Мы хотели, чтобы все было по-честному, по справедливости, но о какой честности и справедливости могла идти речь?

С этими людьми, насколько я понял за долгие годы заключения, честно играть нельзя. Они просто по природе своей не честны, иначе не были бы теми, кем были: безжалостными садистами и полными ничтожествами, хоть и кичились своими должностями и большими звездами на погонах.

Хочу заметить, что наши переговоры происходили на фоне все тех же требований, но мусора не боялись кипеша. Они прекрасно понимали, что в преступном мире не такие уж и дураки, чтобы давать повод легавым затягивать удавку посильнее.

Дело было в другом. Россия пыталась вступить или уже вступила, точно не помню, в ОБСЕ. Отмена высшей меры наказания, то есть расстрела, которая была необходимым условием для вступления в эту европейскую организацию, улучшение условий содержания заключенных, тем более больных туберкулезом, борьба с этим самым туберкулезом и многое другое. И на фоне всего этого благолепия наши фотографии с прямым доказательством обратного. Этого легавые, конечно же, не могли допустить.

Для начала они обратились к Ворам, в частности к Руслану Осетину, так как считали его самым авторитетным из Урок, находившихся в то время на Матросской Тишине, чтобы он повлиял на нас.

Но прежде чем начинать подобного рода игры с мусорами, положенец обязан поставить в известность Воров, так что Руслан с самого начала знал обо всем. Больше того, мы отправили ему в ту же ночь фотографии, он просмотрел их и одобрил наше решение. Мусорам же он сказал, что не имеет права, даже будучи Уркой, останавливать босоту в их благородных намерениях, тем более что они не влекут за собой никаких последствий для общего воровского хода в тюрьме, а скорее наоборот. Раз в случае неблагоприятного исхода страдать будут только те, кто пытается что-то сделать, что-то наладить во благо людей, то, кроме Господа Бога, этому не может воспрепятствовать никто.

После такого резюме вора и нескольких бесед с нами ментам не оставалось ничего другого, как убрать нас из «тубанара», но ни в коем случае не идти ни на какие уступки. Это давно уже стало почти для всех легавых ГУЛАГа не просто привычкой, а нормой поведения с заключенными. Никогда, ни при каких обстоятельствах не идти ни на какие уступки, пусть даже это было и несправедливо с их стороны, все равно!

Подумайте только, какой маразм! Какое извращенное мышление у этих садистов! Их просят улучшить условия содержания больных, которые умирают пачками, заражая многие тысячи других, в то время как в стране, и в частности в местах

лишения свободы, идет борьба с туберкулезом! Но главное, мы все беремся делать собственными силами, ожидая помощи от босоты со свободы, из-за границы, а они, вместо того чтобы как-то помочь нам исправить положение, наоборот, стараются подальше упрятать этих, как они окрестили нас, баламутов. Вот и садись после этого в тюрьму и, не дай Бог, заболей туберкулезом!

В первых числах сентября 1996 года Руслан цинканул мне, чтобы я был готов к возможной скорой перемене в своей жизни, то бишь к этапу.

«Мусора что-то замышляют против тебя, Заур, имей это в виду, — писал он мне тогда в маляве. — Вот, посылаю тебе пятьдесят грамм черняшки, разделите ее пополам с Колей и приготовьтесь к этапу по уму».

Осетин знал, что говорил. За сутки до этой малявы к нему подъезжала шпана из Средней Азии, которая привезла грев от босоты, и в частности чистый афганский терьяк. Почти весь грев он отправил нам с Колей на «тубанар», тем более что сам никогда не употреблял наркотики.

Капитально затарившись и наведя порядок со «списком» и прочими общаковыми делами, мы стали не в кипеш ждать мусорских «прокладок», и они, как всегда бывало в таких случаях, долго себя ждать не заставили.

Мы знали, что сразу двоих нас на этап не отправят. Не такими уж они были дураками, чтобы оставлять «тубанар» без воровского присмотра. В ночь с десятого на одиннадцатое сентября первого на этап заказали меня. Ну что ж, я давно уже был к этому готов, так что без долгих проводов, прямо с утра погрузив меня и еще нескольких каторжан в «воронок», уже к обеду меня вновь привезли в Бутырку. Но водворили не как обычно — сразу на сборку, а спустили на большой спец, на первый этаж, где находилось несколько камер терапии.

Я предвидел нечто подобное, поэтому заранее отписал ворам маляву и стал ждать. Как только я понял, что меня уводят отдельно от всех, я тусанул малявку одному из мужиков, который ехал со мной, а он уже позже отправил ее по назначению.

У мусоров, с их петушиными понятиями, были основания поступить со мной именно таким образом. Во-первых, я все еще продолжал харкать кровью, и, если посадить меня сразу в общую хату, это могло бы вызвать бурю протеста, которую я сам мог и раздуть (это по их идиотскому мнению). Во-вторых, они все же еще надеялись на то, что один я не буду так настойчив, тем более уже не на Матросской Тишине, а в Бутырке, и воспрепятствую отправке «взрывных» фотографий за рубеж.

А где, как не в башне, в которой когда-то содержался перед

смертью сам Емеля Пугачев, менты могли стращать кого-то? Да, да, в одной из камер Пугачевской башни, я нисколько не оговорился, есть в Бутырке и такая. Вот только я не был уверен, как это было со мной в бакинской тюрьме Баилово, когда я сидел в той камере, откуда дал деру Сталин, в том, что я чалился именно в том самом каземате, в котором пару веков тому назад ждал казни известный российский бунтовщик.

Продержав меня трое суток на первом этаже «большого спеца», на терапии и несколько раз выводя на допросы, менты, убедившись в том, что разговаривать со мной на эту тему бесполезно, решили спрятать меня в башню к сифилитикам. Тогда в камерах башни содержали именно таких больных. О том, чтобы применить ко мне допросы с пристрастием, не могло быть и речи, потому что я еле держался на ногах. Добиваясь вместе с единомышленниками справедливости, я еще как-то не обращал особого внимания на интенсивно протекающий процесс, но, оставшись один на один со всеми свалившимися на меня проблемами, почувствовал это и немного сник. Чахотка меня буквально съедала, и, если бы не воровской долг, связанный с обязанностью положенца, кто знает, может быть, я и не освободился бы в тот раз из заключения, а помер бы там…

Глава 7

Прежде чем продолжить свое повествование, мне бы хотелось вкратце описать расположение корпусов Бутырского централа, где на этот раз мне пришлось провести около двух лет. Хотя об этом мрачном каземате и было написано немало, но писали в основном те, кто там проработал не один десяток лет; я же хочу показать тюрьму такой, какой она виделась тогда моими глазами.

Если войти в тюрьму с главного входа, то на первом этаже в вестибюле находилось множество «камер-сборок» и «боксиков», маленькая санчасть, где проверяли вновь прибывших на педикулез и чесотку, и рядом кабинет «игры на фортепиано» вместе с фотоателье. Чуть дальше по коридору за решетчатым заграждением находилось чуть больше двадцати камер «малого спеца», а еще дальше — тюремная кухня.

Три этажа, находившиеся слева от входа, назывались пятым корпусом, три этажа справа — шестым, исключая малый «спец» на первом этаже.

Соединялись два эти здания на третьем этаже большим корпусом «аппендицита» вместе с его «малым спецом», а на втором этаже — «шестым коридором». Напротив 164-А камеры «аппендицита» находилась дверь, ведущая на «большой спец», который занимал три полных этажа.

Посредине тюремного дворика стоял большой корпус тюремной санчасти. Очутившись на территории тюрьмы, но не входя в здание, а обогнув его с правой стороны по дороге, метров через триста попадаешь в «Кошкин дом». Это — один из относительно новых корпусов Бутырки, выстроенный в 80-х годах, к тому же в пять этажей. Без этого нового корпуса в Бутырке было 434 камеры.

Будни у каторжан этого острога изо дня в день протекали следующим образом: подъем в 6:00; две проверки в течение суток — в 8:00 и в 20:00, проходившие, как правило, в коридоре корпусов из-за непомерного (в три и больше раз) количества людей, находящихся в камерах; трехразовое питание, которому не позавидовали бы даже уличные собаки; прогулка продолжительностью в час на крыше тюрьмы, где и находились все прогулочные дворики. Каждый из четырех углов тюрьмы венчала башня, одна из которых была Пугачевской, куда меня и упрятали легавые через несколько дней после прибытия.

В отличие от всей тюрьмы, от любых ее корпусов и камер башня была единственным местом, где не было ни «кабуров», ни «дорог». То же самое было и в башне левого крыла Бутырки, где

содержались одни менты.

Мусорские камеры были весьма просторны, но эти легавые, по всей видимости, здорово проштрафились, потому что я даже врагу своему не пожелал бы таких условий содержания, которые были в этом Богом проклятом месте.

Я думал, что удивить меня вычурностью или новизной проекта какой-либо камеры любого из острогов ГУЛАГа уже практически невозможно, но, как показало время, здорово ошибался. Представьте себе треугольное помещение, чем-то напоминающее кусочек от маленького пирога. Когда меня завели в эту конусообразную каморку, мне было не до удивления. Я немедленно завалился на подвесные нары, которые, как я успел тут же отметить по многолетней привычке, были уже давно отстегнуты, и вырубился на некоторое время, так скверно я себя чувствовал. Но к вечеру немного пришел в себя и, лежа, почти не шевелясь, чтобы не спровоцировать кашель, огляделся, насколько хватало взгляда.

В первую очередь я обратил внимание на стены — они не были ни оштукатурены, ни покрыты «шубой», как в обычных камерах или карцерах. Если бы не многолетняя привычка постоянного пребывания в полутемных помещениях, я ни за что не смог бы разглядеть кладку из камней разных размеров, абсолютно голую и даже в некоторых местах покрытую от сырости плесенью. В длину этот склеп был чуть более трех метров.

Позже, когда я уже немного ожил, подошел к дверям, над которыми тускло мерцала маленькая лампочка, и раскинул руки. Кончики моих пальцев как раз доставали до противоположных стен.

Что касалось другого конца камеры, то, сделав три шага от дверей, я уже натыкался на узкий треугольник, образованный двумя стенами толщиной в ладонь. Но это могло произойти лишь в том случае, если бы я протянул руку, потому что в этом углу стояла маленькая параша, а чуть выше нее — крошечное оконце, зарешеченное прутьями толщиной в большой палец.

Относительно нар я действительно не ошибся. В этой камере, судя по всему, давно уже никто не сидел, потому что, не говоря уже о петлях, даже цепи, на которых они висели, были изъедены ржавчиной, а низенький потолок, что называется, давил на психику узника.

Когда наступала ночь, когда возвращался день, оставалось только гадать, потому что я объявил голодовку и пищу мне не приносили. А только по тому, когда доставляется пища, можно узнать, какое время суток на дворе. В тюрьме, как бы это

парадоксально ни звучало, почти всегда точно соблюдают время кормежки заключенных.

Весь описанный мною интерьер придавал этому помещению вид подземелья древнего замка или сказочной темницы, точнее не скажешь. Одно совершенно бесспорно — он был чрезвычайно зловещим.

Раз в сутки открывалась дверь моей камеры, и надзиратель громко, будто бы я был глухой, выкрикивал два одинаковых слова: «На прогулку!»

Но это была очередная фартецала легавых, ибо он прекрасно знал, что я уже несколько дней как не поднимаюсь с нар. Даже не знаю, что было бы со мной в этом древнем склепе узников-бунтовщиков, если бы не забота старого Уркагана. Я имею в виду Руслана Осетина.

Если бы не ханка, которой он снабдил меня в дорогу, я бы точно крякнул. Расторпедившись, я разделил черноту пополам, одну половину спрятал, а другую поделил на маленькие катышки величиной со спичечную головку. Я имел право так поступить, потому что грев был личным и только от меня самого, точнее, от моего сознания зависело, делиться им с кем-либо или нет.

Это лекарство и спасало меня все время голодовки, не давая процессу съесть меня до конца. Ведь, как говорили древние мудрецы: «Той же самой головней, которой разжигаешь костер, чтобы согреться, можно сдуру спалить и шатер, в котором живешь». Я имею в виду, что в первую очередь, в определенных количествах конечно, терьяк — это лекарство.

Одно из условий выживания — не доверять никому, кроме себя. Я слишком хорошо выучил этот урок. После нескольких допросов, когда я еще как-то мог передвигаться самостоятельно, меня оставили в покое, и теперь я потихоньку угасал, лежа на нарах, в этом жутком полумраке башенной темницы.

Но в планах легавых моя смерть не значилась, я это прекрасно знал, исходя из предыдущих голодовок в своей жизни. Они, как правило, всегда мучают, но почти никогда не дают умереть.

И мне хотелось бы подчеркнуть в этой связи такую особенность, что не голод — самое страшное, как уверяют некоторые неискушенные дилетанты. Его тяжело переносить лишь первые трое суток. Гораздо страшнее «проголодь»! То есть именно тот момент, когда тебя насильно кормят, чтобы ты не помер.

Самым неприятным было то, что я не мог сообщить кому надо, где я нахожусь. Чувства заключенных приобретают в безмолвии, в одиночестве и мраке особенную остроту.

В то утро, когда менты подошли к моей камере, я скорее почувствовал, чем услышал, то, что произошло дальше. Я лежал на нарах с остановившимся взглядом и искаженным лицом, неподвижный и безмолвный, как статуя. Меня вынесли на носилках из камеры башни и перенесли в камеру терапии «большого спеца», откуда и забирали полмесяца назад, что было для меня поистине вдвойне приятным и радостным. Во-первых, я осознал, что выиграл, а во-вторых, понял, что рано или поздно увижусь с босотой.

Кроме меня в маленькой четырехместной камере терапии «большого спеца» было еще три человека.

Тела этих молодых ребят сплошь покрывали гнойники — визитная карточка Бутырки, и непривычная к таким условиям молодежь больше всего и страдала от этой заразы.

Под мою диктовку один из них отписал пару маляв на корпус и кое-кому из Воров, и уже к вечеру после проверки, кроме ответов на них, пришел жиганячий грев и лекарства, которые и помогли мне быстрее встать на ноги.

Как я и ожидал, все близкие думали, что меня отправили из тюрьмы, но куда, никто не знал, а в таких случаях в заключении всегда остается только одно — ждать. У старых каторжан, к счастью, организм закален тюрьмой настолько, что то, что для любого дилетанта смерти подобно, для них — всего лишь небольшая встряска.

Так что через пять дней после того, как меня вынесли на носилках из одиночной камеры башни, я уже входил двумя ногами в общую камеру «аппендицита» — 164-А.

Я был, конечно, еще очень слаб здоровьем, но зато силен духом, а это было главное.

В это время только один Урка, Коля Якутенок, сидел в общем пятом корпусе в 97-й камере. Чуть позже, перед самым Новым годом, к нему за несколько дней до освобождения заехал и Дато Ташкентский.

На корпусах вообще-то иногда держали Воров. Так, например, в камере 149-А находился одно время Авто Сухумский, в 162-й на «аппендиците» — Гиви Црипа, в 88-й камере «малого спеца аппендицита» — Степа Мурманский, чуть позже в эту же хату заехал Мераб Бахия Сухумский.

Но в основном все Жулье содержалось на малом или большом «спецах» Бутырки. Что касалось положенцев, то их было трое: за пятым корпусом смотрел Игорь Люберецкий, он сидел в 147-й хате, за шестым — Рамаз, он находился в 153-й; за «аппендицитом», а чуть позже и за «большим спецом», смотрел я.

В тот же вечер после проверки, еще раз расположив свой

грев, я отправил его Ворам в «тройники», а с остальным мы разобрались в хате сами, наскоряк замутив и уколовшись. За то время, пока я находился на Матросской Тишине, половина контингента в хате поменялась. Одни из них пришли со свободы, другие после килешовки — из других корпусов и камер Бутырки. Некоторых из них я знал с воли, а с некоторыми порой приходилось чалиться в разных тюрьмах и лагерях.

Буквально за несколько дней до моего появления в 164-А на малый «спец» «аппендицита», этажом ниже, в 88-ю хату заехал Урка Степа Мурманский. Я был еще очень болен и слаб, поэтому почти круглосуточное общение с вором изливало бальзам на мое никудышное здоровье.

Глава 8

Уже через неделю Урки централа порешили, что за положением на «аппендиците» будет смотреть Заур Золоторучка. Для меня это решение Воров конечно же не было неожиданным, но когда прошел мимо нашей хаты «прогон», я, помимо воли, заволновался.

Смогу ли, справлюсь ли с этим ответственным воровским поручением, когда еле стою на ногах и харкаю кровью? Позже, отписав малявы Степе и Дато Какулии, я объяснил им свои сомнения, и вот что они мне ответили:

— Если назовешь человека, который сможет тебя в данный момент заменить «на аппендиците», то напиши его имя, только хорошо подумай, Заур, прежде чем его написать. А второе, мы больше чем уверены, что, взяв этот груз воровской ответственности на себя, ты в самом скором времени поправишься.

Первое условие Воров я тут же выкинул из головы, потому что прекрасно понимал, что, прежде чем подбирать кандидатуру положенца корпуса в такой тюрьме, как Бутырка, Урки не один день думают, а уж потом решают окончательно. Что же касалось второго, то Урки, как всегда, и здесь оказались правы. Как только закрутилась эта «варганка» с моими обязанностями положенца, я забыл не только про болезнь, но и о еде иногда не вспоминал.

Работы на «аппендиците» по налаживанию истинного воровского положения был непочатый край. Если сравнивать Бутырку с организмом человека, то «аппендицит» для нее был, как ни странно, чем-то вроде сердца.

Во-первых, только отсюда была прямая «дорога» на «тройники» к Ворам, и только здесь можно было получить моментальный ответ от них. А в тюрьме это настолько важно, что работу тех, кто «стоял на дороге», трудно было переоценить.

Но прежде чем продолжить описание настоящей жизни Бутырки, мне хотелось бы подчеркнуть тот факт, что администрация тюрьмы лучше, чем большинство ее «клиентов», знает все ходы и выходы, которыми пользуются заключенные.

Я имею в виду в первую очередь «дороги», о которых хочу написать подробней. Ничего нового и запретного, в воровском понимании дела, я не сообщаю, а в силу своих понятий и убеждений не подчеркнуть этот момент, конечно же, не могу.

Дело в том, что раньше общение между камерами начиналось после вечерней проверки. Исключением были те случаи, когда шла срочная депеша на Воров. То есть, как только проходила

вечерняя проверка, «дороги» снимались с контрольки и начинали функционировать до утра. Перед утренней проверкой они опять ставились на контрольку, и так впредь до вечера.

Я отменил это устаревшее правило, ничего общего не имеющее с воровским. Была и еще одна причина, и довольно-таки серьезная, по которой нужно было спешить с этими важными переменами в жизни корпуса и всей тюрьмы.

Дело в том, что в 162-й хате сидели отморозки, которые после продолжительных войн на свободе оказались за решеткой. Здесь они пытались навязать что-то свое, но не тут-то было.

Тюрьма — дом воровской, и хозяевами здесь «лохмачи» никогда не были и не будут. Так что, повоевав немного в тюремных камерах и в лагерных бараках, они были биты, как сидоровы козы, и на этом, казалось, успокоились, но не совсем. Как только появлялась возможность, они пытались показать свой козий характер и тут же вступали в жесткую конфронтацию.

Но не всегда могут дойти до «бродяжни» проблемы и нужды мужика — простого и честного арестанта. А все из-за «контингента» — этих хамелеонов и лизоблюдов преступного мира, которые считают себя бродягами лишь только тогда, когда это им выгодно.

В 162-й хате из ста двадцати человек не более десяти были спортсменами и качками, они и делали погоду в хате. Они запрещали мужикам курить, могли часами не подходить к «дороге», открыто игнорируя все воровское, которое им было чуждо, могли поднять руку на мужика и многое другое.

Зная, как бороться с этой нечистью, я не спешил вступать с ними в поединок, наперед зная, что умнее и хитрее их всех, вместе взятых.

Далее шли проблемы с «дорогами» шестого корпуса вниз — на «малый спец», и в частности на воров. Если здесь, на «аппендиците», мне достаточно было «пустить прогон» и все исполняли то, что в нем было указано, то на шестом корпусе было все намного сложнее. Там был другой положенец, и для начала мне нужно было познакомиться с ним поближе, а уж затем, продумав все ходы, и свои, и легавых, действовать.

В течение нескольких дней у меня никак не получалось схлестнуться с Рамазом, и потому я изучал и анализировал все то, о чем меня ставили в курс босота, находящаяся рядом, и люди, просидевшие на разных корпусах Бутырки по несколько лет. Изучив таким образом обстановку, мне удалось через несколько дней пересечься с Рамазом у него в хате и поделиться с ним своим планом.

Рамаз оказался глубоко порядочным и честным человеком, в

чем я ни секунды не сомневался, иначе он не был бы тем, кем был. Он провел в Бутырке уже четыре года (кстати, его и освободили чуть позже из зала суда), и, надо думать, у него был богатый опыт относительно всего, что касалось этого мрачного и зловещего острога.

Мы тут же поняли друг друга и подружились. Проговорив с самого утра до вечерней проверки, мы все обсудили и обо всем договорились. Только сообща мы могли перехитрить ментов и не допустить запалов, которые случались последнее время один за другим. Мы это оба понимали, и, забегая вперед, скажу, что сделали все по уму, хотя пришлось немало понервничать и попереживать. Это была игра в кошки-мышки, и условия в ней были далеки от равных.

Как все это происходило? Для того чтобы переправить сообщение в виде малявы на шестой корпус, существовало два способа. Один — через «судовых», но в таком случае больше одной, от силы двух маляв переправить было сложно, потому что им приходилось «торпедироваться». А если их было сто, сто пятьдесят или даже больше, да к тому же со всех корпусов и все они шли через аппендицит и в ту, и в другую сторону?

Перед прогулкой, а, как я уже успел упомянуть, прогулочные дворики располагались на крыше пятого и шестого корпусов, мы затаривали массу пришедших маляв в длинный, специально для этой цели связанный чулок и шли с ним на прогулку. Здесь по давно обговоренному «цинку» «дорогу» опускали вниз, на шестой корпус, в одну из тамошних хат, и вот тут-то и следовал запал.

Что делали менты? Зная время и «цинк», они выводили всю хату на коридор и ждали наших позывных сверху. Как только они их получали, тут же следовал обмен паролем и груз шел вниз, прямо в руки мусоров. Получив его, они вновь запускали людей в хату, а сами шли читать малявы арестантов и принимать соответствующие меры. То же самое происходило и с «дорогой» из шестого корпуса вниз на «малый спец». Дошло до того, что скопилось такое количество корреспонденции, что ее уже некуда было «гасить».

Вот мы и разработали с Рамазом схему, следуя которой, запал был почти полностью исключен, а любой мент, выдававший себя за арестанта, тут же изобличался «дорожником» просто и безо всяких дополнительных средств.

Многого, конечно же, я не могу поведать читателю, но смею уверить, что имею право гордиться нашим с Рамазом изобретением. Менты вскоре буквально взвыли и долгое время не могли понять, как и когда мы умудряемся передавать малявы и кто же их переиграл по части «дорог», пока какая-то падла не

выдала нас. Но было уже поздно, схема работала как часы, и сбоев в передаче информации почти не случалось.

Подобные хитрости я придумал и применил и в общении с пятым корпусом и «большим спецом», но здесь «дороги» были относительно надежны, и мне пришлось лишь усовершенствовать передачу на некоторых перевалочных пунктах.

Может быть, когда-нибудь, когда в тюрьмах нашей страны наконец-то будут созданы нормальные человеческие условия и «дороги» и хитрости, связанные с их применением, канут в Лету, я напишу целую книгу об этом уникальном и простом изобретении заключенных ГУЛАГа. Прерогатива здесь, как и во всем, что касается новшеств, внедренных как той, так и другой стороной в тюрьмах и лагерях, принадлежит исключительно России. А пока мне приходится быть осторожным, чтобы не навредить людям, находящимся сейчас в заключении.

Глава 9

Так в заботах и хлопотах воровских прошел еще один год и наступил Новый, 1997-й. Под Новый год освободились сразу несколько Жуликов: Якутенок, Дато Ташкентский, Авто Сухумский и Маис. Один Бог знал, что с собой притащит на горбу этот год. И как показало время, хорошего было мало, да и что в тюрьме может быть хорошего? Вот Гучу «окрестили» (подельника Дато Какулии) — это было хорошим известием, базару нету, а остальное?

В марте исполнялась годовщина смерти сразу двух Воров — Паши Цируля и Гриши Серебряного. Если с первым я был знаком целую вечность и крал вместе не один год, то второго никогда не видел, только слышал о нем. Говорят, он был молод, полон сил и подавал большие надежды, но его жизнь оборвала одна блядина по кличке Черный. Эта падаль плавала по тюрьме, нанося невидимые удары шпане исподтишка, в спину, но в один момент — раз — и куда-то исчезла. Наверное, менты убрали за ненадобностью, как использованный презерватив. Это их обычный метод сотрудничества с такой падалью, и здесь я с ними абсолютно солидарен.

Годовщину эту я решил отметить чисто по-жигански, как и подобало. Заранее обговорив с Ворами централа все детали и получив от них добро, я дополнительно заказал для этих целей со свободы на общак конфеты, чай и курево. Получалось так, что у одного из Урок годовщина была десятого, а у другого — двенадцатого марта. Я объединил обе эти даты и решил помянуть эти печальные даты десятого марта.

В тот день после обеда я запустил по «аппендициту» «прогон», в котором просил помянуть вместе со мной и всей босотой тюрьмы покойных Урок, а следом шли грузы с чаем, куревом и глюкозой.

Все прошло как нельзя лучше, иначе мне не пришлось бы чалиться в карцере, правда, недолго, всего несколько суток. Легавые были вынуждены выпустить меня, ибо с требованием арестантов «аппендицита» и «большого спеца» трудно было не согласиться.

В предыдущей главе я вспомнил добрым словом одного из трех положенцев Бутырки — Рамаза. В этой хотелось бы упомянуть о втором — Игоре Люберецком.

Трудно переоценить ту пользу, которую он принес арестантам централа, особенно чахоточным. Дело в том, что через несколько месяцев после моего этапирования из

Матросской Тишины на Бутырку, прямо под Новый, 1997 год, в «Кошкином доме», на третьем этаже открылся «тубанар». Туда в спешном порядке поместили всех чахоточных «Бутырки», и тех, которых выявили только что, и тех, которые находились в единственной на то время в Бутырке туберкулезной хате № 137.

Трудно описать, какой бардак и неразбериха творились там первое время, но главным был полный подсос буквально во всем. Самое непонятное состояло в том, что менты ничего не разрешали передавать из корпусов. Это был маразм какой-то! Еще одна непонятка вроде той, которая была на Матросской Тишине.

Теперь общак для нужд больных я срочно увеличил в несколько раз и, как только появлялась возможность, передавал гревы через «судовых», но они, к сожалению, не всегда доходили до места назначения. Игорь Люберецкий был первым, кто наладил бесперебойную «дорогу» на «тубанар», и уже немного позже мы с босотой разморозили ее окончательно.

Вспоминая об этом неспокойном времени, мне бы хотелось, чтобы люди, которые находятся сейчас в тех местах, о которых я пишу на страницах своих книг, помнили, что блага, которыми они сейчас пользуются, многим из моих ближайших друзей и мне в том числе доставались непросто. Порой приходилось мучиться и страдать, но мы были честны друг перед другом и знали точно, что эти страдания — не зря, они во благо преступного мира, потому что мы искренно верили во все воровское, а значит, во все честное и благородное.

Некоторых из них давно нет в живых, некоторые чалятся где-то по острогам теперь уже ГУИНа, и совсем уже единицы доживают свой век на свободе, с волнением и озабоченностью глядя на беспредел и неразбериху, которые творятся сейчас в преступном мире.

Глава 10

В этой связи хотелось бы рассказать один курьезный случай, который мог бы пролить свет на многие аспекты тюремной жизни. В 88-й хате, как я уже упоминал, сидел Степа Мурманский. От его окна на втором этаже до моего (наискось) было метра три, не более. «Дорога» к нему у меня стояла постоянно на контрольке, то есть постоянная, как и положено, где сидит Урка. Что уж говорить об общении? Оно тоже было постоянным. Зачем зря тратить бумагу и всевозможные средства, подтягивать людей и прочее, когда «по порожнякам» можно и так поговорить?

Так вот, однажды к нему в хату хозяин тюрьмы Волков привел малолетку. Это был низенького роста, шустрый оголец четырнадцати лет. Молодой «щипач», но уже с определенными амбициями крадуна. Я до сих пор не знаю, каким образом этот пацаненок вообще попал в Бутырку, ведь малолетние преступники содержались на Матросской Тишине, но дело не в этом. После проверки Степа мне цинканул, чтобы я, по возможности, спустился ночью к нему в хату. Возможность представилась, и я спустился. Это было нечто!

Представьте себе камеру-восьмиместку и четверых старых каторжан, у которых по пять и более судимостей, вместе с молодым Уркаганом, а посередине сидит ребенок. И все бы ничего, но ребенок-то тоже под стать им, заключенный. Это был сюжет для фильма, который бы пользовался успехом у всех без исключения. Я поначалу глаз не мог оторвать от такой картины.

Степа мне цинканул не в кипеш, чтобы я был посерьезней, и я тут же изменил мимику, поздоровался со всеми, в том числе и с огольцом, как с равным, и присел на нары.

— Ну что ж, Санек (так звали парня), ты хотел карманника? Вот тебе карманник, и притом знаменитый карманник, лучше и не придумаешь. Тут вот какое дело, Заур, — продолжал Степа на полном серьезе. — Попросил меня Санек научить его воровать. «Раз, говорит, ты Вор в законе, то, значит, должен научить». Я ему еле втолковал, что у Воров специализации разные. Я, например, домушник, а что касается карманной тяги, то это совсем другое дело, здесь должен быть специалист наподобие тебя. Но в любом случае без начальных знаний его учить никто не станет. А он говорит, что двоечником был.

— Да, — на полном серьезе подхватил я тон Степы, — без образования здесь и делать нечего. Поверь мне, Санек, это тебе говорит не кто-нибудь, а Заур Золоторучка.

Эффект был потрясающим. Его не интересовали ни Заур, ни Вор, ни кто-либо другой, точнее, он не понимал еще очень многого, но ассоциация с погонялом Золоторучка возымела свое действие. С этой минуты он слушал только меня. Я объяснил ему, как мог, что без знаний он ничто. Потом мы со Степой переговорили о своем, и к утру я покинул хату, но главное было впереди.

Когда Степа заказывал у мусоров школьные учебники для этого маленького шпаненка, они не верили своим ушам, думали, что шутит, но заказ есть заказ, — Урка всегда знает, что делает. И когда книги были принесены, они всей камерой несколько месяцев учили уму-разуму этого огольца, который прежде даже не мог написать своего имени, пока его не освободили прямо из этой воровской камеры.

Глава 11

К тому времени, по весне, Игоря Люберецкого приговорили к одиннадцати годам и освободили из зала суда Рамаза. Раньше общаковые воровские деньги хранились у положенцев корпусов или у положенца всей тюрьмы и по первому же требованию Урок переправлялись им вместе с «воровским списком». Теперь же, собрав все деньги в кучу, Урки доверили их мне.

Это было не просто воровское доверие и большая честь, но и огромная ответственность, которой удостаивался далеко не каждый бродяга. Камера моя напоминала караван-сарай. Из ста с лишним человек спали только больные и сменщики, все остальные пребывали в постоянном движении. Оба угла камеры и места под нарами почти до половины хаты были забиты сумками с общаком: то же самое, что и на «тубанаре» Матросской Тишины, но во много раз больше.

Когда встал вопрос о положенце «большого спеца», который, как оказалось, был замаран нечистоплотными делами еще раньше, Воры и «большой спец» возложили на мои плечи. Так что ответственности было хоть отбавляй.

Но что бы я смог сделать один, если бы рядом не было молодых босяков и «воровских мужиков»? Даже «некрасовские», и те, пытались чем-то помочь по силе возможности. Движение происходило круглые сутки: что-то отправляли, что-то встречали по дороге. Несколько человек вязали грузы в соответствии с запросами каторжан. Кто-то упаковывал малявы и писал ответы на запросы.

Уверен, что, прочитав эти строки, каторжане, которые сидели со мной в то время, с большим уважением вспомнят о людях и статусе хаты 164-А. Они меня называли Дедушка Паркер из-за огромной бороды, которую я отрастил к тому времени, и погоняла.

Достаточно вспомнить один случай, чтобы читатель мог представить, как люди жили в этой камере. Однажды к нам в хату закинули мужика-грузина. Видно было, что он, бедолага, уже успел хапнуть горюшка. Абсолютно далекий от преступного мира, он никак не мог ужиться ни в одной хате и вот попал к нам. Радости его не было границ. Однажды он проговорился своему земляку, и тот перевел нам его речь.

Оказалось, побывав на свидании, он выцепил там некоторую копейку и почти всю ее отдал одному мусору — «дубаку», лишь бы тот перевел его в нашу хату, ибо грузин слышал о ней столько хорошего, что о другой и не мечтал. Мы, конечно, сначала

посмеялись над его наивностью и простотой, но чуть позже приняли нужные меры. Я забрал у этого не в меру шустрого мусора деньги и вернул их владельцу.

Так, в заботах о людях и хлопотах за все воровское у нас и протекали дни, недели, месяцы. В тюрьме, как правило, почти каждый день вносит какие-то новшества и определенные коррективы в жизнь арестантов.

Так произошло и вскоре после того, как на свободе оказался Рамаз и осудили Игоря Люберецкого. Меня вдруг неожиданно заказали «с вещами», а это означало большие перемены не только в моей жизни, но и в жизни корпусов, где я был на положении. Дело в том, что после освобождения Рамаза на шестом корпусе никого пока еще не было, а за пятым воры только что закрепили Диму Моряка. Я отписал ему маляву и вот-вот ожидал ответа, но так и не успел его получить.

Таким образом, без присмотра оставались сразу три корпуса — больше половины тюрьмы. Хотя в то время, когда на централе было постоянно около десяти Воров, без присмотра она конечно же остаться не могла, но все же…

Как я уже упоминал, почти все воры сидели на одном маленьком корпусе «малого спеца» и, конечно же, не могли знать все те тонкости, которые характеризовали жизнь в камерах и о которых слишком хорошо знали положенцы. Мало того, еще не был до конца зарыт топор войны с «лохмотой», а этот факт не устраивал ни босоту, ни администрацию. Так что это было что-то новое в действиях легавых, и я гадал: что именно?

Но в тот момент делать было нечего. Я тут же, не мешкая, отправил по «дороге» список и общаковые деньги Степе Мурманскому, в 88-ю хату, объяснил босоте, какие в ближайшее время собирался внести коррективы в жизнь камеры и корпусов, ну и попрощался на всякий случай со всеми по-братски. Кто его знает, может, не увидимся больше никогда?

Оставить вместо себя я никого не мог, потому что выдвижение и утверждение положенца корпуса или тюрьмы — прерогатива, которая принадлежит исключительно Жуликам. Я мог лишь кого-то порекомендовать, не более.

Через час за мной навсегда закрылись двери этой, ставшей мне уже давно родной камеры 164-А. Две полные сумки, заботливо затаренные моими сокамерниками разной всячиной, необходимой на продолжительном этапе, несли два человека из хозяйственной обслуги, за ними шел я вместе с разводящим офицером и молодым ключником.

Глава 12

Я хорошо знал расположение тюрьмы, поэтому, когда мы вышли во дворик обслуги и пересекли его, сразу понял, куда меня ведут. Дорога здесь была одна — на «Кошкин дом».

После некоторых процедур, от которых я уже почти успел отвыкнуть, меня водворили на четвертый этаж «тубанара» в камеру № 607, которая, так же как и 164-А, стала мне на долгое время, а точнее на год, родной.

Почему же легавые не перевели меня сюда раньше, когда всю тюрьму, как они выражались сами, очищали от чахотки? С самого начала я задавал себе этот вопрос и пришел к выводу, что в тот момент им меньше всего здесь были нужны такие люди, как я.

Скорее всего, они хотели из этого нового туберкулезного корпуса сделать что-то вроде «чахоточного спеца». Ведь, как правило, в камерной системе, на корпусах, в «тубанарах» и пересылках с самого их открытия, босота всегда старается взять власть в свои руки и не допустить ничего, что шло бы вразрез с воровскими традициями. Ибо как поставишь положение с самого начала, так будет и в дальнейшем. Очень редко когда бывает иначе. Так что мусора не рассчитали каторжанскую солидарность с воровскими устоями централа и, как обычно, попали впросак.

Теперь они, по всей вероятности, решили изменить тактику, и вот каким образом. Итак, что представлял из себя «Кошкин дом» образца 1997 года?

Пожалуй, лучше всего начать с камеры, куда меня водворили только что. Двери здесь были до такой степени плотно закрыты, что, подойдя к ней с мусором, я не услышал даже обычного в таких случаях гула, будто в камере никого не было, или, по крайней мере, было несколько человек. Но когда он еще только лишь приоткрыл дверь, она выдохнула из себя такую волну человеческих страстей и эмоций, и вони, что мне стало не по себе.

Но это чувство мгновенно улеглось, ибо, к сожалению, оно давно стало тюремной привычкой. В камере, рассчитанной на двадцать человек, находилось больше сорока.

Но все бы ничего, будь камера вместительной, да куда там! В длину от двери до противоположной стены было восемь шагов. Шконки стояли параллельно друг другу так плотно, что в проходе между ними, если кому-то приходилось «бить пролетку», второму уже места не было. Даже для того, чтобы, встретившись посередине камеры, разойтись, приходилось поворачиваться друг к другу лицом. У входа справа был туалет, слева стол на восемь

персон, вот и весь интерьер этой хаты.

Но не эта убогость обстановки подавляла впервые вошедшего сюда, она была знакома каторжанам не понаслышке. Его подавлял свет, точнее, что-то подобное ему. На всю камеру, посередине потолка тускло горела одна стосвечовая лампочка. И хотя справа и слева чуть выше нар в противоположной от двери стене было по одному окну, сплошные жалюзи, закрывающие их, мешали проникновению в камеру не только света, но и воздуха.

Досуг чахоточных арестантов, включающий в себя общение между собой, чтение книг, настольные игры и прочее, можно было проводить только за столом, потому что на нижних нарах было почти темно, а на верхних — свет был одним лишь названием.

Таких камер на этаже было семь, напротив — столько же, но это были маломестки на четыре и восемь человек, тоже забитые под завязку, и мы называли их по привычке «малым спецом» «тубанара». Хотя «тубанаром» этот серый и мрачный корпус назвать было нельзя ни при каком раскладе и прикиде. Скорей сюда бы подошли названия вроде крематория или душегубки, хотя, еще раз хочу подчеркнуть, такая тенденция к физическому уничтожению больных туберкулезом арестантов просматривалась почти повсюду в тюрьмах России.

Я не оговорился, именно уничтожению, а не лечению, как многие из вышестоящих лиц в ГУИИНе заявляют на всевозможных совещаниях, а также в теле— и радиоэфире.

Мне не было надобности представляться в этой камере как-то по-особенному. Достаточно было назвать свое имя, ибо почти все в тюрьме если и не видели, то слышали обо мне, это уж точно. Я сказал мужикам, чтобы те распаковывали баулы и все сваливали на стол, на общак, а сам отписал наскоряк малявы на корпуса и Ворам на «малый спец».

Дело в том, что один из новых сокамерников вот-вот должен был идти к адвокату, его уже заказали «слегка», а малявы отсюда, так же как и сюда, можно было передать либо через «судовых», либо «словившись» с кем-то из арестантов «на сборке» или в «боксиках», по дороге к следователю или адвокату.

Справа камер не было вообще, наверху сидели женщины, а под нами «признанные», поэтому, переговорив с камерой через стенку слева и выяснив все, что мне нужно было знать, я стал знакомиться с хатой.

Весь ее контингент, хотя я и не мог всех видеть, состоял из мужиков. Дело в том, что, еще только войдя, я спросил о наличии «списка» в хате, на что стоящие рядом пожали плечами: мол, какой такой список? Мы не блатные и в таких тонкостях не

разбираемся.

Чуть позже оказалось, что в хате были и воровские мужики, но на общак им выложить было просто нечего, да и воровскими их можно назвать лишь с большой натяжкой. Скорее, это были современные приспособленцы в солидном возрасте, когда-то игравшие в воровские игры.

На «аппендиците», как оказалось, я знал лишь приблизительную картину жизни «тубанара», хотя старался по возможности облегчить жизнь заключенных и никак не думал, что на самом деле она так бедственна. Посередине стола, на общаке стояла коробочка с махоркой — это было все курево камеры. Чая не было вообще, и они даже не помнили, когда пили его в последний раз. Что касалось харчей, о них и говорить не приходилось.

Когда же я увидел, какую бурду привезли баландеры и как набросились на нее эти несчастные, я понял, что за всевозможные блага для каторжан этого корпуса мне вновь придется биться с этой безучастной к чужому горю и деспотичной администрацией Бутырки. И вступать в борьбу нужно было немедленно. Конечно же, на всем корпусе «тубанара» были люди, называвшие себя бродягами, но считала ли их таковыми босота, было большим вопросом.

Глава 13

В этой связи хочется вспомнить один давнишний случай. Я был еще очень молод и сидел в камере Грозненского централа вместе с одним старым Уркаганом Васей Бузулуцким, который, кстати, был родом из этого города. Так вот, однажды в камеру заехал некто с этапа и, узнав, что в хате Вор, тут же стал изливать ему душу о воровском положении в лагере, откуда его вывезли. Несколько минут Вася слушал его молча, но в какой-то момент резко перебил и спросил:

— А что конкретно сделал именно ты для того, чтобы жить в зоне стало лучше?

Оказалось, что кроме воздыханий, упреков да жалоб на жизнь — ничего.

— Так как же ты можешь называть себя бродягой? — грубо спросил его Уркаган. — Иди к «некрасовским» и благодари Бога, что не на парашу!

Думаю, понятно, в связи с чем я вспомнил этот эпизод. Но я еще не знал, что с друзьями-босяками в самом скором будущем мне здорово повезет. Через несколько дней в соседнюю камеру перевели Диму Моряка, а еще через день «на спец», находившийся напротив, — Мераба Осетина.

Фамилия у него была грузинская — Джиошвили, да и сам он был родом из Тбилиси, но по нации он был осетином. Впрочем, он одинаково хорошо владел обоими языками. Он обладал высоким ростом, было ему под сорок, но по шустрости с ним не мог сравниться и двадцатилетний. Все срока Мераб провел с Урками, сидел в самой воровской зоне некогда бывшего Советского Союза под названием «Ксани». Это был бродяга по крови. А как он мог держать «прикол»? Исключительно благородный и порядочный человек, он был олицетворением всего воровского.

Моряк был ему под стать с той лишь разницей, что был русским и намного моложе. Но тоже прошел уже немало. Размораживал зону в Вологде, предыдущий срок отбывал на Бутырке рядом с Уркой Шуриком Захаром, ну и так далее. Короче говоря, оба они были истинными бродягами, что еще можно было прибавить к этому?

Для начала я задался целью перетащить их в свою 607-ю камеру, которая с тех пор, как у меня это получилось, и по сей день считается на «тубанаре» Бутырки «общаковой», такой же, как и 611-я на «тубанаре» Матросской Тишины.

Дело в том, что, объединившись в одной хате, мы с Мерабом

отписали маляву Дато Какулии с ходатайством о том, чтобы Урки на сходняке доверили смотреть за положением на «тубанаре» Диме Моряку, потому что он был самым молодым из нас, а главное — рвался в бой. Он мечтал войти в «воровскую семью», а статус положенца корпуса, да еще такого «замороженного», как тогдашний «тубанар» Бутырки, был для этого благородного прыжка лучшим из трамплинов.

Но была и еще одна немаловажная причина, по которой мы решили, что лучше кандидатуры Моряка не найти, — это забота о нем его друзей со свободы. Они почти каждый день подъезжали к нему, и он общался с ними через решку. А сколько добра они сделали, когда мы налаживали «дороги», вообще трудно переоценить.

Воры с пониманием отнеслись к нашей просьбе, и в самое ближайшее время по Бутырскому централу прошел прогон о положенце «тубанара». Им и стал Моряк.

Не хочу показаться нескромным, но, думаю, я нисколько не преувеличу, если скажу, что с того момента, как мы оказались вместе, и стоит отсчитывать воровское время на «тубанаре» Бутырки в «Кошкином доме». Позже мы перевели в свою хату еще одного бродягу — Херсона Гудаутского, с которым через год я ушел этапом в Киржач, что во Владимирской области, откуда и освободился, а пока мы понемногу размораживали этот Богом проклятый корпус.

Первое, что мы предприняли, — побеспокоились о питании арестантов. Когда мы увидели жизненный задор в глазах некоторых из них, услышали шум и веселье, раздававшиеся уже из разных камер, движение по «дорогам», мы поняли: «тубанар» сыт и нам пора приложить все силы к другому, не менее важному аспекту жизни тюрьмы, которым были «дороги».

Я опять не могу писать о некоторых подробностях, связанных с «дорогами», но хочу подчеркнуть, что нашим фантазиям не было предела. Чуть позже именно через нашу хату со свободы и на волю шли, как на Воров централа, так и на остальной контингент, самые серьезные малявы и кое-что другое.

С помощью Урок мы добились того, что каждую неделю на «тубанар», в частности в нашу хату, с одного из корпусов централа по очереди приносили общаковый грев по десять, а то и больше набитых сумок.

Уже давно ушло в область преданий то время, когда на «тубанаре» нельзя было найти сигарету, я уже не говорю о папиросе, чтобы забить косяк «плана». Теперь даже самый последний «гребень» курил не табак, не махорку, строго «пшеничные». Но не только «тубанар» был под нашим

присмотром. «Признанные» и иностранцы на нижних этажах тоже пользовались всеми благами общака и никогда ни в чем не были обойдены.

Как я уже успел вскользь упомянуть, этажом выше сидели женщины, но через несколько месяцев после нашего переезда на «тубанар» их перевели куда-то в район Печатников, в специально построенный для них Шестой изолятор. Но вспомнил я об этом еще и потому, что встретил здесь свою подельницу — Наташу Мальвину.

Она сидела прямо над нашей камерой. Само собой разумеется, что ни она, ни вообще кто-либо из женского пола без нашего жиганского внимания не оставались. Однажды у меня появилась возможность нырнуть к ним в камеру, и я конечно же этим воспользовался, но не мог и предположить, что произойдет то, что произошло между нами. Поистине никогда не узнаешь достаточно хорошо женщину, пока не переспишь с ней. Хотя кто может похвастаться, что знает их?

Я проводил Мальвину на Шестой изолятор как лучшего друга, но больше, к сожалению, никогда с ней не встретился. Слышал ненароком на свободе, что она поселилась где-то в Европе, но где, к сожалению, точно не знаю.

Приблизительно в то же время, когда увезли женщин, из зала суда освободили Моряка и его место на положении «тубанара» занял Мераб Осетин. Ближе к концу 1997 года мы со свободы прошустрили ускорение этапов, и они покатили почти каждые десять дней.

К тому времени, когда это произошло, камеры были забиты до отказа, под самую завязку. На каждое место было уже не по два, а по три человека, как на «тубанаре» Матросской Тишины. Но здесь хоть не было больных с открытой формой туберкулеза. Как только у кого— нибудь начинался процесс, а его местные коновалы определяли лишь в том случае, когда у человека уже шла горлом кровь, бедолагу тут же отправляли на «тубанар» Матросской Тишины.

В связи с указом правительства об эффективных методах борьбы с туберкулезом в исправительных учреждениях ГУИНа, администрации российских изоляторов стали спешно проводить по тюрьмам флюорографии и, выявив несметное количество больных, попрятали их всех по «тубанарам».

Что касалось туберкулезных зон, то и там мест катастрофически не хватало. Так что в начале Нового, 1998 года можно было с уверенностью сказать, на нашем «тубанаре», с точки зрения воровских критериев, все было выше крыши.

Вот уже третий год, как я находился в заточении в

московских тюрьмах, сначала в одной, потом в другой и затем вновь в первой. За это время меня десять раз вывозили на суд и ни разу не осудили. Я уж был склонен предполагать, что повторяю горький опыт своих предшественников — каторжан, которые чалились здесь кто в два, а кто-то и в три раза дольше.

Правда, однажды прокурор запросил для меня десять лет особого режима, но дальше этого дело не пошло, и слава богу. Я прекрасно понимал, что «дикан» не осилю, поэтому и отписал Уркам на свободу, попросил подсобить.

Босота долго ждать себя не заставила. Чуть позже кому надо было уплачено столько, сколько надо, и, наконец, в одиннадцатый раз меня все же осудили и приговорили к двум с половиной годам. До свободы мне оставалось что-то около четырех месяцев, когда наконец-то и меня заказали на этап. Я был рад не потому, что прощался с Мерабом и всей босотой «тубанара», нет, конечно. Мы были как братья друг другу, просто я хотел хоть немного подышать свежим воздухом.

Глава 14

В первой книге, рассуждая об аморальном поведении и нравах нынешней молодежи вообще и в местах заключения в частности, я вскользь упомянул о том, как проездом в зону на Владимирской пересылке в туберкулезной хате я увидел картину, которая подчеркивала ничтожество и убогость ума и сердца этих не в меру строптивых юных дегенератов.

Малолетки требовали с «кабура» камеры сверху куриные ножки, которые давали на этом централе больным на обед, и, если тубики отказывались отдать им свой кровный паек, их заливали сверху водой. Этим я тогда и ограничился, по сути даже не описав Владимирский централ.

Теперь я хочу восполнить этот пробел. Во-первых, хотелось бы подчеркнуть одну деталь. Песня о Владимирском централе, которую иногда так задушевно поют, не имеет ничего общего с той жуткой, «полосатой крыткой», которых в бывшем Советском Союзе было всего три: во Владимире, в Тобольске и в Златоусте. Что касается песни, то в ней поется как раз о той тюрьме, куда я заехал весной 1998 года по этапу из московских Бутырок в туберкулезную зону города Киржача Владимирской области.

Через десять дней после водворения сюда нас уже отправили на зону, хотя «транзит» там засиживался по три и более месяцев, поскольку единственная в области туберкулезная зона Киржача тоже не могла справиться с огромным наплывом заключенных-туберкулезников, которые шли и шли этапами в туберкулезные зоны по всей России-матушке.

Под словом «нас» я подразумеваю моего кореша Херсона, с которым мы выехали на этап из одной хаты «Кошкиного дома» Бутырки, и Славика Дему, или, как его еще называли, Славу Тульского. С ним мы познакомились уже здесь, в этой транзитной хате, когда после мытарств, связанных со «столыпиным», бегом трусцой до «воронков» и ночью, проведенной в карантине, мы наконец-то попали в хату.

Камера транзита была большой и просторной, но забитой под завязку больными арестантами. При входе справа был туалет, и буквально в метре от него начинались двухъярусные сплошные деревянные нары, подобные которым в последний раз я видел в Коми АССР, в старом БУРе Княж-Погоста в 1976 году. Кое-где на нарах были и матрацы, лоснившиеся от грязи и времени, пахшие сыростью и потом многих тысяч заключенных.

В стене, противоположной от двери, было два больших окна, а чуть ли не посередине камеры стоял большой и узкий стол, но

тем не менее места для «тусовок» было предостаточно. В левом углу от стола зияла огромная дыра «кабура». В хате было относительно чисто, если можно назвать чистым старый, почти полностью растрескавшийся от сырости и времени цементный пол.

Но главное было в другом. В камере сразу чувствовался воровской дух, и я тут же начал рыскать глазами по всей хате сразу. Поначалу складывалось такое ощущение, что мы заехали не на Владимирский централ, а на Матросскую Тишину или вновь, по крюку, на Бутырку.

Почти со всей хатой транзита я был знаком. С кем-то сидел на Матросской Тишине, с кем-то — на Бутырке, и почти каждый из них парился здесь уже не один месяц: зона не принимала «оптом». Через несколько минут мы нашли друг друга, перезнакомились, и за чашечкой пахучего чифиря и «Пшеничной» покатил непринужденный воровской «прикол».

Славик был родом из Тулы, его и вывезли из Тульской зоны, где он смотрел за положением и в эту транзитную камеру заехал всего лишь за несколько дней перед нами. Был он и в крытой в Балашове, там же был в свое время и Херсон, в общем, нам троим было о чем поговорить и что вспомнить, хотя до этого мы никогда не виделись.

На следующий день после утренней проверки под вой остервенелых овчарок нас вывели на плановый шмон. Когда через час мы вернулись в камеру, то были не просто удивлены, а буквально взбешены поведением легавых. Почти все наши вещи валялись на грязном цементном полу, некоторые были разорваны, сигареты и чай выпотрошены, а кое-что красивое и оригинальное из ширпотреба было попросту похищено.

Но, как оказалось, возмущались этим беспределом лишь немногие. Когда мы поинтересовались такой пассивностью, они ответили, что менты при шмоне поступают так постоянно. Они пробовали что-либо исправить, но у них ничего не получилось, потому что никто в тюрьме их не поддержал. Обращались они и к положенцам, но все было бесполезно.

Глава 15

Ну что ж, картина была ясна. Обговорив некоторые детали предстоящего диалога с легавыми, мы решили действовать. Вызвать корпусного не составляло особого труда: постучал — и он тут как тут. Главное было — подтянуть «кума». После нескольких ударов в дверь, как будто ожидая их и стоя рядом, мент открыл кормушку нашей хаты. Дема сказал ему спокойным и даже ласковым тоном: «Начальник, передай, пожалуйста, „куму“: пусть заглянет в наши с Зугумовым личные дела. Мы ждем полчаса, а после не говорите, что вас не предупредили».

На этом централе мусора были не из пугливых и повидали немало бунтов и кипешей. Знали они и то, кто и как разговаривает с ними, и уж конечно же могли отличить фраера от бродяги. Мусор, молча выслушав Дему, закрыл кормушку и ушел, а мы стояли у дверей и напряженно думали. У нас была единственная козырная карта в рукаве — девятка пик, и мы гадали в тот момент, побьет ли она их хорошего валета или нет.

Заехав на тюрьму, бродяга в первую очередь, естественно, интересуется, есть ли на централе Урки и какие проблемы беспокоят каторжан, что и сделал сразу же Дема. Урок на централе не было, а вот проблема была, хотя в понятии чисто каторжанском какая это была проблема? Но, учитывая нынешнее время и контингент, содержащийся в тюрьмах и лагерях, не считаться с ней и оставлять ее без внимания было никак нельзя не только нам, но и легавым. Здесь наши интересы совпадали.

А дело было вот в чем. В каждой камере Владимирской тюрьмы стояли телевизоры, а иногда и по нескольку, но кабель на тюрьме, как и сама она, был старый и не выдерживал таких нагрузок, а на новый, как обычно бывает в таких случаях, у администрации не было денег. За несколько дней перед нашим со Славиком приездом сюда произошел небольшой кипеш, который мусора еле-еле успокоили, но прекрасно понимали, что ненадолго.

Если «кум» не дурак, рассуждали мы, то, открыв наши дела и узнав, кто мы, он должен будет понять, как мы можем использовать это обстоятельство с кабелем в свою пользу.

Мы рассчитали правильно. Не только «кум», но и режимник с хозяином оказались далеко не дураками. Не прошло и получаса, как дверь нашей хаты открылась и мусор с порога прокричал: «Зугумов, на выход!» Рядом молча стоял «кум» и явно пробивал нас на вшивость. Я стоял рядом с Демой возле дверей и спокойным тоном объяснил, глядя ему прямо в глаза, что один

никуда не пойду. «У нас так не принято, начальник», — закончил я свой маленький монолог с иронией и сарказмом.

Ничего не говоря, но еще раз окинув нас обоих внимательным взглядом с головы до ног, кивком головы «кум» приказал «дубаку» закрыть дверь, что тот и сделал. Но не прошло и пяти минут, как дверь вновь открылась и тот же зычный голос прокричал с порога: «Зугумов, Демченко, на выход!»

— Вот это другое дело, — бурча себе под нос, проговорил я, и мы оба вышли в коридор, где стоящий прямо за углом камеры «кум» молча повел нас по коридору. Теперь уже мы вошли в кабинет хозяина, уверенные в том, что наша карта «очка выше».

За большим письменным столом сидели двое полковников — начальник СИЗО и его заместитель по режиму. На столе, покрытом казенным зеленым сукном, лежали два вскрытых желтых пакета с нашими личными делами и еще какая-то мелочь. Обменявшись скупыми приветствиями, мы присели на предложенные стулья, стоявшие справа вдоль стены.

Четыре пары глаз — по две с каждой стороны — сверкнули ярче сабель и, скрестившись, пытались навязать свою волю, но такие поединки никогда не длятся долго. На этот раз пауза немного затянулась.

— Так в чем дело, господа арестанты? — прервал гнетущую тишину один из полковников, как оказалось, начальник по режиму. — На каком основании вы позволяете себе такое? Они, понимаете ли, приезжают в нашу тюрьму, их кормят, поят, купают и дают место для отдыха, а они еще и пугают нас?

— Ну, допустим, господин полковник, что тюрьма не ваша, а всегда была, есть и будет нашей, а что касается «пугать», то у нас и в мыслях этого не было, — ответил я спокойным и вежливым тоном. — При обыске наши вещи по-свински были выброшены чуть ли не в парашу, а кое-что из ширпотреба скрысятничано вашими работниками. И мы не пугали никого, а просто хотели обратить ваше внимание на этот вопиющий факт и впредь просить прекратить подобный беспредел и вернуть нам наши вещи, которые ваши контролеры, будем считать, позаимствовали у нас на время.

В кабинете вновь воцарилась пауза. Лишь слышен был шелест грубой бумаги конверта с моим личным делом, который хозяин взял со стола и, видно, не в первый уже раз пробегал его содержимое, сдвинув густые, широкие брови.

Мы с Демой успели переглянуться, но незамеченным этот взгляд не остался. Теперь уже хозяин, а не режимник обратился, но не ко мне, а к Деме с вопросом, который обескуражил бы любого, но только не нас. Мы давно привыкли торговаться с

легавыми, но, конечно, в хорошем смысле этого слова.

— Демченко, не хотите ли получить взаимовыгодное предложение?

Было ясно, как Божий день: я был почему-то не симпатичен этому мусору, но я догадывался, почему.

— Отчего же, господин полковник, — проговорил безо всякого промедления Славик, как будто только и ждал этого вопроса. Опять над кабинетом повисла пауза, но уже не такая продолжительная, как предыдущая.

— Ну что ж, как я понял, — продолжал полковник, — вы требуете, чтобы были прекращены подобного роды шмоны, вам бы вернули то, что изъяли, не так ли?

— Абсолютно так, — тут же ответил Дема.

— Ладно, мы исполним ваши требования, но только лишь тогда, когда вы поможете провести в тюрьме телевизионный кабель.

Впервые хозяин улыбнулся, оскалив свои кривые, но, правда, белые клыки, и взглянул уже на нас обоих таким взглядом, будто волк, загнавший сразу две жертвы, что встречается весьма редко.

— Услуга за услугу, господин начальник, — продолжил уже я диалог с этим умником, начатый Демой, все тем же спокойным и вежливым тоном. — Мы пишем и отсылаем через вас депешу на свободу людям, вы получаете то, что надо, — то есть кабель, и наш договор будет соблюден по всем правилам дипломатического, воровского и мусорского искусства, что, согласитесь, большая редкость?

— А вы, Зугумов, однако, оригинальны не по… — Он прервался, но я продолжил его мысль:

— Вы хотели сказать, не по национальной принадлежности, не так ли?

— Да, так, вы правильно меня поняли, — с сарказмом в голосе проговорил легавый.

— Так у меня корни русские, господин полковник, да и прожил я почти всю жизнь в России, и учился в лагерной школе на отлично, даже заочно институт закончил.

— Лучше бы вы жили и учились у себя на Кавказе, ну да ладно.

И опять он обратился не ко мне, а к Деме, явно давая понять, что пытается меня игнорировать. Это было чем-то схожим с одним из приемов следователей, который назывался «плохой мент — хороший мент». Один легавый стращает, в то время как другой, выгнав первого, дает подследственному успокоиться, покурить, а в экстренных случаях и что-то большее, например травку.

Но я лишь улыбнулся этой хитрости, давая ему понять, что зверская быковатость и воровская этика — абсолютно разные понятия и ни в коей мере не совместимы.

— Вы идете сейчас в камеру и составляете свое послание. До вечера вам возвратят все, что изъяли, а дальше посмотрим. Все будет зависеть от того, как скоро сработает ваша депеша. Вы меня поняли, Демченко?

— Ну, конечно, поняли, гражданин начальник! — ответил Славик за нас обоих.

— Ну что ж, в таком случае вы свободны.

Глава 16

Через несколько минут мы были в камере. Первый раунд переговоров был нами выигран. Теперь от нас зависела, казалось бы, самая малость, но мы глубоко ошибались… Отписав маляву положенцу города Владимира и объяснив ему ситуацию, мы отдали ее мусорам. Нам оставалось только ждать, как и с какой серьезностью к ней отнесутся. Затем мы отписали малявы Ворам в крытую тюрьму Владимира, которая была отделена от следственного корпуса, где находились мы. Из Жуликов тогда там были Щенок и Говорунчик — Владимирский.

Два дня все шло спокойно, но на третий арестанты вновь подняли кипеш из-за этих самых телевизоров, а в некоторых камерах баламуты вообще голодовку объявили. Было ясно, что перемирие между мусорами и арестантами закончилось.

После утренней проверки прибежал «кум» и повел нас с Демой к хозяину. Только мы вошли в кабинет, как он тут же без обиняков спросил:

— Можете что-нибудь сделать?

— Конечно, можем, — не задумываясь, ответил Дема, потому что хозяин смотрел на него, по-прежнему игнорируя мое присутствие.

— Что нужно для этого?

— Заведите нас в камеру, на которую мы вам укажем, и через полчаса кипеш прекратится.

— Согласен, — проговорил с волнением в голосе легавый.

Через несколько минут двери одной из камер Владимирского централа за нами захлопнулись, а меньше чем через полчаса кипеш и голодовка на тюрьме прекратились.

Мы бы и без вмешательства мусоров предприняли эти шаги из своей хаты, но таким образом мы одним выстрелом убивали сразу двух зайцев: зарабатывали очки и успокаивали не в меру разбушевавшуюся толпу.

Дело в том, что на тюрьме в то время положенца, как такового, не было. Были положенцы продолов, но для нас они были никто.

Во-первых, еще раньше на наши вопросы в малявах, от кого из Воров они смотрят за положением, один вообще не ответил, а второй написал какой-то бред. Было ясно, что они левые, да еще и хозяин подтвердил наши предположения, предупредив нас, что запустит в любую хату, кроме тех, в которых сидели эти двое…

Мы с Демой не имели полномочий развенчивать их, поэтому поступили по-иному. Сначала зашли в одну из хат на правом

крыле, которая была у нас на примете еще раньше. Представившись и поговорив с братвой, мы отписали в несколько камер малявы людям, на которых они нам указали как на порядочных арестантов, затем то же самое проделали на противоположном крыле. В обеих камерах были арестанты, которые где-то когда-то сидели с кем-нибудь из нас, да и без этого мы знали, как сделать все правильно, по-воровски.

Маляву с воли мы получить так и не успели, но впоследствии узнали, что владимирская босота на свободе сделала все как надо, и кабель на тюрьме поменяли. Что касается шмонов по беспределу, то их тоже больше не было, по крайней мере до тех пор, пока мы не освободились. Дело в том, что мы постоянно интересовались у приходивших этапом арестантов из Владимирской тюрьмы о положении на централе, и в частности в транзитной хате «тубанара».

Туберкулезная зона Киржача встретила нас не только тщательным шмоном, но и ярким солнцем, по которому мы так соскучились. В карантине мы пробыли около десяти дней, прежде чем нас выпустили в зону. За это время мы познакомились с положенцем лагеря Татарином, который сразу пришел к нам со всем своим окружением.

Киржач была единственной туберкулезной зоной во Владимирской области, где в воровском плане все было относительно ровно. Дело в том, что сюда, в этот «красный» уголок России, испокон веков свозили воров на ломку, и об этом статусе зоны мы, конечно же, знали заранее. Иначе и не могло быть.

Несколько слов о лагере. Территория его была небольшой, можно даже сказать крохотной, по сравнению с необъятными северными командировками.

Один пятиэтажный жилой дом, разделенный пополам как «локалкой», так и стеной. Столовая, куда мужики ходили строем, но не с песней и не в ногу, как в других зонах. Эта, с точки зрения дилетантов, мелочь была большой заслугой бродяжни этого лагеря. О промзоне, как и о столовой, где я ни разу не бывал, писать не буду, а вот о лагерной больничке пару-другую слов черкну, хотя и этого, думаю, будет много.

Половина первого этажа пятиэтажного общежития, шесть палат, маленькая кухня вместе со столовой, такая же, как и в любой хрущевской пятиэтажке, и комнатка для просмотра телевизора времен царя Гороха.

Здесь все смердело коммунистическим прошлым. Телевизор разрешали включать и выключать только в определенное время; выходить на маленький прогулочный дворик длиной в несколько

метров можно было лишь в определенные часы, потому что больничка в зоне постоянно находилась под замком. Заходить в больничный душ туберкулезникам разрешалось тоже исключительно в назначенное время.

Почти до конца срока я пролежал здесь и после двух с лишним лет, проведенных в тюрьмах, благодаря вниманию и заботам братвы немного оклемался.

Пока я лежал на больничке, Славу Дему легавые и здесь принялись доставать, как могли. Только мы вышли на зону из карантина, как к ней тут же подъехала братва из Тулы вместе со Славиной женой и босяцким гревом. Это, конечно же, не осталось без внимания легавых, и его вскоре «загасили» в БУР. Для начала дали три месяца, а чуть позже, прямо перед моим освобождением, посадили вновь.

За положением тех, кто чалился под крышей, из зоны смотрел Серега Ворон — исключительно порядочный и благородный человек. Что касалось того, кто смотрел за БУРом изнутри, то им, как нетрудно догадаться, был Славик Тульский.

Глава 17

Накануне дня своего освобождения я с Вороном зашел в БУР и успел попрощаться с Демой, но то, что обещал для него сделать на свободе, не сделал. Но не только для него. Впервые в жизни я не смог взгреть зону, где сидел, и своих близких, в частности Херсона и Славку, но видит Бог, в том моей вины не было.

Вот как все произошло. Как только из лагеря освобождался достойный человек, положенец зоны заранее писал маляву на свободу и освобождавшегося встречал уже положенец города со своей братвой.

Так было и на этот раз. Меня встретила босота, подъехав к лагерю на машине. Подождали, пока я разберусь с формальностями в спецчасти, получу на складе личные вещи, и покатили на одну из блатхат.

Я расторпедировался там и отдал им все вещи, которые у меня отняли при шмоне по прибытии в зону, для того чтоб они передали их в лагерь моим близким. Буквально через час после моего освобождения, еще раз подъехав к зоне и попрощавшись с босотой через забор, я покинул пределы этого Богом проклятого места и направился в столицу-матушку.

Мы подъехали к метро «Щелковская» буквально через час после отъезда из Киржача, и тут стали происходить не совсем понятные для меня движения местной босоты. Правда, еще по дороге они говорили, что у них какие-то там проблемы с машиной, но это не должно было быть поводом для такого фраерского поведения.

Короче говоря, они оставили мне сто рублей и, извинившись за спешку, укатили в неизвестном направлении.

Теперь представьте себе такую картину. Стоит возле будки телефонного автомата недалеко от московского метро бородатый зверь с палочкой явно лагерного производства, в старом спортивном костюме и таких же старых лагерных тапочках и названивает кому-то, ругая всех и вся четырехэтажным русским матом!

Я до сих пор не могу понять одну-единственную вещь: что написал в своей маляве этим мухоморам, а по-другому я назвать их просто не могу, положенец зоны. Сколько бы ни освобождалось при мне людей, ни один из них не оставался без должного внимания на свободе. Я не был конкурентом положенца, и мой авторитет ему абсолютно не мешал, тем более что почти до конца срока меня продержали в больничке, не без его помощи, конечно.

Ну да ладно, когда-нибудь, может быть, пойму и это. О том,

что я нахожусь в лагере Киржача, не знал никто из близких мне людей, кроме жены в Махачкале, да и то потому, что мне нужна была информация о больном ребенке. Как назло, все нужные мне телефоны были либо заняты, либо не отвечали.

Наконец я дозвонился до Харитоши, но его не было дома, а Леночка сидела возле кроватки больного ребенка. Сообщив ей о том, что сейчас подъеду, еще и успев пошутить относительно своего экзотического внешнего вида, я повесил телефонную трубку и отошел, чтобы поймать такси.

Было 29 сентября 1998 года, по Москве шли демонстрации и митинги в связи с недавним бешеным скачком доллара, милиция была на стреме, и нетрудно догадаться, что меня прямо возле остановки такси хапнули легавые. Справка об освобождении — вот все, что я мог им показать. Но этого было более чем достаточно.

В общем, не пробыв на свободе и нескольких часов, я уже сидел в спецприемнике столицы. Как правило, сюда доставляют людей без документов, и я сказал об этом дежурному офицеру, на что тот усмехнулся, приняв меня за залетного штемпа, и выдал такую тираду, которая тут же привела меня в чувство.

— Эх мужик, мужик, какие там документы? Вот, откинулся, а зачем ты здесь нужен и кому? Ты же бич, посмотри на себя! Кому от тебя польза? Справка об освобождении твоя уже в печке. Сейчас состряпаем на тебя «мелкое хулиганство» — и топай назад, парашу убирать. Тебе ведь в тюрьме, кроме нее, родимой, больше ничего и не доверят, или я не прав?

— Да, ты прав, начальник, — как бы с грустью констатировал я такой простой и уже, казалось бы, свершившийся факт, но мысли мои в тот момент работали как ЭВМ.

А ведь легавый был абсолютно прав, и теперь играть в какие-либо игры с мусорами не было никакого резона. Время на этот раз работало против меня.

— Начальник, позови старшего, — не попросил, а скомандовал я тоном, не терпящим возражений.

Мусор чуть не подпрыгнул от неожиданности, хотел было что-то возразить, но, взглянув мне в глаза, опустил голову и молча пошел прочь, бурча себе что-то под нос.

Таким образом, освободившись после утренней лагерной проверки, после обеда я успел пробыть несколько часов в спецприемнике, а уже ближе к вечеру сидел в кабинете заместителя начальника уголовного розыска на Петровке, 38, пытаясь убедить его в том, что мне срочно нужно домой в Махачкалу к больному парализованному ребенку.

По глазам и поведению легавого, а знали мы друг друга не

один десяток лет, я видел, что он прекрасно знал о моем семейном положении, но мялся как-то, что-то выжидал. И когда зазвонил звонок, я, наконец-то, понял, что именно.

— Да, да, слушаюсь, товарищ полковник! Ну вот, Зугумов, — положив телефонную трубку и изменив выражение лица, проговорил он, — благодари Бога, что времена настали такие, что тебя даже в тюрьму отказываются сажать. В общем, так. Сейчас ты идешь в камеру, отдыхаешь до утра, нет, до обеда, а отсюда тебя повезут на Павелецкий вокзал и посадят прямо в поезд Москва — Махачкала. Договорились? Но имей в виду, Заур, эти лагерные выкрутасы с выходом на первой же станции забудь. Мы уже сообщили в Махачкалу о твоем приезде, да и дочурка у тебя действительно серьезно больна, сам знаешь, у нас информация точная. В общем, думаю, тебе здорово повезло на этот раз.

«Да, что повезло, то повезло, нечего сказать», — думал я, лежа на давно знакомых мне нарах МУРа, еще не зная о том, что с этого дня моего освобождения и начнется очередная полоса невезения в моей жизни. Но самым удивительным в этой истории было то, что ни один из повстречавшихся мне в тот день мусоров не солгал.

Наутро я не мог подняться с нар, меня знобило как гада. Я старался пересилить себя и, когда понял, что это почти невозможно, вырубился на нарах. Как мы добирались до вокзала с немолодым уже мусором, как он усаживал меня в поезд, что-то объясняя начальнику состава, и все то, что было потом, я запомнил, как будто уже видел это в каком-то старом полузабытом фильме.

Очнулся я ночью от холода. Хотел было крикнуть кореша, но вспомнил, что нахожусь не в тюремном карцере, а на свободе. Сон, видно, приснился лагерный. Температуры, как ни странно, не было. Зато я был весь мокрым от холодного пота и трясся на верхней полке общего вагона как вошь на гребешке. Первое, о чем я подумал, так это о еде, а это был хороший признак и определенно вселял оптимизм. У меня в спортивных брюках было всего два рваных кармана и столько же в куртке, что там могло быть? Даже справку об освобождении — непременный атрибут всех освободившихся заключенных ГУЛАГа, — и ту сожгли мусора. Потихоньку спустившись с полки, чтобы ненароком не разбудить спящих пассажиров, я пошел к проводнице. Ей оказалась приятная русская женщина Валя, из первой Махачкалы, соседка моего кореша Шурика Заики. Тогда я еще не знал, что вот уже несколько месяцев, как его нет в живых. Он умер от кровоизлияния в мозг, но хотя бы на свободе. Его было кому и где похоронить. В ее купе я и провел время до утра, вдоволь

напившись чифиря и рассказав почти обо всем, что со мной приключилось всего за один день. Как ни странно, она не была удивлена моим рассказом.

— Ох, Заур, Заур, сколько уж всего я повидала за двадцать лет работы проводницей, что меня удивить трудно. Ты не обижайся на меня, мы ведь с тобой земляки! Ешь, пей и чувствуй себя как дома. Иншалла, скоро доедем, а там, глядишь, оклемаешься, и все у тебя обязательно наладится.

Через сутки мы подъезжали к Махачкале.

— Как же ты в таком виде до дому-то доберешься, Заур? — спросила меня Валя.

— Да как-нибудь доберусь, ведь я уже дома.

— Нет, так дело не пойдет, на вот тебе двадцатку, бери такси и поезжай. А еще лучше, я провожу тебя.

Я еле отговорил ее от этой затеи, зная, сколько хлопот сваливается на проводниц, когда они подъезжают к конечной станции, к тому же если поезд идет из Москвы. Я прошел по составу до самого последнего вагона и выпрыгнул из него на ходу, когда поезд только начинал тормозить.

На мое счастье, на улице лил проливной дождь, народу на вокзале и в его окрестностях почти не было. Возможно, поэтому, поймав такси, на этот раз домой я добрался безо всяких приключений.

Глава 18

Здесь меня ждало горе и разочарование. В хате не было денег даже на хлеб. Да и сама квартира напоминала руины после нашествия орд Мамая. Все, что можно было продать, жена давно уже продала, лишь бы прокормить больную дочь. Старшая — Сабина — вышла замуж и уехала на Урал, на родину мужа, еще два года назад. Но все эти новости были сущей мелочью по сравнению с тем, что дочь умирала на руках у моей жены.

Старики мне сказали:

— Зная, как ты любишь ее, она ждала тебя, чтобы умереть.

И они, как всегда, оказались правы. Около месяца мы с женой боролись, как могли, за ее жизнь, но она угасала прямо на наших глазах и 30 октября умерла.

Я еще как-то мог описывать ее состояние в больнице после операции, но смерть собственного ребенка описать не в силах, поэтому опущу этот самый ужасный момент в моей жизни. Скажу лишь, что, узнав об этой новости, из Москвы приехали Харитоша с Леной, из Питера — Савва, которого я не видел целую вечность, о Лимпусе вообще говорить не стоит — он не отходил от меня ни на минуту. С ним вдвоем мы и несли дочь сначала до машины, а потом на кладбище — до могилы.

После ее смерти я впал в депрессию, и мне казалось, что уже незачем жить. Но менты так не думали. После смерти дочери, дав мне немного очухаться, как позже они разъяснили свои действия, через месяц меня вновь сажают в тюрьму за грехи многолетней давности, о которых я и сам давным-давно забыл.

Все происходило как в каком-то фантасмагорическом сне: то с корабля на бал, то с бала на корабль. Утром я пил с женой дома чай, а вечером уже чифирил в тюрьме «на сборке», минуя милицию и КПЗ.

— А зачем тебе туда, — втолковывал мне следователь Советского РОВД Шамиль Гаджиев. — Дело на тебя заведено пять лет тому назад, и тогда же была дана санкция прокурора на арест. Так что, Заур, все законно.

Да я и не возражал. Говоря откровенно, мне было уже все равно. Я так устал от всех этих встрясок и ударов судьбы, что впору накладывать на себя руки, но пока я их просто опустил. Если я скажу, что тюрьма — это мое лекарство от болезней и бед, меня, наверное, примут за идиота, но это почти всегда именно так. Тюрьма меня лечила от наркомании, от чахотки, от апатии к жизни (и не один раз), ибо здесь всегда происходит борьба за жизнь, и нетрудно догадаться, кто побеждает. Жизнь всегда берет

свое…

Итак, в конце 1998 года я вновь оказался в тюрьме, на этот раз в махачкалинской, где не был уже около десяти лет. Подробно описывать это убогое узилище с дегенеративной администрацией во главе я не буду.

После столичных тюрем, даже с их камерами в башнях и «Кошкиными домами», вместе взятыми, она показалась мне просто склепом, чем-то вроде могилы. Порой я сидел на нарах и, усмехаясь, спрашивал себя же самого: «И как здесь люди могут находиться столь долгое время?»

Думаю, нет надобности говорить, что вокруг были арестанты, знавшие меня со свободы и понимавшие мое душевное состояние лучше, чем все психиатры, вместе взятые. Меня понимали и не мешали мне философствовать, а точнее, дурковать.

Вытащил меня из этого состояния, как ни странно, один молодой мусоренок — «дубак», выводя на прогулку. Я плелся, как обычно, не спеша, позади всех, когда, ткнув полуметровым ключом мне в спину, он прорычал по-звериному: «Пошевеливайся, придурок, или я тебе сейчас хребет сломаю!» В следующее мгновение этот урод уже лежал на полу. И откуда у меня только силы взялись для такого удара, я потом сам удивлялся, ведь весил я тогда чуть больше сорока килограммов. Но что бы и как бы там ни было, а после хорошего мордобоя я оказался в карцере и наконец-то пришел в себя.

Карцер махачкалинской тюрьмы — это самая настоящая клоака в буквальном смысле этого слова, даже рассказывать о нем противно, но без этого, к сожалению, не обойтись.

У стенки напротив двери, до которой было от силы три метра, пролегала канава с нечистотами, которые протекали изо всех камер карцеров. Они были специально расположены вдоль одной из стен этого убогого помещения, бывшего когда-то, в пору моей юности, когда в камерах еще стояли параши, огромным туалетом и умывальником одновременно. Сюда выводили арестантов камерами на оправку по два раза в сутки. Последний раз с Махтумом мы пробыли здесь чуть меньше десяти суток. Теперь, не знаю почему, мне дали пять.

Я сидел на корточках в углу у дверей и потихоньку растирал ушибы и ссадины.

Но не все так плохо, как мне казалось. Пока я находился в глубоком нокдауне, я забыл о своих друзьях, но, в отличие от меня, они обо мне помнили. Когда меня «загасили», Лимпус позвонил в Москву Харитоше и сообщил ему очередную неприятную новость, связанную с их корешем. Харитоша был «на голяке» в тот момент и поэтому вынужден был обратиться к

Ворам, хорошо меня знавшим, а уж тем не нужно было «жевать», что к чему. Босота «отстегнула копейку» чисто по-жиганячьи, и не только на мое освобождение, но и на то, чтобы я в дальнейшем смог подлечиться где-нибудь на средиземноморском курорте.

Харитоша в самое ближайшее время прибыл в Махачкалу, и они вместе с моей женой начали меня вытаскивать. Читатель может не поверить, но на мое освобождение ушло всего полторы тысячи рублей, да и те были выплачены адвокату. По ходу суда оказалось, что я давно уже попал под амнистию. Вот такой маразм по-прежнему царит в нашем законодательстве.

Таким образом, двенадцатого апреля 1999 года я был освобожден прямо из зала суда. Половина воровских денег у меня, а точнее, у моей жены ушла на то, чтобы восстановить мои документы, которые менты уничтожили еще при моем задержании в аэропорту Москвы в 1996 году. На все про все у нее ушло несколько месяцев. Наконец, в начале июня 1999 года я все же тронулся в путь. На этот раз он лежал в Северную Африку, в Египет.

Дело в том, что еще задолго до этого вояжа, в одной из камер Бутырского централа, я встретил своего старого знакомого, с которым мы провели на карцерных нарах северных командировок не один месяц. Я помнил, как он освобождался: его, умирающего, выносили с зоны на носилках.

Я не слышал ни об одном случае, когда бы после такого «освобождения» кто-нибудь из арестантов выживал, и вдруг — на тебе: через пару десятков лет — он здоров и крепок и даже не в туберкулезной хате.

Оказалось, что его дядька работал в то время в каком-то дипломатическом учреждении в Каире и, узнав о такой беде, походатайствовал, чтобы ему разрешили привезти умирающего племянника в одну из египетских больниц. Вернее, это была не больница, а что-то вроде деревенской лечебницы в одном из оазисов Ливийской пустыни Эль-Харра, а там почти трупы умудрялись возвращать к жизни и безо всяких лекарств.

Я бы никогда не поверил ему, если бы не увидел его собственными глазами. И вот, пока моя жена готовила мне документы, я, прикинув, решил избрать именно этот маршрут. Мое физическое состояние и стало, наверное, самой важной причиной, побудившей меня ехать чуть ли не на край света. Я чувствовал, что медленно угасаю. Я слишком хорошо знал это состояние, поэтому особой надеждой не тешился, но все же любой утопающий хватается за соломинку, разве я мог быть исключением? Ведь после толчка ключом в тюрьме я уже вновь был готов к борьбе за жизнь, а это было самым главным.

Глава 19

Итак, я вновь был в пути. Сколько же дорог за свою жизнь я исходил и исколесил, как в «столыпиных» под конвоем, так и просто в качестве путешественника и искателя приключений! Скольких интересных людей, городов и стран я повидал за время своих странствий! Когда-нибудь я напишу об этом отдельную книгу, что-то вроде «Путевых записок бродяги», а пока этой главой мне хотелось бы закончить лишь один из промежуточных этапов своих похождений.

К сожалению, в то время из Махачкалы в Каир авиарейсов не было, но они были в Стамбул и в Арабские Эмираты. Я бы мог, конечно, вылететь в Москву и оттуда прямиком в Египет, но это не входило в мои планы, и вот почему. Я избрал рейс на Стамбул именно из Махачкалы, с тем чтобы, во-первых, не платить лишних денег, а во-вторых, чтобы далее из Стамбула проследовать морем до Порт-Саида, а оттуда уже было рукой подать до нужного мне места.

Существовала и еще одна причина, почему я избрал именно морской путь. Дело в том, что визы для посещения Египта у меня не было, но я вез с собой в Стамбул рекомендательное письмо человеку, который изготавливал их в течение нескольких часов. С такой липовой визой самым безопасным был именно водный путь, к тому же он был и остается самым дешевым.

На взятки и подношения разным чиновникам в Махачкале у моей жены ушло столько денег, что, будь на моем месте более благоразумный человек с таким мизером в кармане, он никогда не пустился бы в это авантюрное путешествие, тем более в таком плачевном физическом состоянии. Но я никогда не был разумным и всегда надеялся на милость Всевышнего и госпожу удачу. И та и другая, как правило, всегда приходят к тому, кто умеет терпеливо ждать и рисковать без сожаления.

Стамбул встретил меня ласковым солнцем, криком муэдзинов с минаретов величественных мечетей древней столицы Византии и шумом восточных базаров. Тот, кто был мне нужен, как раз и обосновался на самом дорогом из таких базаров — «Гранд базаре», где торговали только золотыми изделиями.

В то время Турция, так же как и Россия, переживала не лучшие времена в финансовом отношении, да и в политическом тоже. Национальная валюта упала в цене, а курдские восстания захлестнули страну. Поэтому каждый иностранец, а их в этой связи резко поубавилось, встречался здесь с радушной приветливостью.

Зная турецкий язык на уровне разговорного, то есть имея возможность объясниться с любым из жителей этой страны, я без проблем нашел нужного мне человека, и уже к вечеру в моем заграничном паспорте стояла египетская виза, сделанная с большим мастерством и искусством.

Теперь мне оставалось выбрать порт и корабль. Дело в том, что в Стамбуле несколько портов, в том числе и в черте города, и каждый из них принимает и отправляет корабли, возвращающиеся или идущие по определенным направлениям. Один из них, который принимал в основном корабли, прибывавшие из России и Украины в бухту Золотой Рог, я и избрал для своего путешествия, и для этого тоже было несколько причин. Через два дня из Одессы должен был прийти лайнер, следующий через Порт-Саид с заходом в Аден и Карачи. Конечной его остановкой был Бомбей.

Нетрудно догадаться, что в толпе людей, говорящих с тобой на одном языке, затеряться намного легче, чем среди иностранцев. Я приобрел билет до Порт-Саида на «Тараса Шевченко», так назывался корабль, и обосновался в ближайшем от порта отеле. Мне предстояло двое суток ожидания в номере и сутки на корабле. Время пролетело незаметно, и через несколько дней я уже стоял на юте океанского лайнера, который, рассекая мелкие буруны Мраморного моря, уходил все дальше и дальше на восток.

Глава 20

Еще в Стамбуле я познакомился с одной очень интересной парочкой, которая жила в том же отеле, что и я, и даже на одном этаже со мной. Поначалу я принял их за хипесницу и марвихера, но ошибся.

На первый взгляд лицо его казалось самым обыкновенным, но при внимательном рассмотрении выяснялось, что оно обладает замечательной подвижностью черт и способно мгновенно принимать самые разнообразные выражения. Это было лицо актера.

Руслан, так звали уже немолодого человека, был профессиональным шулером, а Людмила — подруга этого джентльмена удачи — была его сообщницей, в экстренных случаях помогавшей ему в его мудреных комбинациях. Эта девушка сразу бросалась в глаза. У нее отсутствовала аристократическая утонченность, зато она отличалась какой-то своеобразной, вызывающей внешностью. Высоко поднятые дуги бровей под копной волос, отливающих золотом в свете дня, подчеркивали узкие, миндалевидные глаза, один из которых был карим, а другой — серым. На смуглом лице выделялись ярко накрашенные, кроваво-красные губы. Стройную фигурку облегало ярко-зеленое платье, перехваченное на тоненькой талии черным поясом.

Меня они приняли за кавказца новой формации, да к тому же родовитого и очень богатого. Когда мы познакомились поближе, я был рад услышать от них столь лестный отзыв, но мой внешний вид, поведение, а главное, нарочитая демонстрация долларовых ассигнаций, по сути, и не могли означить в их глазах чего-либо иного. Вместе нас можно было смело назвать одним словом — артисты.

На корабле плыли очень состоятельные люди в основном из России, которые даже во время дефолта только на один билет такого круиза, не говоря уже о большем, могли запросто позволить себе потратить кучу долларов. Это были дипломаты, искатели острых ощущений с туго набитыми мошнами, готовые заплатить за бутылку шампанского тысячу долларов, туристы попрезентабельнее и в возрасте, ну и дамочки — жены высокопоставленных чиновников, кстати, тоже ищущие острых приключений, и всегда небезуспешно.

Затесалась среди этой публики и наша компания, впрочем, назвать ее так можно было с большой натяжкой. Хотя Руслан и не был никогда в заключении, но за счет такого кочевого образа

жизни неплохо знал преступный мир России, да и общался иногда с некоторыми Жуликами за границей, даже изредка выполняя их поручения. Так что общий язык мы нашли сразу. Я объяснил ему, куда и зачем плыву, и, исходя из того, что уже почти нахожусь на мели, собираюсь в дороге обчистить кого-нибудь из этих «ходячих кошельков».

— Ну что ж, Бог в помощь, — пожелал мне Руслан, — но давай, Заур, договоримся сразу вот о чем. Во-первых, само собой разумеется, мы друг друга не знаем, хотя, возможно, и познакомимся на корабле.

— Ну, об этом и говорить не стоило, Руслан, — ответил я, давая понять, что подобные приемы мне давным-давно знакомы.

— Ты нам дашь знать, — продолжал Руслан все тем же спокойным голосом, — когда выберешь жертву и будешь готов к броску, а мы тебе еще и поможем, если, конечно, ты в этом будешь нуждаться. Ведь, согласись, море — это не «майдан», откуда можно выпрыгнуть на ходу?

Он улыбнулся располагающей улыбкой, которая придавала его лицу мягкость, и только глаза, смотревшие в упор, давали понять, что их обладатель — человек решительный.

Окончив излагать свои условия, он внимательно посмотрел мне в глаза и, будучи неплохим психологом, остался доволен их блеском и успокоился. Он, видимо, прочел в них то, что желал видеть. На том мы и порешили.

Прежде чем войти в Порт-Саиде в Суэцкий канал, оттуда — в Красное море и следом — в Индийский океан, в Средиземном море корабль должен был зайти еще в два порта: в Афины и на Кипр, так что у меня было время присмотреться к публике и выбрать жертву. Но как обычно и бывает в жизни, все получилось совсем не так, как я предполагал. Больше того, даже в самом волшебном сне я не смог бы увидеть того, что произошло со мной на этом корабле за одиннадцать дней плавания.

Как же самовластна, как по-детски прихотлива та сила, которую мусульмане зовут Кадаром, а христиане — Провидением! Если Бог и посылает порой беду, то лишь затем, чтобы человек лучше почувствовал свое истинное счастье.

Глава 21

Еще не успел раскаленный шар солнца зайти за горизонт, а серебристый серп полумесяца выглянуть из-за него, как я уже был в своей каюте. Дело в том, что к вечеру становилось прохладно и меня к тому же начинал мучить страшный кашель и удушье, а я не хотел, чтобы в таком виде я был замечен кем-либо из посторонних.

Но в тот день и в каюте кашель не давал мне покоя. Я буквально захлебывался, и не было никаких сил сдержаться. Казалось, что все внутренности уже выскочили наружу, а кашель все не проходил. Я сидел на койке, сжавшись в углу каюты и вытирая слезы, невольно сочившиеся из глаз, и ждал очередного приступа, как ждет приговоренный к смерти, когда ему зачитают приговор, когда кто-то тихонько постучал в дверь.

«Кого еще черт несет?» — подумал я со злостью и пошел открывать дверь, пытаясь на ходу привести себя по возможности в порядок. Резко дернув задвижку двери, которая почему-то открылась очень свободно, я буквально обомлел на пороге.

Передо мной стояла живая Клеопатра или ее привидение, я так и не разобрал, потому что, растерявшись, замер от неожиданности. Иссиня-черные волосы, ниспадая на грудь, обрамляли ее продолговатое, безупречно очерченное лицо, и было в нем что-то горделивое. Огромные глаза, голубые, как подснежники, ресницы и брови под цвет волос, кожа матовая, молочно-белая, губы свежие, будто вишни, зубки — краше жемчуга. Шея грациозная и изящная, как у лебедя, руки, пожалуй, чуть длинноватые, зато безукоризненной формы, стан гибкий, словно лоза, глядящая в воду озера, или пальма, что покачивается в оазисе. От нее исходил аромат богатства и хорошего вкуса, который можно купить только за очень приличные деньги.

— Вы позволите мне зайти? — проговорила она тихим, приятным голосом.

— Да, конечно, пожалуйста, — с опозданием ответил я в растерянности и, пропустив леди вперед, закрыл за ней дверь. — Пожалуйста, простите меня за такой беспорядок: я немного захворал, — проговорил я, пытаясь прийти в себя и в то же время разглядывая этот живой идеал и хрустальную мечту любого мужчины.

На ней были белые туфельки, такое же белое платьице в виде туники, как бы небрежно перетянутое в талии тоненьким пояском. Пальцы были унизаны кольцами и перстнями, а на шее на тонкой золотой цепочке блистал маленький крестик с

бриллиантом. Несколько прядей шелковистых волос, спадающих на плечи, кокетливо вздымались на ее нежной груди, которая наполовину была открыта и дышала молодостью и жаром.

— Простите за вторжение, но я живу в каюте через стенку и, услышав, как вы мучаетесь вот уже несколько часов подряд, решила прийти к вам на помощь. Выпейте, пожалуйста, вот это, и вам сразу же полегчает.

Она протянула мне что-то величиной со спичечную головку, я взял протянутое и тут же проглотил вместе со слюной. Она с изумлением наблюдала эту картину, но затем, как бы опомнившись, встала, подошла к столику, взяла графин с водой и, налив мне полный стакан, протянула его с необыкновенной нежностью, участием и теплом.

Я поблагодарил ее, сделал несколько глотков и отставил стакан в сторону. Как ни странно, но одно только присутствие этой женщины избавило меня от мучительного процесса, и я смотрел на нее глазами только что спасенной жертвы.

— Позвольте представиться, меня зовут Заур, я направляюсь в Египет по личным делам.

— Очень приятно. Елена.

— Простите, но если Елена, из-за которой началась Троянская война, была похожа на вас, то теперь я могу понять Париса!

— Благодарю вас, Заур, вы умеете угодить даме.

— А вы — вылечить кавалера. — И мы оба рассмеялись.

— Интересно, но вы даже не спросили у меня, что я вам дала, может, это был яд?

— Если одно ваше присутствие, Леночка, избавило меня от болезни, то о каком яде может идти речь? Да к тому же я уверен, что в ваших руках даже цикута превратилась бы в бальзам.

Взглянув на меня томным взглядом синих как небо глаз и мило улыбнувшись, она повернула голову и, пытаясь разглядеть в иллюминаторе серебряный полумесяц, спросила как бы между прочим:

— Заур, вам очень плохо?

Не знаю почему, но вопрос не застал меня врасплох, больше того, мне почему-то захотелось пооткровенничать, развязать язык, забыть обо всем.

— Да, Леночка, — проговорил я тихим голосом, — мне так плохо, что я почти умираю. У меня чахотка, и плыву я в Египет скорей не для того, чтобы поправиться, а потому, что не могу умереть в постели.

— Я это поняла, еще даже не переступив порога вашей каюты, но, глядя на вас, я бы не сказала, что вы отчаиваетесь.

— Ну что вы, Леночка, конечно же нет. Я прошел в этой жизни через такие круги ада, что Данте отдыхает, так мне ли отчаиваться? Да к тому же я джентльмен удачи, а такие люди, как правило, умирают мгновенно — либо от пули, либо от ножа.

— Зачем вы пытаетесь оттолкнуть меня, Заур?

— Потому что я увидел жалость в ваших глазах, Леночка, а она вам может сослужить дурную службу, и вы будете корить себя потом всю жизнь.

— За что, например?

— За то, что я могу нечаянно влюбиться в вас. Согласитесь, такой подарок судьбы у края могилы — это ли не мука для несчастного?

— У вас нет чего-нибудь выпить?

— Нет, к сожалению, я еще не успел обустроиться, но сейчас мы что-нибудь придумаем.

Снимая трубку телефона внутреннего пользования, я спросил, что она будет пить, и в то же время попросил прощения за неудобства.

— Ну что вы, Заур, все нормально, я просто немного замерзла.

— Может быть, закрыть иллюминатор?

— Нет, нет, не нужно, что вы, — вам ведь совершенно необходим свежий воздух.

В этот момент в дверь каюты постучали. Это стюард принес коньяк, шоколад и лимон. Мы выпили и немного раскрепостились.

Леночка была женой дипломата и направлялась в Карачи, к месту службы своего супруга. Родом она была из Москвы, так что нам было о чем поговорить. Как ни странно, но я не скрыл от нее почти ничего из своего прошлого, и она, судя по ее взаимным откровениям, была мне за это благодарна.

В тот момент я был склонен предполагать, что ее послал мне Бог, еще раз давая возможность почувствовать вкус к жизни, с тем чтобы я боролся за нее. С самого нашего знакомства она поняла это и до конца нашей встречи пыталась стать для меня тем аккумулятором, откуда я мог бы заряжаться и черпать свои силы.

Руслан и Людмила были откровенно поражены таким тандемом, и со стороны я не просто видел, а чувствовал, как они восхищались моим талантом, думая, что я играю какую-то придуманную экспромтом роль. Я не стал их разочаровывать.

Через два дня пути, утром, «Тарас Шевченко» бросил якорь в афинском порту. Выйдя на берег, мы до самого вечера бродили по древним руинам Акрополя и храмам этого божественного города, а после ужина уехали далеко-далеко и оказались в какой-то

деревне у моря. Безоблачное небо сияло здесь неистовой синевой, вечнозеленые пальмы шептались о чем-то между собой, а лодки искателей жемчуга скользили по зеркалу залива, в безбрежном просторе Средиземного моря, у кроваво-алого горизонта.

За эти несколько дней я преобразился буквально на глазах. Что касалось наших отношений с Леной, то они были дружескими, так, по крайней мере, принято выражаться в порядочном обществе. День мы проводили на палубе, гуляя и отдыхая под тенью навесов. Она купалась в бассейне, а я, сидя в шезлонге и наблюдая за ней, фантазировал и мечтал. А как было не мечтать, глядя на это поистине божественное создание?

Вечером мою спутницу манило казино. Я стоял у зеленого стола с рулеткой и по ходу того, как крутился шарик, внимательно наблюдал за выражением ее глаз, следил, как менялась мимика ее лица в тот момент, когда шарик западал в какое-нибудь из гнезд, как она радовалась или огорчалась, и делал свои выводы.

Много лет назад один старый лагерный шулер объяснял мне некоторые нюансы в этом роде. Прежде чем сесть с кем-то играть по-крупному, он всегда наблюдал за ним, долгое время присутствуя рядом, когда его будущий партнер играл с кем-нибудь. И как правило, в течение короткого времени мог безошибочно определить характер и нутро этого игрока.

— Самые искренние чувства человека и его изначальная суть проявляются именно в игре: все написано на его лице, — говорил он мне, — но главное здесь, чтобы игрок не видел, что за ним следят.

Так что мне было интересно наблюдать и угадывать то, что в принципе было и так, как на ладони. Вся она была для меня как открытая книга — такая искренняя и по-хорошему доступная.

Сам же я никогда не садился за игорный стол. Профессиональные игроки вовсе не играют в рулетку — эта игра действует им на нервы, возбуждает их. Они заранее уверены, что шансов на выигрыш у них нет, и если кто-нибудь и рискнет поставить доллар, то с единственной целью: испробовать свое счастье, подобно тому, как опытный ювелир пробует предложенный ему металл.

Глава 22

Вечер того дня перевернул все с ног на голову или, скорее, поставил все на свои места. Мы только что вернулись на корабль, голодные и уставшие, еще по дороге договорившись, что поужинаем в ресторане на корабле, и разошлись по каютам для того, чтобы переодеться.

Это был один из тех чудесных благословенных вечеров, когда ветер приносит ароматы бесчисленных цветов, прекрасные розовые облака отражаются в море, и солнце, улыбаясь, покидает землю.

В тот момент я стоял почти раздетый, спиной к двери, надевая рубашку и глядя в зеркало, как вдруг дверь в каюту резко открылась. В дверях стояла Елена.

— Вы что-нибудь забыли, Леночка? — еле вымолвил я с дрожью в голосе, глядя на ее почти распахнутый белый батистовый халатик, на точеные ноги, на то, как вздымались ее маленькие, но упругие груди, на ее изящно посаженную головку и алые как роза губки.

— Да, Заур, я забыла кое-что.

— И что же? — с дрожью в голосе спросил я.

— Саму себя. Вы позволите мне забрать то, что принадлежит только мне, или рискнете оставить?

Она не спеша подошла ко мне и, вскинув голову, посмотрела глазами, полными любви и сострадания, так, как если бы я стоял с петлей на шее, а она явилась для того, чтобы зачитать мне оправдательный приговор.

Меня трясло, я не мог вымолвить ни слова. Но в какой-то момент взял себя в руки и еле прошептал:

— Но ведь это невозможно, Леночка, я болен заразной болезнью!

— В этом мире все возможно, Заурчик, — сказала она, скинув на пол халат и обнажив свое дивное тело. — А что касается болезни, то это не преграда для тех, кто желает друг друга. Вы ведь желаете меня, не правда ли?

Наши взгляды встретились вновь, огонь в них горел, как в жерле вулкана. И она еще спрашивала, желаю ли я ее. Забыв обо всем, я нежно прикоснулся пальцами к ее груди и поцеловал в шею. Она тут же приняла ласку, обвила обеими руками мою шею, и, лаская друг друга, через мгновение мы провалились в бездну любви и желаний.

Утро следующего дня застало нас в постели, с которой мы еще не поднимались. В открытый иллюминатор было видно

утреннее солнце, на редкость яркое и красивое. Оно слепило глаза, и от этого приходилось жмуриться. Был слышен тихий плеск волн, разбивавшихся о борт корабля, а в чистом лазурном небе, словно нарисованные кистью неведомого мастера, застыли редкие розовые облака.

— Если все умирающие в постели такие же, как и ты, Заур, — пыталась подбодрить меня эта прелестная искусительница, — то я даже не знаю, какие они тогда, когда здоровы?

Я обнял ее и нежно прижал к груди. Это была сказка. Я сам не верил в то, что произошло. Но так хорошо знакомый мне огонь, подступивший к горлу, и приятная дрожь, обволакивавшая все тело, говорили о том, что это явь.

Как молитва, так и любовь никогда не могут быть чрезмерными. Я вновь овладел ею, и мы, как и раньше, утонули в безбрежном океане блаженства.

Еще долго мы пребывали в этом восхитительном состоянии, но в середине дня стук в дверь прервал нашу идиллию и спустил с небес на землю.

— В чем дело? — недовольно прорычал я своим басом.

— Простите, сэр, у вас все в порядке? — послышался из-за двери голос стюарда.

— Лучше, чем могло бы быть, молодой человек.

— А простите, пожалуйста, еще раз, капитан интересуется самочувствием леди, вашей соседки.

Но Леночка не дала мне сказать больше ни слова. Уже успев встать и накинуть халат, она подошла к двери и открыла ее с такой грацией восточной царицы, что ни у кого не должно было остаться даже и тени сомнений относительно ее нравственного облика.

Она проговорила этому пацаненку-халдею что-то по-английски и вышла в коридор. Растерявшись, он попятился назад, несколько раз извинился также по-английски и пошел дальше, а я через несколько секунд услышал звук закрываемой двери соседней каюты.

Многие годы борьбы не были лишены известного разнообразия и глубоких следов, нередко отмеченных шрамами на моем сердце, и, будучи по натуре человеком импульсивным, я умел смеяться над нелепостями существования и радоваться достижениям, смакуя минуты благоденствия, украденные у нескончаемой борьбы за выживание.

Думаю, читателю нетрудно догадаться, как продолжалось это плавание, но чем оно закончилось, догадается не каждый. Даже самый сильный человек все равно слаб, его возможности ограниченны, что же говорить о чахоточном? Даже все золото

мира не дает исцеления от этой коварной болезни. Человек, так или иначе, всего лишь незначительная песчинка во Вселенной.

По прибытии в Порт-Саид Лена вместе со мной сошла на берег. Еще на Кипре, куда наш корабль приплыл спустя несколько дней после захода в Афины, она дала мужу телеграмму о том, что задержится в Египте по обстоятельствам, суть которых сообщит по прибытии в Карачи. Я узнал об этом, но возражать не стал. Она была не тем человеком, который меняет свои решения или привычки из-за каких-то там неудобств или лишений в пути.

Как мы добирались до оазиса Эль-Харра и как прощались потом — это отдельная часть моей жизни и глава, которую я когда-нибудь допишу. Если бы не Лена с ее прекрасным английским, с ее обаянием Афродиты и красотой Клеопатры, никогда бы мне не устроиться здесь, в этом поистине оазисе жизни. Она оставила мне столько денег, что их с лихвой хватило и на лечение, и на вполне сносную жизнь в этом уединенном крае.

Расставаясь, она взяла с меня слово, что я постараюсь вылечиться, и мы договорились встретиться еще раз в этой жизни. Женская красота — это такая сила, которая оставляет след даже после своего исчезновения и все еще волнует душу, когда уже не может волновать чувственность.

Через несколько месяцев пребывания в этой здравнице, бросив курить, соблюдая определенную диету и употребляя в пищу травы и растения, произрастающие только в пустыне, я прекрасно себя чувствовал и шел на поправку. У людей, много страдавших, но которых привычка или забвение излечили от страданий, есть изумительная способность скучать. Это происходит оттого, что страдания делают нашу жизнь невыносимой, в то же время наполняя ее такими сильными переживаниями, что они делают неощутимыми ее пустоты.

В общем, я скучал, предаваясь воспоминаниям, когда вдруг неожиданно был приглашен на переговоры с дочерью в Каир.

На следующий день я улетел в Москву, с тем чтобы оттуда отправиться в Бордо к нашедшим меня через столько лет дедушке и кузине.

Итак, вот уже почти два месяца я во Франции, в окружении родных и близких мне людей. Какие приключения ожидали меня далее, читатель узнает в следующей книге.

А пока позвольте откланяться. До скорой встречи, господа!

Авторская справка

Общее число заключенных в современной России — около миллиона человек.

Количество колоний — 800 (из них женских — 37).

Число тюрем и следственных изоляторов — 363.

Количество больных туберкулезом и ВИЧ-инфицированных — 121 тысяча человек.

Отбывающих пожизненное заключение — 1300 человек.

Переполненность тюрем — 150 %.

Процент помилованных: в России — 0,6, в Европе — от 5 до 30 (в зависимости от страны), в США еще меньше, чем в России, — 0,03.

Воровской словарь

Анаша — марихуана.

Базар — быть в разговоре.

Барыга — спекулянт.

Блатняк — вор в законе.

Верьверью — замысловатый обман.

Вкуривать — слушать и усваивать.

Втыкалы — карманные воры.

Выстегнулись — заснули.

ДВК — детская воспитательная колония.

Домушник — квартирный вор.

Дубак — сторож.

Жиган — вор в законе.

Жулик — вор в законе.

Затарить — спрятать.

Карманник — карманный вор.

Кацебурка, **бендешка** — будка или сторожка на бирже или в тайге.

Кореш — друг.

КПЗ или **ИВС** — камера предварительного заключения или изолятор временного содержания.

Ксивота — документы: паспорт, военный билет и т. д.

Кубатурить — думать.

Легавые — милиция или администрация тюрем и лагерей.

Лепила — медбрат из заключенных, не смыслящий в медицине.

Лушпайки — очень старые стиры.

Майданщик — вор, орудующий по поездам.

Малява — записка, тонко скрученная в целлофан и запаянная со всех сторон.

Мануфта — предмет одежды.

Маякнул — дал знать жестом, мимикой лица или выражением глаз.

Медвежатник — вор по вскрытию сейфов.

Напас — один раз или пару напасов чифиря, что означает — сделал пару глотков чифиря или пару затяжек курева.

Ништяк — хорошо.

Обиженные — люди, совершившие неисправимые проступки в заключении и сурово наказанные за них.

Общак — добровольный сбор средств (деньги, сигареты, чай, наркотики) арестантами для нужд преступного мира.

Перевертыш или **сухарь** — негодяй, выдающий себя под чье-

то воровское имя (на их судьбе стоял крест).

Подельники — лица, идущие по одному и тому же делу.

Положенец — вор в законе или поставленный ворами следить за положением в тюрьме, лагере, городе и т. д.

Потерсить — поиграть в «терс» (картежная игра заключенных на Севере).

Приклюнуть — немного поесть.

Пропуль — кошелек или деньги, украденные и во избежание запала отданные напарнику.

Ручечник — карманный вор-универсал, ворующий ручки с золотым пером.

Свояк — вор в законе.

Скула — внутренний карман пиджака, пальто, куртки.

Спалиться — попасться на преступлении.

Ставщик — из бригады карманников, предоставивший фраера втыкале.

Стакан — промежуток у вахты между жилой зоной и свободой.

Стиры — лагерные карты (самоделка).

Стос — колода карт.

Сука — предатель.

Сходняк — встреча воров в законе (региональный, всесоюзный сходняк), остановить встречу может только тюрьма или смерть.

Торговать — процесс воровства.

Урка — вор в законе.

Фартецама — атрибут карманного вора: пиджак, целлофановый пакет, газета.

Фарцовщик — барыга, торгующий запрещенным товаром (импорт и т. д.).

Форточник — вор, проникающий в квартиру обычно ночью через форточку или через окно.

Фраер — одна из трех частей преступного мира — потерпевший.

Фуфлыжник — не уплативший карточный долг.

Фуфло — неуплаченный вовремя карточный долг.

Ханыга — спившийся в прошлом преступник.

Хипиш — шум, скандал.

Цинканул — сказал, дал знать при помощи слов.

Чифирь — очень крепко заваренный чай.

Ширмач — карманный вор.

Шмон — обыск.

Шнырь — дневальный.

Шпанюк — вор в законе.

Шуляга — шулер.

Краткий словарь жаргонных слов и выражений, смысл которых неясен из контекста

(Возможны некоторые семантические, орфографические и фразеологические расхождения, связанные как с географической разбросанностью ГУЛАГа, так и с отсутствием единого общепризнанного словаря арго.)

Армуда — небольшой стакан с круговым углублением посередине. Обычно широко распространен на Востоке и в Средней Азии.

«Белохвостые» да «кремли» — пятидесятирублевки и сторублевки.

«Воронок» (когда-то «**Черная Маруся**») — машина, специально предназначенная для перевозки заключенных в никуда…

Базар — интересный и, главное, деловой разговор. Это слово не следует путать со словом БАЗАР, которое обозначает ругань.

Бан — вокзал.

Банковать отравой — продавать наркотики.

Без пяти минут вор — обычно это выражение употреблялось в том случае, когда кандидат в самое ближайшее время должен был войти в воровскую семью, то есть стать Вором в законе.

Будто тянул лопатник у фраера из косяка — будто вытаскивал портмоне у потерпевшего из одного из двух карманов брюк.

Бухарики — пьяницы.

Быть на положении — то есть смотреть за воровским порядком.

В куражах — в карточном выигрыше.

Вздернуться — повеситься.

Всё ровно — всё нормально.

Втыкалы — карманные воры.

Вызвать слегка — не на этап, а куда-то рядом: на допрос, например, или на суд.

Выудить мойло из-под губы — профессиональные карманные воры-писаки носили под губой кусочек лезвия и в нужный момент тут же без проблем вытаскивали его.

Гаповать — употреблять наркотики, проглатывая их.

Гашиш, или **план**, — чистая пыльца конопли, в народе называемая АНАШОЙ.

Гашник — тайник.

Гнидники — вещи.

ГУЛАГ — Главное управление лагерей СССР.

Для фартецалы — для блезира.

Добивать дикашку — досиживать срок в десять лет.

Дорога на свободу — путь лагерной корреспонденции на волю.

ДПНСИ — дежурный помощник начальника следственного изолятора.

Жулики — Воры в законе.

Завалить — убить.

Закоцанные — заключенные, закованные в наручники.

Игровой — лагерный картежник.

Катала — профессиональный картежник.

Катран — место, где собираются играть в карты под интерес Воры в законе.

Кивалы — народные заседатели в советских судах.

Килешовать — думать, размышлять.

Клифт — пиджак.

Колеса — психотропные таблетки.

Колымской феней — на диалекте заключенных, отсидевших на Колыме.

Копейка с доли — равная часть добычи с уголовного преступления.

Кормушка — отверстие в двери камеры, куда подают заключенным пищу и другие вещи, разрешенные правилами режима данного человеконенавистнического учреждения.

Котел (котлы) — часы.

КПЗ — камера предварительного заключения, где могли содержать не более трех суток. В особых случаях максимум мог достигать десяти суток.

Кукнар — срезанные, засушенные и перемолотые головки мака.

Лавэ — деньги.

Лагерный гарем после двенадцати часов — по законам преступного мира проигравший должен уплатить долг до двенадцати часов ночи. Одна минута первого, и он уже фуфлыжник. Таким образом он автоматически становится опущенным. С ним могут делать все, что заблагорассудится его кредиторам, изнасиловать, например. Хотя в воровском мире такого наказания нет.

Лепила — лагерный или тюремный медицинский работник.

Лопатник — то же самое, что и гомон, кошелек, портмоне.

Лохмач — то же, что и беспредельщик (или беспредельник).

Малява — лагерная или тюремная записка, тонко скрученная и запаянная в целлофан.

Марочка — носовой платок.

Место для перекантовки — место, чтобы переждать какие-либо события.

Мискал — мера веса в Древнем Востоке, равная 4,5 грамма. Взята наркоманами за основу взвешивания опия.

Мусора-майданщики — милиционеры линейных отделов.

Мусора-попкари (пупкари) — тюремные надзиратели.

На полусогнутых — походкой вразвалочку и как бы согнув при этом колени, как на корабле при качке.

Наводить коны — искать пути разрешения того или иного вопроса.

Насвай — зеленый порошок, смешанный с пометом кур и некоторыми сухими растениями, употребляемый в основном народами Средней Азии и Северного Кавказа (кладут под язык, чтобы не курить табак).

Не в кипеш — осторожно, незаметно, чтобы не потревожить ненароком.

Общак — общий котел, где собираются продукты питания, одежда или деньги. Все зависит от того, где он собирается — на свободе или в местах ее лишения. **Общак** бывает двух видов: воровской, собираемый исключительно для воров, и простой, который предназначен для остальных арестантов. Если же брать суть, то в принципе любой **Общак** считается воровским.

От хозяина с малявой — из тюрьмы или лагеря с запиской.

Отрава — всевозможные наркотики.

Отходняк от мусоров — как бы поминание покойника, но не в церкви, а соответственной службой правоохранительных органов на страницах газеты или журнала.

Офраеревший — узник, потерявший чувство тюремного бытия, забывший горечь неволи.

Паёк, или **пайка**, — ограниченная порция хлеба, выдаваемая повсюду в местах заключения. Отсюда: «Начальник, пайку гони!»

Погоняло — кличка, прозвище, кликуха.

Под вышак — под расстрел.

Под крышу — в лагерный изолятор или БУР.

Под раскруткой — ожидание суда за преступление, совершенное уже непосредственно в местах лишения свободы.

Подельник (или **подельница**) — человек, с которым проходишь по одному уголовному делу.

Подогнать — подарить, пожертвовать.

Подход — имеется в виду воровской подход, после которого тот, к кому он был сделан, становился Вором в законе.

Посадить в скулу в левяк — положить во внутренний левый карман пиджака.

Приняла контора — арестовал МУР (Московский уголовный розыск, Петровка, 38).

Пробивать на вшивость — проверять разного рода приемами характер и намерения человека.

Прожарки на «Петрах» — пытки и битье на Петровке, 38.

Промацовки — проверки.

Разменять — расстрелять.

Раскинуть стос и выдернуть любую стиру, даже навздёржку — раскинуть колоду карт и вытащить любую из них, даже не глядя.

Расписать углом — сделать надрез подкладки углом.

С кушем — намного лучше.

СИЗО — следственный изолятор, то есть тюрьма. В основном заведение следственное. Хотя очень часто бывает вполне человекоистребительное.

Сухариться — выдавать себя не за того, кто ты есть на самом деле.

Сухарь — человек, который выдает себя не за того, кто он есть на самом деле. В основном сухарями называют тех, кто объявляет себя Вором в законе, будучи на самом деле нечистью.

Терпила — потерпевший от уголовного преступления.

Терьяк, черняшка, ханка — опий-сырец.

Тихушники — оперативники по борьбе с карманными ворами.

Тычить — лазить по карманам.

Укатать — уговорить.

УСТИМЛАГ — Управление лагерей в Коми АССР. (Премерзкое, между прочим, заведение.)

Фугара — весь цветок мака, с уже надрезанными головками и взятым оттуда опием.

Хипесница. Основным оружием этих дам было обольщение. Пока фраер обращал на нее все свое внимание, сообщники обворовывали его.

Цапка — рука.

Цветная наколка — точная наводка на какое-либо преступление: кражу, грабеж, убийство и т. д.

Цепура — золотая цепочка на шее.

Цинкануть — дать знать.

Чалиться у хозяина — быть в заключении.

Чифирнуть — выпить чифиря — напитка из очень крепко заваренного чая: примерно одна пачка (30 г) на пол-литровую кружку воды. Редактор сам по воле судьбы неоднократно пил эту

мерзость и другим без крайней нужды не советует: сердце, почки, знаете ли, сосуды опять же…

Чуйка — внутреннее чутье.

Ширево — наркотик, употребляемый внутривенно.

Ширмачи — карманники.

Шконарь, а также **шконка** или **шхонка** — лагерная или тюремная койка.

Штемп — что-то вроде придурка.

Шустрить — лазить по карманам.

Щекотнуться — понять, осознать реальность происходящего.

Фото с вкладки

Мама. Любовь Александровна Зугумова

Бабушка Вера Ивановна. 1904 год. Бордо. Франция

Сестра бабушки. 1912 год. Санкт-Петербург

Брат бабушки Александр. 1899 год. Санкт-Петербург

Брат бабушки Александр. 1896 год. Санкт-Петербург

Прадедушка с сестрой. 1886 год. Варшава

С вором в законе Аликом Махачкалинским

С другом детства Али-заде

С корешем Серегой Магнитом на моем дне рождения

Жена Людмила, дочь Хадижат и внук Алексей на вершине горы Тарки-Тау, в Махачкале

С коллективом своей газеты «Молодежь Дагестана» на пикнике

В мечети колонии № 4 города Махачкалы во время визита, слева направо: я, зам. главного редактора еженедельника Молодежь Дагестана» Альберт Мехтиханов и имам мечети

Вручение мне почетной грамоты госнаркоконтроля

Слева направо: я, Шарапутдин Сулейманов (Шульц) и Тимур Галимов (старший брат вора в законе Аркаши Махачкалинского)

С друзьями на отдыхе. Слева направо: тренер по боксу Таймураз, я, главный тренер футбольного клуба «Анжи» О. Тетрадзе, коммерческий директор футбольного клуба «Анжи» М. Джугелия и бизнесмен Расул

Съемочная группа НТВ, апрель 2008 года, Махачкала. Слева популярный ведущий НТВ Алексей Егоров

На свадьбе друга, слева направо: я и друзья детства: Давид-бек Черкесов (аудитор Счетной палаты Дагестана) и Асадулла Исламов (депутат Махачкалинской городской думы).

Со мной художник и музыкант, лучший шоумен Махачкалы, руководитель еврейского центра Коля Гуршумов

На свадьбе друга, слева направо: актер Русского драматического театра и известный шоумен Махачкалы Алексей Тимохин, один из лучших скрипачей Кавказа Дадаш Дадашев и я

С внуком

С племянницей и сестрой

За работой

В Кисловодске. Слева — мой друг Тимур. 2008 год